

РАССКАЗЫ
О СТРАНАХ ВОСТОКА

Гана Прейнгальтерова

МОИ БЕНГАЛЬСКИЕ ПОДРУГИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Гана Прейнгалътерова

МОИ БЕНГАЛЬСКИЕ ПОДРУГИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1984

Hana Preinhalterová
Моје бенгальскé přítelkyně
Praha, 1978

Редакционная коллегия

К. В. Малаховский (председатель), *Л. Б. Алаев*,
А. Б. Давидсон, *Н. Б. Зубков*, *Г. Г. Котовский*,
Р. Г. Ланда, *Н. А. Симония*

Ответственный редактор

Н. Р. ГУСЕВА

Перевод с чешского

Н. В. РЕЙЗЕМА

Прейнгальтерова Г.

П71 Мои бенгальские подруги. Пер. с чешск.
Н. В. Рейзема. — Послея, Н. Р. Гусевой. Главная
редакция восточной литературы издательства «Нау-
ка», 1984.

168 с. с ил. («Рассказы о странах Востока»).

В книге чешского индолога, преподавателя Карлова университета, неоднократно бывавшей в Индии и хорошо знакомой с обычаями, нравами Западной Бенгалии, рассказывается о судьбах индийских женщин в современном обществе. Автор с большой симпатией рисует своеобразие повседневной жизни индийцев. В книге дается подробное и точное описание свадебных обрядов, праздников и традиционной одежды.

П 190520000-046
013(02)-84 — 106-84

ББК.63.5(2)

© Hana Preinhalterová, 1978.

© Перевод и послесловие:

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1984.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Одна из обязанностей преподавателя высшего учебного заведения — популяризация. Тем не менее не всегда она приносит лишь радость. Я люблю свою работу. Мои отец и мать были учителями, и, наверное, от них я унаследовала любовь к преподавательской деятельности. Родители преподавали в деревенской начальной школе. Вокруг них обычно было много детей, и я всегда немного завидовала отцу и матери. У меня всего лишь пять-шесть студентов, изучающих бенгальский язык, а это так мало. Я понимала, что такая небольшая страна, как Чехословакия, не может позволить себе подготовить большое число специалистов за год в столь узкоспециализированной области науки.

Компенсацией за этот «недостаток» для меня, с одной стороны, служило чувство гордости, что я преподаю в старейшем учебном заведении Европы — в Карловом университете, и уверенность, что бенгалистика имеет достаточно давнюю традицию, берущую начало со времени преподавания профессора Винченца Лесны. Он родился сто лет назад и стал первым европейцем, который с языка оригинала перевел произведения знаменитого бенгальского писателя Рабиндраната Тагора.

С другой стороны, у меня появилась возможность популяризации. Я поняла, что если мне удастся рассказать о Бенгалии в специальной программе радио, то ее услышат намного больше людей, чем все ученики матери и отца, вместе взятые. Отклики на эти передачи как раз и подтвердили мои предположения. Я убедилась, что самый большой интерес вызывают передачи и статьи, касающиеся повседневной жизни индийцев. В чем же причина? Может быть, в том, что сообщений из области экономики, культуры, географии, политической жизни намного больше, чем о современных повседневных реалиях? А может, это объясняется огромным интересом людей к простым вещам человеческого бытия? Так или

иначе, я с удовольствием пыталась направить собственную популяризаторскую деятельность в это русло.

К этому меня привел и личный опыт первого моего пребывания в Индии. Я отправлялась туда достаточно информированной: пять лет занималась бенгалистикой, что включает не только бенгальский язык, санскрит и основы хинди, но и географию, древнюю и современную историю, литературу, культуру Индии и т. д. Тем не менее первые дни и недели, проведенные в Индии, были для меня шоком. Когда приезжаешь в другую страну (к тому же совсем непохожую на твою родину), то, прежде чем приступить непосредственно к работе, необходимо решить вопросы с питанием, ночлегом, одеждой и контактов с людьми. Иначе не сможешь приступить к работе, не напишешь ни строчки, не прочтешь ни одной страницы: ведь ты голоден, тебя кусают москиты, не выспишься и не найдешь человека, кто мог бы дать полезные советы. Вряд ли найдется такой советчик, если ты не знаешь норм поведения, обычаев и стиля мышления своих хозяев. Однако очень часто они весьма отличны от того, что ты ожидал увидеть и услышать.

Чтобы мои студенты-чехи не растерялись в Индии, я и написала эту книгу. Она должна послужить им своего рода инструкцией к действию. В таком руководстве по индийскому образу жизни нуждаются порой и люди в Европе, контактирующие с индийцами. В противном случае они с трудом будут понимать друг друга, а непонимание может порой привести к недоразумениям.

Однажды случилось так, что я со своей четырехлетней дочкой была приглашена в Праге на ужин в знакомую индийскую семью. Это был торжественный ужин, на нем присутствовало около тридцати человек, и проходил он традиционно по-индийски. Я не была предупреждена заранее о том, что стол будет сервирован по-индийски, поэтому не подготовила свою дочь. Я научила ее только бенгальским приветствиям, и девочка вначале доставила хозяевам радостные минуты. Хуже было потом. Как это принято в Индии, ужин подавался поздно. Дочь была сонной, и поэтому ей уже не хотелось входить в новую роль.

За столом есть надо было рукой, сидя со скрещенными ногами на полу. Дочь решительно потребовала, чтобы ей поставили стол и стул. Мне с трудом удалось ей объяснить, что такое количество людей вместе со столом не вошло бы в комнату. В конце концов она села

на пол, но упрямо вытянула ноги к разложенным тарелкам и отказалась есть рукой, попросив прибор (хотя раньше никогда не была образцом поведения за столом), а когда ей принесли его, то, к моему великому ужасу, она стала привередничать, громко заявляя, что блюда очень острые и есть их невозможно. На самом деле еда была вкусной, лишь слегка более острой, чем обычно у нас. Хозяйке удалось спасти положение — она принесла девочке огромную миску бенгальских сладостей, которые пришлось моей дочери по вкусу. Наконец-то она стала есть рукой и даже поджала ноги.

Своей книгой я попыталась призвать к терпимости всех, кто вступает в контакт с приезжими из далеких стран. Призвать, однако, не только их. В подобный контакт, благодаря телевидению, радио, печати, сейчас вступают все. Сталкиваясь с новыми, принципиально отличными от наших традициями и обычаями, мы часто занимаем негативную позицию, исходя из не слишком мудрого принципа: что не похоже на нас, то — плохо. Мы не можем понять тибетцев, которые, оказывается, пьют чай с маслом, арабских женщин, которые носят младенцев за спиной, и индианок, видите ли, за то, что они носят младенцев на боку. При этом удивляемся, если другие народы не могут проникнуться нашими обычаями и не принимают их. Опыт, а подчас довольно горький, убедил меня в необходимости терпимо относиться к традициям и обычаям разных народов. Способность войти в чужое мышление — пожалуй, самый лучший способ глубже познать и самого себя и других.

Уверена, что советские читатели, которым эта книга в данном случае адресуется, безусловно, разделяют мою точку зрения. То, что мы в Чехословакии испытываем при контактах с представителями других национальностей, для советских людей является повседневной практикой в масштабе одной страны. Без взаимопонимания и терпимости такое огромное государство, с таким большим количеством самых разных национальностей просто не могло бы существовать, тем более развиваться и процветать.

Со времени моего первого пребывания в Индии прошло более десяти лет. За это время мои бенгальские подруги обзавелись семьями. Теперь я получаю письма от их детей, начинающиеся словами: «Милая тетя». Станет ли жизнь этих моих «племянниц» и «племянников» иной, чем была у их матерей? В чем-то, безусловно, да.

Внутриполитическая ситуация в Индии быстро меняется, и это влияет на образ жизни населения. Технический прогресс входит в быт «низших средних слоев». Вместо прежних песнопений под аккомпанемент традиционных музыкальных инструментов можно иногда слышать музыку, несущуюся из транзисторных приемников и магнитофонов. Новые, скоростные шоссе соединяют глиняные деревни с городами; чаще, чем раньше, сыновья после женитьбы отделяются от больших семей и отправляются работать в отдаленные районы страны.

И тем не менее образ жизни, обычаи и мышление индийцев меняются очень медленно. Думаю, то, о чем я написала в книге несколько лет назад, за небольшим исключением, остается в силе и в наши дни. Возможно, когда мои «племянницы» выйдут замуж и ко мне придут письма от их детей, начинающиеся словами «милая бабушка», я снова напишу книгу, на сей раз под названием «Мои бенгальские внучата» — и она уже будет значительно отличаться от этой. Однако до той поры и из Ганга, и из других священных рек утечет много воды.

После выхода в свет в Чехословакии «Моих бенгальских подруг» я стала получать от читателей много писем. Они благодарили меня за своевременную книгу и выражали желание прочитать еще нечто подобное, а также задавали вопрос: не пишу ли я новую? Так, одна пожилая читательница, которая, как выяснилось, никогда в жизни не видела индианок, даже прислала мне цветной рисунок, на котором была изображена индийская женщина. Эта картина была нарисована под впечатлением моей книги. Однако самую большую радость доставили мне письма, из которых следовало, что моих читателей книга заставила задуматься над собственной жизнью и над отношениями между людьми. Именно такую цель я и преследовала, когда взялась за написание этой книги.

Когда бенгальский журнал «Деж» опубликовал частичный перевод книги, подобные письма стали приходить и из Индии, а также от бенгальцев, проживающих в разных странах мира.

Сейчас, когда «Мои бенгальские подруги» выходят в свет в Советском Союзе, я испытываю огромную радость и принимаю это как награду. В то же время я очень волнуюсь — воспримут ли мою книгу советские читатели так, как я ее задумала?

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как-то на Вацлавской площади я стояла на трамвайной остановке. Был уже вечер, и по закону невезения подходили все трамваи, кроме моего. Подошел также № 20, и за его освещенным окном я увидела чернооую красавицу с переливающимся ало-синим шарфом на иссиня-черных волосах.

Пожилая женщина, стоявшая рядом, обратила на нее внимание и сказала своему мужу:

— Посмотри, какая красавица. Интересно, откуда она?

— Да кто ее знает, откуда-нибудь оттуда, из Азии,—ответил муж.

Это была, вне всяких сомнений, индианка. Его реакция вдруг напомнила мне целый ряд подобных реплик, слышанных мною в студенческие годы.

— Бенгальский язык, а разве есть такой? Я думал, что по-бенгальски говорят только бенгальские тигры. Ты изучаешь бенгальский язык? И бенгальский огонь умеешь делать?! Все равно ты изучаешь язык, чтобы выйти замуж за какого-нибудь махараджу! — говорили одни.

— Не ездь в Индию, заболеешь холерой! — вторили другие.

С тех пор прошло несколько лет. И так как географические расстояния сокращаются прямо на глазах, для многих из нас Индия давно перестала быть родиной бенгальских тигров, махараджей и эпидемий холеры. Много чехов и словаков побывало в этой стране: рабочие и инженеры, строившие в Индии огромные заводы, студенты и студентки, учившиеся там по программе культурного обмена. В свою очередь, в Чехословакию приезжают индийские студенты, рабочие, инженеры.

Те, кто никогда не бывал в Индии, могут судить об этой стране по многочисленным сообщениям печати, которые знакомят нас с ее прогрессивной внешней поли-

тикой, с борьбой в защиту мира на международной арене, с насущными проблемами страны — перенаселенностью, нищетой, тысячелетними предрассудками, религиозным фанатизмом.

Обо всем этом у нас знают. Но думаю, что с информационной точки зрения мы перед Индией еще в долгу. Необходимо познакомиться с ее буднями. Следует не только читать о стихийных бедствиях и йогах, но и уметь представить себе повседневные заботы и проблемы индийцев.

Однако речь идет о нашем долге не только перед Индией. Поучительно знать обычные человеческие дела всех людей на нашей планете, знать, где как одеваются, здороваются, выходят замуж, женятся, что едят, и если не едят, то почему — из-за религиозных заповестей или из-за отсутствия денег. Узнав о тех проблемах, с которыми сталкивается рядовой индеец, наши собственные покажутся нам не столь уж острыми. Кто знает, быть может, тогда мы увидим мир несколько иными глазами, глазами обитателя планеты Земля, а это никому не лишне.

Несколько слов о самой книге. Я пишу не о всей Индии, а только о том, что узнала сама — о Бенгалии и бенгальцах. Их не так уж мало. В последнее время численность бенгальцев превысила 110 миллионов. Большая часть — 70 миллионов — проживает за пределами Индии, в соседней стране Бангладеш, остальные — в штате Западная Бенгалия, на северо-востоке Индии. Я была там на стажировке в качестве аспирантки, и этот год принес мне массу впечатлений, которыми я хочу поделиться на страницах книги. Основное время я провела в университетском городке Шантиникетоне, расположенном в 150 километрах от столицы штата Западная Бенгалия — Калькутты. Этот университет в 1922 году основал великий бенгальский писатель Рабиндранат Тагор. Университет — воплощение его прогрессивных устремлений в области образования и мечты о культурном сближении Востока и Запада.

К тагоровскому идеалу воспитания (равенство учеников независимо от кастовой принадлежности и имущественного положения, совместное обучение представителей обоих полов, связь с жизнью) со времени смерти поэта приблизился ряд индийских университетов и школ. Шантиникетон, напротив, кое-что утратил из своих первоначальных принципов,

Цель данной книги — описание не университетских событий, а повседневной бенгальской жизни, познать которую мне помогли девушки из общежития в Шантиникетоне.

Возможно, в моем рассказе вы обнаружите противоречия, а тот, кто был в Индии, быть может, воскликнет: — Да ведь там все иначе!

И будет по-своему прав. В современной Индии проживает около 700 миллионов человек. Это не то же самое, как если бы мы помножили число жителей Чехословакии на 45. Нет! Это — так, если, во много раз увеличив число сегодняшнего населения, добавить к нему несколько дюжин племен и немало миллионеров, да еще огромное число тех, кто живет в полной нищете и питается тем, что находит на свалке. Только таким путем мы могли бы составить представление об истинном составе и образе жизни индийского населения.

Естественно, что среди миллионов крестьян, возделывающих землю деревянным плугом от Гималаев до мыса Коморин, среди аскетов, домохозяек, религиозных фанатиков, реформаторов, нищих, террористов, просветителей и рядовых людей (только кого же считать рядовыми индийцами?) существуют такие различия, что любая характеристика будет содержать лишь частицу истины.

Но есть проблемы и пути их решения, типичные для каждого индийского штата или по крайней мере для его конкретного общественного слоя. Мое положение студентки позволило мне войти в так называемые средние слои: семьи чиновников, учителей, врачей со средним достатком, техников, государственных служащих и др. Несомненно, положение этого слоя довольно точно отражает жизнь бенгальского народа. Этот слой достаточно образован, чтобы принимать активное участие в общественной жизни, и обладает финансовыми средствами для сохранения своих характерных черт, но он не настолько богат, чтобы, окружив себя предметами западной технической цивилизации, лишиться национального своеобразия.

В то же время средние слои представляют лишь небольшой процент бенгальского населения. Более двух третей бенгальцев занимаются земледелием и вместе с городской беднотой составляют ту преобладающую массу населения, для которой обеспечение прожиточного минимума уже является проблемой. Например, при пе-

речне 60 необходимых блюд на богатой бенгальской свадьбе следует иметь в виду, что у многих деревенских жителей не всегда есть даже и горсточка риса, приправленного овощами. Бедность стран «третьего мира» хорошо известна. По большей части теоретически. Нам, которым в течение всей жизни не приходится задумываться, а будем ли мы есть завтра, невозможно себе представить ужас постоянной нищеты во всем ее трагизме. И только когда мы видим ее собственными глазами, встречая на улицах людей, которые настолько ослабели от голода, что не могут двигаться, понимаем, что наше общество дает нам намного больше, нежели мы в своей сытости осознаем.

Нищету в Индии нельзя не заметить. Поэтому в книге речь пойдет и о людях бедных и беднейших. Но главным образом я расскажу о тех бенгальцах, которых материальные проблемы не затрагивают так сильно. Делаю я это не из желания что-либо приукрасить, а потому, что узнала их жизнь лучше и могу рассказать о ней более правдиво.

СЛОЖНОСТИ С ЭТИКЕТОМ

Индия — страна, где ученики приветствуют учителя «взятием праха с его ног» и где письма адресуются «лотосообразным стопам» адресата довольно часто.

Я ехала в Индию учиться и была полна решимости проникнуть не только в тайны разговорного бенгальского языка, но и в особенности бенгальского образа жизни. Так, зная, что бенгальцев отличает ангельский характер, я совсем не боялась, что меня поджарят на вертеле (ведь они в большинстве своем вегетарианцы) или же принесут в жертву богине Кали (ведь я не козленок), но весьма опасалась, что не сумею овладеть правилами их этикета.

Первые же дни на бенгальской земле утвердили меня в моем страхе. Каникулы закончились, студенты возвращались в университеты, и «взятие праха с ног» не имело конца.

Выглядело это так: приветствующий, склоняясь, едва касаясь рукой стоп приветствуемого, а затем дотрагивался ею до своих волос надо лбом, как бы беря прах с его ног и посыпая им свою голову. Приветствуемый же принимал позу, выражающую «ну что ты, зачем ты это делаешь?» и одновременно «прими мое благословение». Первое проявляется в том, что он как бы поднимал приветствующего, а второе в том, что опускал руку на его голову.

Когда же приветствуемый находится в позиции, неудобной для «взятия праха» (например, сидит за столом и ноги его торчат из-под стола), ему говорят, что его хотят поприветствовать, и он встает, если речь, конечно, не о старейшине, который, естественно, в подобной ситуации вставать не будет. Ведь старейшины, как правило, восседают на местах, доступных для оказания почестей.

Девушки, одетые в длинные свободные сари, приветствовали подобным образом профессоров. Мне же в

узком и коротком европейском платье этот приветственный акт казался невозможным. Но когда я увидела, как у одетого по-европейски ректора «берет прах с ног» молодой человек в джинсах и джинсы при наклоне буквально трещат по швам, я закрылась в своей комнате и начала тренироваться в искусстве совершения индийских приветствий. Для начала я «брала прах» с ножек стула.

Но на этом все мои упражнения и кончились. Дело в том, что, к своему великому облегчению, я обнаружила: бенгальцы не ожидали от меня подобного умения. Более того, они протестовали и тогда, когда я уже носила сари и стала ближе к их образу жизни и во многих других отношениях.

Итак, местный этикет меня больше не пугал. Уже через несколько дней я поняла, что мне надо примириться, рассуждая по-европейски, с недостаточностью этикета. Бенгальцы отнюдь не увлекаются лишними фразами вежливости. Когда, например, я благодарила за мелкую услугу девушек в общежитии, они недоумевали и спрашивали, к чему эти формальности с друзьями. А в магазинчике продавец просто рассмеялся. Когда же я произнесла по-бенгальски «спасибо» в деревне, то там на меня посмотрели так, как если бы это слово прозвучало на каком-то непонятном им языке, и просто не реагировали.

Чтобы не возникало недоразумений, хочу заметить: в бенгальском языке, естественно, имеется много слов, соответствующих нашим выражениям сердечной благодарности, глубокого сожаления и многочисленным извинениям. Все учебники бенгальского языка буквально изобилуют ими. Для европейцев сложность заключается в том, что европеизированные индийцы их употребляют по крайней мере только в общении с европейцами. До поездки в Индию я получала письма из Бенгалии, начинающиеся словами: «Благодарю Вас за письмо и очень сожалею, что я задержался с ответом». Но, как я позже установила, все это перевод с английского, хотя и прекрасно звучащий по-бенгальски.

Приехав в Бенгалию, вы можете забыть все бенгальские «спасибо» и вместо них... Но что же вместо них? Я думала, что без этих слов не обойтись, но, оказывается, в Индии это возможно.

Попробуйте у нас попросить без «пожалуйста» кого-нибудь разменять десять крон или поблагодарить за

подарок, не произнося слов благодарности. Даже гневно требуя выключить радио, вы вряд ли сформулируете это иначе, как «пожалуйста, выключи!»

Я внимательно наблюдала и прислушивалась, как же это получается у бенгальцев: ведь не произнося «спасибо», «пожалуйста», они тем не менее совсем не производят впечатления невоспитанных людей. Более того, у меня складывалось впечатление, что все их просьбы и благодарности уже содержат в себе эти «спасибо», «пожалуйста». Вскоре я поняла, что дело не в содержании слов, а в том, как они звучат: просительно и благодарно.

Я постигала эту тайну постепенно. Сначала я открыла, что нашими «спасибо», «пожалуйста» мы слишком упрощаем и даже схематизируем те или иные жизненные ситуации: совершенно одинаково благодарим как за сдачу мелочи в кассе, так и за букет цветов. Причем мелочь в магазине кассирша нам просто обязана вернуть, в то время как букет цветов приятель дарить не обязан. Я не хочу сказать, что благодарить в магазине глупо, хочу лишь заметить, что в этой ситуации наше «спасибо» не совсем точно выражает наши чувства, ибо, как правило, мы при этом не испытываем благодарности за сдачу. Но подаренный букет цветов радует нас. Ситуации разные, однако реакция одинаковая.

Если бенгалец ничего не чувствует, он ничего не скажет. Здесь вы молча подаете деньги кассиру и молча получаете сдачу.

— Не заворачивайте покупку в бумагу, положите в коробку.

В ответ продавец молча выполняет вашу просьбу. Рикше вы молча платите за поездку, и он без слов принимает деньги, разве что, по его мнению, вы заплатили мало. Тогда он начинает спорить. Его мнение зависит от того, кого он в вас видит: местного жителя или иностранца. (В последнем случае он запросит с вас в десятикратном размере, но не об этом речь.) Если же вы заплатили ему больше, чем требуется, он ответит поклоном и при этом поднесет полученные деньги ко лбу — так всегда благодарят за бакшиш.

У нас в общежитии был старый привратник, очень полюбивший меня за то, что я — иностранка — говорю по-бенгальски. Каждое утро он приносил мне цветы. Не букет, а несколько сорванных цветков. И подавал он мне их всегда одним и тем же жестом: в раскрытых ладонях, кланяясь и прикасаясь цветами ко лбу. Вот

так каждый мой день начинался порывом поблагодарить и одновременно невозможностью сказать «спасибо».

Что касается слов благодарности, то и тут, как я заметила, нет никакого стереотипного подхода. Улыбка. В этом плане бенгальцам помогают их огромные черные глаза. Они могут быть и очень веселыми, и очень невинными, и очень благодарными — в точном соответствии с желанием человека. Поначалу я всем своим видом пыталась изобразить благодарность. Но, порепетировав перед зеркалом, я отказалась от этого способа выражения благодарности. Тогда я подсмотрела у индийцев новый способ. Например:

— О, эти цветы еще более прекрасны, чем те, что я получила вчера. Как они называются?

Или:

— Какие вкусные сладости. Жаль, что я не могу их дать попробовать маме. Вы их сами приготовили? Ну конечно, это же сразу видно!

Как, например, поблагодарить за то, что вам помогли надеть сари, когда результат — на вас сари — заслуживает чего угодно, только не похвалы? Жизнь от подобных способов выражения благодарности более многообразна, чем с нашими стереотипными «спасибо», «благодарю».

«Спасибо», в конце концов, вы можете и не говорить. Любезность вам оказана, подарок вы получили. Не поблагодарив, вы ничего, собственно, не потеряете. Но просьба предшествует благодарности. От просьбы зависит, будет ли вам оказана любезность. Когда я была маленькой, мне говорили:

— Не попросишь, не получишь.

А в Бенгалии я хотела получить многое и готова была просить до бесконечности, только бы знать, как это делается.

И я начала, как и в случае со словом «спасибо», с выражения просьбы глазами, потом на этом способе и остановилась, просто потому, что другой — восхваление выполненного действия — не очень-то у меня получался. Мне казалось неестественно говорить:

— Дай мне соль! Если дашь мне ее, то я так приготовлю себе яйцо, что ты глаза вытаращишь от удивления.

Умоляющее выражение своих глаз я, в случае большей значимости просьб, сопровождала умоляющей интонацией голоса, и надо сказать, что она мне удава-

лась куда больше, чем интонация благодарности. Рекомендую испытать. Произнесите просительным тоном:

— Вы не дадите мне чего-нибудь перекусить?

У вас это обязательно получится, и все прозвучит естественно, если вы голодны. А теперь скажите благодарным тоном:

— Я сыта. Все было очень вкусно.

Наверняка у вас ничего не получится, тем более что вы уже есть не хотите.

Итак, я просила глазами и голосом, а несколько позже мне удалось найти и словесный эквивалент к слову «пожалуйста». Это — словечко «немного». Как ни странно, мы им тоже пользуемся. Так, например, сосед вас просит немного помочь, а потом выясняется, что ему нужно передвинуть огромный дубовый шкаф, а дома только он и старая бабушка. Необходима помощь немалая, но просьба сформулирована так, чтобы ее форма была приятна ушам соседа. Этим волшебным свойством обладает не только слово «пожалуйста», но и словечко «немного». В Калькутте вы просите телефонистку, чтобы вам на *немного* дали ту или иную линию; сапожника, чтобы *немного* пришил ремешок, хотя если он пришьет его действительно немного, вы его как следует отругаете.

Вне всяких сомнений, бенгальцы это «немного» воспринимают, как мы наше «пожалуйста». Но для меня в этом «немного» всегда звучал хотя бы маленький оттенок истинного немного, и потому меня всегда поражало, когда в ответ на мою просьбу показать дорогу к вокзалу меня просто сажали в такси и доставляли на место. Такого эффекта у нас бы не имело самое вежливое «пожалуйста». Итак, эту часть этикета я освоила.

Новые сложности возникли у меня с приветствиями. Как я уже сказала, «взятие праха с ног» было для меня исключено. Я обрадовалась, выпрямилась во весь свой рост и настроилась на бенгальские эквиваленты наших приветствий: «добрый день», «доброе утро», «добрый ночи».

И снова натолкнулась на пустоту. От выражений благодарности девушки в общезжитии отговаривали меня. Когда же я им пожелала доброго утра, они громко рассмеялись:

— Ха, ха, заговорил наш поэт!

«Они в конце концов правы,—подумала я, соглашаясь.— Разве в Праге в общезжитии мы говорили друг другу „доброе утро?“»

Вечером, прежде чем отправиться спать, я сказала девушкам:

— Доброй ночи.

Они снова расхохотались. Это вывело меня из себя. Неужели мои слова — невежливый намек, что их рассказы мне уже не интересны, потому что мне хочется спать? Как иначе можно вежливо сказать им об этом? Я спросила их, но они никак не могли понять меня:

— Хочешь спать? Ну так иди и спи!

Сонная и сердитая, я отправилась спать, при этом твердо решив, что больше ни один бенгалец не услышит от меня ни «доброе утро», ни «доброй ночи». Слово свое я сдержала, а бенгальцам это было явно безразлично. У них действительно нет специальных ни утренних, ни вечерних приветствий. Самое большее, они спрашивают, как и мы:

— Как выспалась?

А вечером одни, идя спать, сообщают об этом целым предложением, а другие уходят без всякого предупреждения.

Однако трудности с проблемой приветствий имели свое продолжение. Еще в Праге я освоила известное слово *намаскар*. При произнесении его необходимо сложить руки и коснуться кончиками пальцев склоненного чела. Это приветствие доподлинно индийское, и я начала применять его там со всем энтузиазмом.

Сначала мне казалось, что все идет хорошо. Но потом я обратила внимание, что «другая сторона как-то не готова к этому жесту, а мои слова звучат странно. «В чем же снова моя ошибка?» — в отчаянии размышляла я. Расспросы были напрасны. Меня уверяли, что все в порядке. Одно было ясно: руки для приветствия поднимались в то мгновение, когда и я поднимала их, а словесный ответ приходил с секундным опозданием.

Позже я поняла, в чем дело. С одной стороны, ошибка заключалась в типе приветствия. *Намаскар* — это приветствие «с уважением». В ряду приветствий оно следует сразу же за «взятием праха с ног». Так приветствуют учителя или же учителя друг друга, и в этом оно отличается от «взятия праха» («прах с ног» берет всегда нижестоящий по социальному положению у вышестоящего): студент — с ног профессора, слуга — с ног господина, дети — с ног родителей. Приветствуя же студентку, я тем самым как бы увеличивала расстояние между нами, так, как если бы говорила:

— Мое почтение, барышня, как вы поживаете?
Это, безусловно, вежливо, но и смешно.

С другой стороны, ошибка заключалась и в мере, с какой я раздавала свои намаскары. Я делала это так же щедро, как дома мы говорим «добрый день». Этого бенгальцы не ожидали, и потому ответ приходил с опозданием. Хотя их приветствия и носят более обрядовый характер, зато совершают они их менее механически (ведь им надо выбрать между «взятием праха», сдвинутыми руками или просто кивком головы) и не часто.

В то же время ошибка заключалась и в изобилии слов. Бенгальский этикет — это прежде всего жесты. Тут «возьмут прах с ваших ног» и ничего вам при этом не скажут. Например, нашего громкого «привет». При встрече на улице просто улыбнутся друг другу и наклонят голову в сторону, и этот тип *намаскара* они тоже не сопровождают словами.

Так что и дружеская форма приветствия доставила мне свои трудности. Во-первых, мне было очень смешно, когда я пыталась повторить этот бенгальский наклон головы к плечу, а во-вторых, сначала, да и еще длительное время потом для меня все бенгалки казались на одно лицо. Это невероятно, но так.

В общежитии в Праге блондинка Зденка завязывала волосы в узел, темноволосая Ярмила была подстрижена под мальчика, а черноволосая Майка носила короткую стрижку. И это я запомнила с первого дня.

В общежитии в Шантиникетоне Мину была черноволоса и носила косу, Рина — черноволоса и носила косу, Маника — черноволоса и носила косу, и все остальные студентки черноволосы и носили косы. Кроме того, все были черноокие, смуглые и все одеты в сари. И я сразу поняла, что еще долго не научусь отличать их друг от друга.

Все стало еще сложнее, когда потом я открыла, что и директор женского общежития черноволоса и носит косу, и жена ректора черноволоса и носит косу, и уборщица тоже черноволоса и носит косу. В первые дни голова моя, полная впечатлений, не в состоянии была учитывать, при всей схожести, столь тонкие отличия, как сорт, длина и изношенность сари, рост женщины и полнота ее фигуры и т. д. И потому случалось, что уборщицу я приветствовала типичным индийским приветствием, а жену ректора просто дружеским кивком головы.

Реакция же оказалась иной, чем можно было ожи-

дать. Жена ректора не оскорбилась и пригласила меня на чай, а уборщица совсем не обрадовалась, а скорее чувствовала себя неловко.

И тут наконец до меня дошло то, что я должна была знать с самого начала: если не уверена в чем-либо, улыбнись. Так я открыла бенгальскую и одновременно международную форму приветствия, да, собственно говоря, и самую лучшую форму вежливости вообще. Я улыбалась бенгальцам при встрече, и они улыбались в ответ, и для начала мы пришли к взаимному убеждению, что все мы вежливые и милые люди.

Спустя некоторое время я перестала довольствоваться основными проявлениями человеческой вежливости и продолжала изучать бенгальский этикет. Должна признаться, что это не всегда была только моя личная инициатива. Иногда складывались такие обстоятельства, которые буквально вынуждали меня к этому.

Так, однажды на почте, купив марку, я облизнула ее, наклеила на конверт и подала в окно отправлений. Чиновник хотя и вежливо, но весьма категорично отказался принять письмо. Или, например, я протянула рикше рупию за то, что он отвез меня на вокзал, но рикша начал громко возмущаться и отказался взять рупию. К несчастью, он говорил на хинди, и я так и не поняла, чем он недоволен. Ведь я знала, что рупия за проезд на вокзал была обычной таксой. В чем же дело?

В то время я уже была знакома с д-ром Вармой, историком искусств. Он был человеком рассудительным и мудрым, восемь лет проучившимся в Германии. Он умел смотреть на обычаи индийцев глазами европейца, и наоборот. Я иногда говорила с ним о своих проблемах. На этот раз он спросил меня:

— Которой рукой вы подали рикше рупию?

— Не знаю; наверное, левой. В правой я держала кошелек.

Его вопрос мне показался загадочным, как в детективе.

— Вам необходимо это знать, тут есть принципиальное различие,—улыбнулся д-р Варма. — Ведь левая рука считается нечистой, она выполняет нечистые дела, понимаете?

Я не знала, но чувствовала, что именно д-р Варма не хотел бы мне объяснить, и согласно кивнула. Больше никогда и никому в Индии я ничего не подавала левой рукой и уже потом, после возвращения в Чехословакию,

часто ловила себя на мысли, что, расплачиваясь, перекладываю деньги из левой руки в правую.

Прав оказался и чиновник на почте. Ведь я облизнула ту марку! В Индии же считается, что через слюну передается ритуальное осквернение. Это распространяется на все предписания, касающиеся еды, а также и на наклеивание марок. На каждой почте в Индии есть губка, смоченная в воде, и индийцу и в голову не придет облизнуть марку. Все это говорит в пользу гигиены, но, должна признаться, лично я пользовалась губками весьма редко. Я пошла на уступку только в том, что облизывала марки и наклеивала их в своей комнате за закрытой дверью, приговаривая для успокоения совести:

— Эх ты, европейский поросенок!

Отвращение к облизыванию очень крепко укоренилось в индийцах. Это чувство живет даже в тех, кто прошел европейскую школу воспитания. Д-р Варма рассказал мне, что его буквально тошнило, когда его берлинская хозяйка иногда облизывала руку, на которую попадала капелька кофе из кофейника.

Я стала следить за собой и пришла к выводу, что совсем не знаю своего поведения. Мне пришлось контролировать себя, но до сего дня меня мучает вопрос, скольких индийцев я повергла в состояние тошноты, прежде чем удалось полностью искоренить этот мой недостаток.

Бенгальцы не любят извиняться. Однажды я попала в смешное положение, опоздав на час. Главное было не то, что я опоздала, а то, что произнесла в свое оправдание:

— Извините, пожалуйста, я очень сожалею, что опоздала.

Правда, я взяла эти слова из английского учебника бенгальского языка, да и может ли прибывший в Бенгалию говорить иначе, чем написано в книгах или как он научился этому от бенгальцев, проживающих в Европе? Из всей этой сцены я вынесла урок, что иногда лучше вообще ничего не говорить, чем повторять текст из учебника. Я произнесла слова извинений еще в дверях, обращаясь к дюжине бенгальцев, восседавших на индийский манер на полу. Я не сразу села и выступила перед ними со своими извинениями с высоты 168 сантиметров, пробормотав при этом нечто бессмысленное, то

есть «я очень сожалею». Две дюжины черных глаз лукаво засветились, а присутствовавший редактор местной газеты заявил, что мне не о чем сожалеть, да и они никогда ни о чем не сожалеют.

Я надолго запомнила этот урок. С того момента в разговоре с бенгальцами я принципиально не произносила этой фразы. Даже в беседе с теми, кто употребляет ее сам и несет ответственность за тексты в учебниках.

Спустя какое-то время в Шантиникетоне я замстила, что бенгальцы за что-то передо мной извинялись, но не понимала причины. Так, девушка, сидевшая рядом со мной в столовой, поднялась, но, прежде чем уйти, задержалась в проходе между столами и стульями и с виноватым выражением лица вдруг запрчитала:

— Ах-ах-ах!

При этом она сделала такое движение, как если бы хотела «взять прах с моих ног». В ответ я улыбнулась, и это ее, видно, удовлетворило. Я решила, что, споткнувшись о ножку стола, она, возможно, подумала, что наступила мне на ногу. Такое случается. Но когда подобная сцена повторилась несколько раз, я отправилась к д-ру Варме.

— Девушка не споткнулась о стол и даже случайно не наступила вам на ногу,—пояснил д-р Варма. — Вероятно, она задела вас, и если была обута (шантиникетонские девушки ходят, как правило, босиком), то тем более ей было неловко!

— Зачем извиняться, ведь я даже ничего не почувствовала? — поинтересовалась я.

— Это неважно. Почувствовала она, ибо старалась пройти осторожно. Коснуться кого-нибудь ногой, тем более сандалией, считается у нас большим оскорблением. Случись подобное сто лет назад и принадлежи вы к касте брахманов, вас исключили бы из нее, не потребуй вы за нанесение вам подобного оскорбления соответствующего извинения,—добавил он, улыбаясь.

Наученная опытом, потом я еще много раз убеждалась в правдивости слов д-ра Вармы. В Индии, где люди часто сидят прямо на земле, возможностей для совершения подобных прегрешений несметное количество, особенно в многолюдной толпе во время народных представлений, лекций, богослужений и т. д. Я убедилась, что д-р Варма прав. Выбирающемуся из толпы приходится буквально прокладывать себе путь, согнувшись и

вытянув вперед руку. В том случае, если место для сидения чем-то покрыто, все обязательно снимают обувь, прежде чем ступить на него. Ну, а если нечто недопустимое свершилось, то обязательно раздастся причитание «ах-ах-ах», сопровождаемое сложной мимикой, с учетом еще и положения того, кого «оскорбили».

Д-р Варма сказал, что корни этикета, который я так старалась постичь, совсем не там, где я их искала,—они уходят в индуизм. И тогда, запасаясь в университетской библиотеке несколькими книгами, я решила изучить их в воскресные дни.

Однако вскоре я пришла к выводу, что этому занятию можно посвятить и вечера, хотя в эти часы моего внимания хватало лишь на детективы. Ученые размышления как раз и читались мной как детективы. Возможно, в Европе у меня не возникло бы такого чувства, поскольку смесь индуистских наставлений, запретов, поверий, страхов и обязанностей на каждый день настолько сложна, что через какое-то время просто утомляет. Здесь, на месте, я могла не только представить за каждым запретом и каждым наставлением конкретную ситуацию, но и сравнить ее с реальностью, с которой сталкивалась не только я, но и сами бенгалцы.

Эти мои чтения и размышления по вечерам иногда вызывали у меня приступы смеха, так что соседки забегали ко мне и интересовались, что я делаю.

Так, например, я узнала, что, зевая, нужно прикрыть рот правой рукой, и не потому, что зевать невежливо, а для того, чтобы мошки не залетели в рот. И чтобы не доставить неприятностей не себе, а мошкам, дабы, не дай бог, не проглотить их. Поэтому, зевая, необходимо для пущей уверенности щелкать указательным и большим пальцами перед самым ртом.

Надо сказать, что предписание нарушалось в Шантипикетоне очень многими. Нет, девушки не глотали мошкар случайно, они ее сознательно убивали. Как и полагается в тропиках, тут были настоящие тучи москитов, и все сражалось с ними как могли. Вечером в общежитии девушки закутывались в сари с головы до пят (москитный укус в босую ногу весьма неприятен), усаживались в холле поближе к огромному вентилятору и зажигали вокруг себя *дхупи* — благовонные палочки, которым я по незнанию приписывала чисто религиозную функцию, такую же, как нашему кадилу. Теперь же я узнала, что они используются в борьбе с москитами, так

же как, например, защитный огонь в борьбе с хищниками. Но и эти меры оказывались недостаточными, и девичьи беседы часто нарушали звонкие шлепки. Одна девушка сидела обычно скрестив ноги и, придерживая пальцами ног зажженное дхупи, руками шлепала в воздухе, уничтожая мошкату. В этом деле она достигла невероятных рекордов. Однажды, например, она составила на столе из мертвых москитов надпись: «К черту всех москитов!» И ее не исключили из касты, более того, она снискала даже славу самой остроумной студентки.

Пренебрегали все и другим поверьем: не называть отправляющегося в путь по имени. В противном случае, согласно примете, ему следует вернуться и отправиться снова, чтобы путешествие закончилось благополучно.

Я же часто отправлялась за покупками в близлежащий городок, ну а там-то при торговых операциях счастье мне было крайне необходимо. И тем не менее, идя по Шантиникетону, я только и слышала стереотипные вопросы, причем мое имя повторялось так часто, что один спрашивающий должен был слышать другого:

— Генади (так звучит мое имя по-бенгальски), куда ты идешь?

Мне приходилось ответить раз сто, и я страстно молила, чтобы уж тут-то хотя бы немного соблюдались обычаи.

Все это было просто забавно. Есть, например, правило, записанное в 1875 году в книгу индуистских обычаев в Бенгалии. Цитирую его дословно: «Если в столовую или на кухню забежит собака, вся приготовленная еда должна быть выброшена, а посуда основательно вымыта, ибо собака считается нечистой и коснувшийся ее должен совершить омовение».

Прочитав эти слова впервые, я подумала, что, может быть, стоит начать пропаганду возвращения к ортодоксальному индуизму, ведь бродячие собаки у нас тут бегали не только по коридорам общежития (и девушки их гладили, чесали им за ухом и давали вылизывать тарелки), но и забегали в столовую и даже на кухню. И я представила себе, как быстро наступил бы конец этому дружескому сосуществованию с немым нашим другом, если бы ответственным за питание пришлось на свой собственный счет закупать продукты для всей столовой, собственными руками неоднократно чистить всю кухонную утварь и готовить свежую еду. И тут я вспомнила, что мое кастовое происхождение слишком низкое (да,

собственно, и касты у меня нет), чтобы пропагандировать индуизм. Так что мне ничего не оставалось, как улыбнуться.

Однако я видела, что современные бенгальцы идут и на многие другие отклонения от предписанных норм поведения. Когда я, не индуска, случайно дотрагивалась до них, они ведь не совершали очистительного омовения. Бенгальцы спокойно носили также кожаную обувь, не вешали на шею амулетов и не принимали обета молчания на целый год, если подыхала их корова, и т. д.

Конечно, учебные пособия по курсу правил хорошего тона, которыми я пользовалась, несколько устарели. Время явно привнесло в них немало изменений, так что сегодня, пожалуй, не стоит рассуждать по этому поводу.

Итак, приобретение опыта ставило передо мной новые проблемы. То, что я усваивала, в повседневной практике мне мало помогало, но зато иногда я могла понять довольно странное на первый взгляд поведение окружающих меня людей. Собственно, мне нужна была бы еще одна книга — согласно индийской литературной традиции, ее следовало бы назвать комментарием к жизни. Это была бы книга, в которой оговаривалось бы, какие правила устарели, а какие еще соблюдаются, и где, и кем, и в какой мере. Как и любая другая комментаторская литература, эта книга, безусловно, по объему превосходила бы сам свод предписаний, и, уж конечно, я не нашла бы ее ни в одной из библиотек. Так что мне оставалось и далее руководствоваться лишь собственным опытом.

Однажды я ехала в калькутском трамвае и с удовольствием наблюдала за пестрой толпой пассажиров. Сколь многого лишают себя европейцы, путешествующие из-за страха перед толчеей, грязью и возможной инфекцией в такси. А их в Калькутте полным-полно: и европейцев, и такси.

Итак, я сидела в трамвае, когда вошли две девушки лет по пятнадцати. Пожалуй, им еще не было и пятнадцати, так как обе были не в сари, а в европейских платьях — значит, они еще подростки. При их появлении кондуктор произнес:

— *Ледиз ашчен.* (Входят дамы).

И тогда два старика, сидевшие рядом, молча встали и освободили пятнадцатилетним «дамам» места. Я была поражена.

В другой раз в трамвай вошла старушка. Вагон резко тронулся с места, и бедняжку так сильно швырнуло к выходу, что она едва не вылетела из трамвая. Трамвай качало, а ее швыряло из стороны в сторону. Сидящие мужчины отнюдь не делали вид, что усердно читают газеты и ничего не видят, как это часто можно наблюдать в пражских трамваях. Они спокойно взирали на старушку, и выражение их лиц говорило, что им и в голову не приходит уступить ей место. И тогда это сделала я, при этом окинув презрительным взглядом спортивного вида мужчину с усиками. Он же кокетливо мне улыбнулся, что привело меня в полную ярость.

Потом я все поняла. Над моим сиденьем имелась табличка: «места для дам», и эта надпись была почти над третьей мест. В случае с двумя стариками и двумя девочками старики сидели на дамских местах и были обязаны — как им и напомнил кондуктор — освободить их сразу, как только появится дама, даже если она раза в четыре моложе их. Я была свидетельницей, когда уступали место и десятилетним девочкам и даже малышам. Старушке же не повезло, ибо, когда она вошла, на всех дамских местах сидели женщины. И потому не было никакого основания освобождать место. Здесь мужчина уступает место женщине лишь в том случае, если речь идет о местах для дам, и это подтверждается надписью на табличке. И я со своим европейским разумением этикета извратила ход вещей, чем немало удивила не только мужчину спортивного типа, но и саму старушку.

Позже, во время своих частых поездок в калькутских трамваях, эту проблему я изучила досконально, сделав при этом для себя ряд интересных открытий. Прежде всего: если мужчина сидит на дамском месте, он обязан уступить его даме. Если женщина сидит на общем месте, от нее не требуется освобождать его мужчинам. И я из принципа усаживалась на такие места, чтобы большая часть мест была занята женщинами. Будучи женщиной, я, естественно, была бы даже на стороне марсианок и против марсиан, а что уж говорить об индийских женщинах!

Далее, я открыла, что слово «леди» выступает не столько в значении «женщина», сколько в роли, так сказать, фактора, своеобразно регулирующего поведение в транспорте. *Ледиз набчен* в устах кондуктора означало отнюдь не «дамы выходят», а необходимость освобо-

дить проход до тех пор, пока вышеупомянутые *ледиз* не окажутся на тротуаре. И само слово *ледиз*, никогда не употребляемое в единственном числе, произошло, вероятно, от смещения значения. Вот, например, я — единственная женщина в толпе мужчин — пробираюсь к выходу, а над головами мужчин гремит *ледиз набчен*, прокладывая мне таким образом путь к дверям.

Возникает удивительное ощущение, когда при входе и выходе из трамвая вас сопровождает это громогласное восклицание, гарантирующее безопасность. Но все это имеет и обратную сторону. Если вам не могут обеспечить безопасность, вас просто не пустят в трамвай. Однажды вечером я простояла на остановке минут сорок пять. Трамваи ходили, увешанные пассажирами так, как в часы пик в Праге. С той разницей, что калькуттские трамваи были еще более переполнены, ибо калькуттцы как-то мало задумываются над тем, что это опасно для жизни, или скорее вообще об этом не думают и спокойно висят на расстоянии метра от земли и при этом даже не певают.

Уже после получасового ожидания я была полна решимости пробраться через груды висящих тел. Но в последний момент раздавался голос кондуктора, категорическим тоном возвещавшего:

— Мест для дам нет.

И я оставалась на остановке с ощущением полной безнадежности. Но тут свершилось чудо: вдруг откуда-то появился уютный полупустой вагон. Он выглядел волшебной каретой, спустившейся с небес. И не потому, что прибыл, вняв моим сорокапятиминутным мольбам, а главным образом потому, что в нем сидели всего четыре женщины в сари, казавшиеся небесными феями. Потрясенная, я вошла в вагон, и мне объяснили, что городское управление в часы пик специально вводит вагоны для женщин. Иначе как бы при таком движении они могли добраться до дома?

Я размышляла, как — положительно или отрицательно — оценить подобную активную, хотя и несколько своеобразную охрану слабого пола. Аналогичная ситуация возникает и в поездах, где для женщин отведены специальные купе. Нет, они, конечно, могут ехать и в обычных, но там их права официально (а часто и фактически) не защищены.

Когда в купе, занятое мужчинами, входит простая пожилая бенгалка, самое большее, что те ей предло-

жат — это присесть на пол. Она это и делает, причем без всякой обиды. Женщинам же круга повыше мужчины посоветуют пройти в купе для женщин. Только эти женские купе — не в обиду индийцам будет сказано — весьма непривлекательны. Дело в том, что индийцы часто путешествуют всей семьей и везут массу вещей. Семейство, отправляясь в путь, обязательно берет с собой *беддинг* — постельные принадлежности для каждого члена семьи. Если главные достоинства спального мешка в его небольшом весе и малых размерах, то в случае беддинга все наоборот. Он должен быть теплым, просторным, а его объем и вес — не главное. И потому сложенный беддинг по размеру равен палатке, двум надувным матрацам и двум спальным мешкам. Кроме того, индийцы всегда везут железный чемодан, два обычных чемодана, несколько узлов, много сумок и огромное количество сумочек и мешочков. И корзиночку с едой и посудой, и бутылку с питьевой водой, и термос или же классический глиняный кувшин литров на пять.

Входишь в такое купе и видишь, что бабушка спит, свернувшись калачиком на сиденье, мальчишки дерутся, матери жуют бетель и выплевывают его прямо на пол, девочкам плохо — их тошнит, одни младенцы сосут грудь, другие — лепечут.

Поскольку в Индии у каждой женщины на руках хотя бы один младенец, обстановка в таком женском купе может оказаться весьма утомительной.

Однажды я ехала из Пури в Калькутту. Пури — узловой центр, и оттуда легко добираться до Калькутты. Сев в Пури на поезд вечером, рано утром вы уже прибудете в Калькутту. Но так как поезда обычно переполнены, очень трудно купить билет в спальный вагон. Не удалось этого и мне. Со своим единственным чемоданчиком я вошла в купе третьего класса. Был конец лета. Я провела в путешествиях целую неделю и чувствовала себя усталой и сонной.

Свободного места, конечно, не нашлось, и я задремала стоя. Какой-то мужчина разбудил меня и уступил мне свое место. Я села и тотчас же заснула, клонясь то в одну, то в другую сторону. Потом встала бабушка с девочкой (я несколько раз, засыпая, склонялась старушке на плечо) и сказала:

— Ложись, ложись, девочка, и выпись.

Я полуприлегла и заснула. Постепенно поднялись все сидевшие на этом сиденье, и я крепко спала до самого

утра. Открыв глаза, я села, сонно проронив «спасибо». Индийцы сделали вид, как будто их это не касается, и вернулись на свои места.

В то утро я пересмотрела свой взгляд на все правила общественного поведения вообще. От хорошо воспитанных людей я могу ожидать, что они уступят мне место. Но ничего более. Однако, чтобы ради сна одного человека десять стояли в переполненном вагоне, такое возможно лишь здесь, в Индии. И то, что десять человек действительно встанут и будут стоять, возможно не среди «хорошо воспитанных» людей, а среди людей с добрым сердцем.

Описывая семейные обычаи бенгальцев, я оставляю в стороне европеизированную часть общества. Таких семей относительно немного. Я опишу лишь те семьи, где меня принимали под лозунгом «хочешь видеть, как живет обычная бенгальская семья, так смотри» и где было все по-бенгальски.

Отличия начинаются сразу же с порога дома. Вы поступите абсолютно по-бенгальски, если спросите, нужно ли снять обувь, или — еще лучше — тут же разуесться. Тут подсказки не требуется. В Калькутте вы сразу заметите кучу сандалий перед дверью, а в деревне, где ходят босиком и нечего снимать, вас поразит удивительная чистота глиняного пола. Вам совесть не позволит ступить на него обутой ногой. К тому же в этой тропической жаре ноги так горят от обуви, что вы счастливы ходить босиком.

Если вам предложат сесть на диван и будут настойчиво предлагать расположиться поудобнее и почувствовать себя свободнее, знайте, что вам предлагают забраться на диван с ногами. И действительно попробуйте. Хотя все мускулы ваши будут сопротивляться, для ваших ног, измученных беготней по жаре, наступит приятный отдых. Летом же не колеблясь опускайтесь вместе со всеми на пол, где намного прохладнее.

И не протестуйте, если младшие члены семейства будут вас овеать веером, предупреждать все ваши желания. Это обычное внимание, оказываемое гостю. А вы, как гость, и пальцем не смеее пошевелить. И спину вам помассируют, если пожелаете. Итак, желайте, но не благодарите. Этим вы можете поставить хозяина в неловкое положение.

Если перед обедом вас спросят, совершили ли вы омовение, и скажут, что в противном случае не подадут обед, не удивляйтесь этому. В Бенгалии омовение принято делать в полдень, и вы сами убедитесь, что во время жары такое правило весьма полезно и приятно.

В ванной будьте внимательны! Кадушка с водой предназначена вовсе не для того, чтобы в нее погружаться. Индийцы представить себе не могут купания не в проточной воде. Берите висящий рядом с кадучкой кувшинчик и обливайтесь. Перед едой и после нее вам не предложат пойти к умывальнику, а польют на руки. Возможно, мыло вам придется попросить. Бенгальцы им не часто пользуются. (Оттого-то, наверное, у них такая прекрасная кожа.)

Затронув вопрос о еде, мы подошли к главным жизненным проявлениям, а тем самым и к существенным отличиям. То, что в Индии едят руками, общеизвестно. Не так уж трудно вернуться к тому, что делалось тысячелетиями, и куриная ножка, схваченная обими руками, не идет ни в какое сравнение с косточкой, которую приходится обрабатывать с помощью ножа и вилки. Но трудность в том, что в Бенгалии вам предложат не куриную косточку, а рыбу, с которой надо разделяться не двумя руками, а только одной, и только правой.левой рукой при помощи специальной ложки вы будете класть из общих тарелок на свою. Рукой же, которой вы отправляете пищу в рот, вы не смаете касаться посуды, из которой едят все. Та тарелка, из которой ели, уже «нечистая», и не пытайтесь с нее откладывать или даже перекладывать другому. Это вызовет отвращение.

В конце трапезы не удивляйтесь, что все остались на своих местах, держат правую руку над тарелкой, наблюдая, как вы мучаетесь со своей порцией, и не идут мыть руки. Это ведь невежливо — встать из-за стола раньше гостя.

И тем более не удивляйтесь (а именно здесь необходимо немного самообладания), когда после еды все ведут себя весьма непринужденно, рыгают. Отрыжка в Индии считается таким же естественным проявлением, как кашель или чихание, и, кроме того, рыгая, вы показываете, что наелись досыта.

Кроме этих послетрапезных моментов в бенгальских семьях есть еще одно время дня — утро, когда раздаются звуки, не принятые у нас в приличном обществе. Истинный бенгалец поутру не только ополоснет лицо и по-

чистит зубы, но и прополощет горло. Он делает это шумно и с удовольствием. В одной бенгальской семье (я спала рядом с ванной комнатой) вместо будильника меня по утрам поднимало громкое фыркание, бульканье, прыскание.

Я не оговорила, сказав «почистят зубы». В этом многие бенгальцы тоже отличаются от европейцев. И зубная щетка и паста для индийцев — предметы импорта из Европы. В городских кругах многие портят ими свои зубы уже не первый десяток лет, а вообще же люди в городах и деревнях чистят зубы традиционным и более здоровым способом.

Бенгальцы покупают в магазине пучок прутиков дерева ним, тамаринда или другого дерева, но более распространен ним. Этот пучок, состоящий из десяти-двадцати прутиков, стоит не более рупии, в то время как цена одной зубной щетки без пасты — не менее трех рупий. Прутики опускают в воду, чтобы они не затвердели. Перед употреблением один конец очищают от коры и расщепляют зубами. Таким образом настоящая, не только абсолютно безвредная, но и очень полезная бенгальская зубная щетка готова к употреблению.

Гигиена — также импорт из Европы. Для индийцев прежде всего — чистота в религиозном смысле. Но поскольку индуизм распространяется и на повседневные сферы человеческой жизни, то эти понятия (гигиена и чистота в религиозном смысле) иногда перекрывают друг друга. Например, нимовый прутик употребляют лишь раз. Брать в рот то, что уже было в употреблении ранее, считается нечистым. Конечно, допускается употребление прутика с обеих сторон.

С точки зрения дотошного европейца, возможно, при подсчете окажется, что зубная щетка выгоднее, если принять в расчет ее частое употребление. Но для бенгальца (особенно деревенского жителя), который может иногда и сам сорвать прутик, главный довод — религиозно-гигиенический. Нимовые прутики еще долго будут служить добрую службу зубам простых бенгальцев.

Что касается бенгальских туалетов, то на первый взгляд они вас ничем не удивят. Это полоски для ног и сток между ними. Так гигиеничнее. Но вас, безусловно, поразит чистота, царящая в подобных местах.

Такой туалет в вагоне третьего класса являет собой оазис чистоты в сравнении не только с остальными помещениями поезда, но прежде всего с аналогичными ги-

гиеническими местами у нас. Это приятная неожиданность, хотя и не в нашу пользу. Однако вас неприятно удивит, что в туалетах — и в дамских тоже — вы не найдете туалетной бумаги. Вы обнаружите лишь водопроводный кран или ведерко с водой и кувшинчиком. Индийцы не пользуются туалетной бумагой, они подмываются и делают это левой рукой. Потому подавать или передавать другому вещь левой рукой — запрещено!

Сначала меня поражало, как же можно левой рукой брать из общих тарелок (хотя и с помощью специальной ложки). Но потом я поняла, что нет иной возможности — не выросли у людей ни третья, ни четвертая рука. Если бы рук было больше, они распределили бы их точнее: для чистых дел и для нечистых. А с одной парой рук, каждый признает, обходиться трудно.

Теперь о последней из главных человеческих потребностей, то есть о сне. Я не стану утверждать, что бенгальцы спят с открытыми глазами. Они спят нормально и таким здоровым сном, что им позавидовать можно. Но тем не менее и здесь мне пришлось кое к чему привыкать. Они спят в том, в чем ходят днем, то есть женщины — в сари. Днем я приспособливалась к местным обычаям, но сон — дело весьма личное, и тут я готова придерживаться своих привычек.

Вечером я снимала сари. И возникало новое затруднение: чем же прикрыться на ночь? Ведь бенгальцы не пользуются одеялами, пока их не вынуждает холод, а это случается весьма не часто. И что за сон, если не во что закутаться? Мне же было это просто необходимо (даже в такую жару), иначе я не могла уснуть. Ничего не оставалось, как просить одеяло. На меня смотрели с изумлением и приносили тяжелые одеяла без пододеяльника, явно предназначенные на зимний период. В конце концов я нашла выход из положения: когда шла в гости, брала с собой простыню, руководствуясь принципом «все, чем отличаюсь, ношу с собой».

И все-таки кроме массы отличий есть одно главное, в чем бенгальцы похожи на нас и всех других людей. Ожидая в гости индийца, мы вряд ли ломали бы голову над тем, как бы поскорее научить его вести себя по-чешски, а попытались бы как можно старательнее сделать все так, чтобы наш гость чувствовал себя как дома.

И мои индийские друзья и знакомые поступали так же. Мне не нравилось, когда из-за меня старались вести себя по-европейски, да это и редко случалось. Я всегда

им буду благодарна за то, как терпеливо они посвящали меня во все сложности своих обычаев, как снисходительно закрывали глаза на все мои прегрешения, как старались незаметно, чтобы не оттолкнуть меня, преодолеть наши различия. И это им удавалось. При воспоминании о бенгальских семьях предо мной встают не мои затруднения, а улыбчивые женские лица, спрашивающие, что приготовить на обед, и интересующиеся чешскими рецептами приготовления блюд.

И всем этим милым женщинам я бесконечно благодарна за душевную теплоту и заботу.

ДОМА ЕШЬ ТО, ЧТО ЕСТЬ

На тему еды во всем мире существует весьма большое количество общественных предписаний, так что речь пойдет о том, как едят. В Индии общественно-религиозные предписания определяют опять же не только как, но и что есть (и в еще большей степени, чего не есть).

Начну с небольшой истории из моих студенческих лет в Праге.

Тогда я работала переводчицей у профессора из Северной Индии. Переводить — занятие весьма полезное, и если перед поездкой за рубеж вы услышите, что вести себя за границей надо так-то и так-то, ибо там вы представляете свою страну, знайте, что это абсолютно верно. Думаю, любой профессиональный переводчик мог бы написать целый трактат о типичных чертах иностранцев, которых ему довелось сопровождать. Ему, наверное, весьма точно удалось бы схватить национальную особенность той или иной страны, даже не побывав там.

Я не была профессиональной переводчицей, но тем не менее уже тогда у меня было достаточно опыта, чтобы знать, что я могу ожидать от индийского профессора. При встрече он меня разочаровал. Он совсем не выглядел как индеец, походил скорее на элегантного парижанина (на самом деле он и закончил Сорбонну), целовал дамам руки и сообщил, что, по его мнению, жительницы Братиславы обладают большим шармом, чем жительницы Праги. Он был и до сих пор остается единственным индийцем, который сам начал эту дискуссию.

Я решила, что он больше европеец, чем индеец, но, взглянув сзади на его голову, заметила, что в своей

элегантной парижской причёске он оставил прядку волос, скрученную в незаметный узелок. Профессор был брахманом (самая высокая каста), и это для него так же важно, как его галантность и амбиции. Дело в том, что индеец с брахманским «хвостиком» вы теперь не всегда встретите и в самой Индии, не говоря уже о брахманах, учившихся в Европе. Я обрадовалась, что этот брахманский сорбоннец все же индеец.

Так и оказалось. Когда мы впервые пришли с ним в ресторан «Алькрон» пообедать и съели сыр на закуску, профессор сообщил мне, чего он не ест. После длительного изучения меню я смогла заказать ему единственное блюдо, более или менее соответствовавшее его требованиям, — рисовый пудинг.

На следующий день я повела его в вегетарианскую столовую. Но и там не обошлось без волнений. Пунктуальный профессор за ночь выучил чешские названия блюд, которые не могли осквернить его кастовую репутацию. С парижской галантностью он помог мне снять пальто, усадил, сел сам и с очаровательной улыбкой обратился к изумленной официантке:

— Ноу (это осталось у него от английского) мясо, ноу рыба, ноу яйцо, ноу чеснок, ноу лук.

В столовой было много народа. Как обычно в полдень, у входа стояли люди и ждали, пока освободится место. Официантка нервничала, и я совсем не удивилась, когда она заявила, что в таком случае для нас ничего нет.

Мне совсем не хотелось снова идти в ресторан «Алькрон» на рисовый пудинг (поскольку я опасалась, что профессор уже догадался: в пудинге присутствовали яйца), и я попыталась найти компромиссный выход. Я предложила подать нам, если можно, шпинат с яйцом, но яйца туда не класть. Официантка ответила (не знаю, что тут сыграло свою роль — ее усталость или же бюрократизм нашего обслуживания), что она этого сделать не может, поскольку не знает, как потом расплачиваться за еду. Шпината без яйца в меню не значилось.

В отчаянии я умоляла ее (она готова была уйти и больше не подходить к нам) положить оба яйца на мою тарелку, а господину профессору добавить немного шпината из моей порции. С этим решением все участники согласились.

Потом мы обедали в этой столовой еще несколько раз. Правда, не так уж часто, так как я была уверена,

что однажды мой брахман почувствует в шпинате чеснок.

Сопровождающий иностранцев всегда выступает в роли амортизатора при столкновении двух миров. Я бы даже сказала, что это и есть его главная функция. Но выступать в роли амортизатора между замотанными и не слишком вежливыми официантками и голодным брахманом на виду у людей, готовых съесть что угодно, только бы их пустили на места, занимаемые нами, было чересчур сложно уже потому, что и я при этом обычно оставалась голодной.

Однако к чести профессора, который держался невозмутимо, следует отметить, что он был готов уйти и без шума, и без еды. Но этого ему не позволяла сделать мысль о моем долге переводчика и о моем чувстве голода.

В конце концов мы стали завсегдатаями одной вегетарианской столовой. Мы уплетали там манную кашу, а профессор делал по поводу этой каши комплименты официанткам.

Все эти сложности с едой в случае с профессором привели меня к убеждению, что в Индии нет поговорки «дома ешь то, что есть, а за границей — что подадут». Это только мы, у себя в Европе, такие практичные и терпеливые.

Уже потом я как-то рассказала эту историю в кругу своих знакомых. Все сердечно посмеялись над профессором и пожалели меня, потому что я имею дело с такой странной страной.

Потом речь зашла об отпуске. Один из присутствующих (случайно им оказался именно тот, кто больше всех хохотал над моим брахманом) развернул дискуссию на тему «Везде хорошо, а дома лучше». Он-де был в прошлом году в Болгарии, и там его целых две недели кормили овощами. О кнедликах и понятия не имеют, а шницелем и не пахло.

— Это был не отпуск, а каторга,—заклучил он. — Ну хотя бы в чем-то могли пойти нам навстречу, да где там. За мои деньги меня кормили все время одними баклажанами и кабачками.

Снова все рассмеялись, и большинство присутствующих усердно поддакивало. Связь же уловила, наверное, только я, поскольку со времени моего рассказа прошло так четверть часа. Я мысленно начала смотреть на своего брахмана милостивее, Его к вкусовой нетерпимости

принуждает по крайней мере религия. Мы же, зная, что овощи полезны, а от крахмала толстеют, тем не менее предпочитаем кнедлики со свиной и капустой, шницели да торт. Мой брахман был вегетарианцем. К тому же он еще занимался йогой. В свои пятьдесят лет он был гибок, как прутык, и в разгар дискуссии о древнеиндийской культуре мог в подтверждение аргументов стать на голову.

Знакомый же, которого болгары так «плохо» встретили, занимался скорее культурой духа, если оставить в стороне культ кнедликов и шницелей. Физические упражнения он оставил сразу же после института, бросил заниматься греблей и приобрел машину. В свои тридцать лет выглядел добродушным полноватым человеком и в любом конкурсе мужской красоты был бы далеко позади пятидесятилетнего брахмана.

Понимаю, что в данном случае нельзя обобщать. Я знаю много полных индийцев и несколько стройных чехов. Но куда больше я встречала чехов — любителей иностранной кухни, чем бенгальцев — любителей говядины.

И тем не менее я полагаю, что мой «кнедликовый» знакомый не совсем типичен и над нетерпимыми индийцами нам можно посмеиваться ровно столько, сколько в сравнении с нами они этого заслуживают.

Так что же все-таки едят индийцы?

На вопрос, поставленный подобным образом, есть один-единственный ответ — все.

Их около 700 миллионов, и в такой массе народа найдутся люди с самыми разными аппетитами. Кроме того, как мы уже говорили, индийцы в большинстве своем религиозны, так что еда обрывается запретами и указаниями, которыми все руководствуются куда строже, чем естественным аппетитом. Индийцев много, и самых различных религий и соответственно запретов в Индии тоже достаточно. С тем же успехом можно спросить и так: чего индийцы не едят? И ответ получить такой же: ничего не едят.

Если бы мы задумали составить универсальное индийское меню, то в него вошло бы, всерьезно, все, что более или менее съедобно.

Чего не ест правоверный индуист, назвал мой брахманский профессор. Индуистов много, они составляют почти восемьдесят три процента индийского населения, и о них мы еще побеседуем.

Мусульмане (их в Индии более одиннадцати процентов) могут есть говядину, но свинина у них запрещена.

Меню и посты христиан (их в Индии около двух с половиной процентов) мы в общем знаем.

Сикхи (неполных два процента) в еде не чинят никаких «препятствий». Они едят все виды мяса, кроме говядины, и, наверное, поэтому такие высокие и энергичные.

Джайны и буддисты, наоборот, в ужасе от какого бы то ни было насилия над любым живым существом, ведь это их братья в круговороте возрождения жизни. Такой джайнский монах, встав утром, совсем не спешит совершить утреннюю молитву, нет-нет. Его первая утренняя религиозная обязанность — осмотреть наряд свой и заботливо устранить из него всех насекомых, чтобы нечаянно не причинить этим насекомым вреда. Как выглядит питание такого человека, нетрудно представить — только все вегетарианское.

Еще в Индии живут так называемые аборигены — племена, находящиеся на различных ступеньках цивилизации. Эта группа весьма разнообразна.

В Бенгалии я столкнулась с санталами, и о них уже нельзя говорить как о «племени», что встречается в литературе. Сантальская деревня на первый взгляд неисключенного европейца ничем не отличается от бенгальской, пожалуй, только выглядит чище. Но при внимательном рассмотрении (тут мы вновь возвращаемся к проблеме еды) оказывается, что между сантальскими домиками бегают поросята, — явление совершенно недопустимое в бенгальской деревне, где живут члены «чистых» каст. Поросята по сравнению с нашими маленькие, стройные и очень подвижные — одним словом, спортсмены. Но не сомневайтесь, их выращивают отнюдь не для спорта, а для еды.

Однако в Индии есть богатые и свободные от религиозных запретов и установлений люди, которые едят все, в том числе ветчину, икру, устриц, и пьют виски.

В Индии встречаются и другие крайности. Однажды я была на обеде у книготорговца, который угощал меня рисом с консервированной говядиной из общей тарелки. На столе не было ни ложек, ни вилок. Хозяин заявил при этом, что ему чужды какие бы то ни было предрассудки, поэтому пригласил есть руками. Перед едой он вымыл руки и с юмором говорил, как выбором своих блюд гневит по очереди всех богов — от Аллаха

до Вишну. И тем не менее его прогрессивность в восторг меня не приводила.

Господин книготорговец был единственным индийцем этого типа и к тому же напоминал американских хиппи, бродящих по Индии, у которых были приблизительно такие же манеры.

В нашем общежитии в Шантиникетоне жила девушка по имени Радха из южноиндийского штата Керала. Я очень любила эту интеллигентную, энергичную и симпатичную девушку. Но она была из высшего брахманского рода и воспитана в строгом неприятии всего, что только напоминало об убийстве живого существа.

В шантиникетонской столовой у нее поэтому были постоянные проблемы. Она не переносила лук, который там употреблялся в большом количестве, а запах рыбы был ей настолько неприятен, что с ней становилось плохо. Не отрицаю, запах в столовой был не из приятных, как и во всех студенческих и заводских столовых во всем мире. И рыба, которая каждый день в полдень появлялась на моей тарелке, пахла только рыбой и ничем другим.

В этом мы с Радхой расходились, хотя не могу сказать, чтобы это как-то мешало нашей дружбе. Мы ценили друг в друге очень многие качества, совершали вместе небольшие прогулки по окрестностям, часто беседовали, проявляя в вопросах еды взаимную терпимость.

Лишь один случай чуть было не сказался на наших отношениях. Почтальон доставил мне посылку, а меня в это время не было дома. Радха охотно приняла ее и, когда я вернулась, принесла мне пакет, торжественно заявляя еще с порога:

— Генеди, тебе посылка! Генеди, тебе посылка!

На посылке стоял штемпель города Хайдарабада, а мой адрес был выведен незнакомой рукой. Я стала нетерпеливо распаковывать ее, а Радха тем временем с любопытством следила за моими действиями.

В посылке я обнаружила письмо от моих заботливых родителей, которые, решив, что в Индии мне, наверное, голодно, послали батон копченой колбасы — салями. Естественно, они не могли отправить салями обычной почтой — возникли бы таможенные осложнения, — поэтому родители вручили посылку знакомым, как раз уезжавшим в Хайдарабад, а те переслали мне ее по почте.

Радха с интересом выслушала историю с посылкой, а затем спросила:

— А что такое салями?

Я извлекла на свет драгоценную салями, и тут девушка пришла в ужас. Когда я объяснила ей, из чего делают колбасу, она побледнела и, произнеся по-английски «извини», быстро выбежала из комнаты. Вскоре я увидела, как она убирает свою комнату и принимает душ.

Через минуту в дверях моей комнаты появилась соседка-бенгалка и поинтересовалась, что произошло. Между тем колбаса уже аккуратно висела в москитной сетке — я боялась, что она станет добычей муравьев. Я все рассказала девушке, и та презрительно рассмеялась:

— Тоже мне южноиндийская знать! Ох, ей стало плохо! Ну, я-то бы эту посылку тебе спокойно принесла, даже если бы знала, что в ней. Ведь она была упакована!

Упакована! Эта «упаковка» передает различие между бенгальской и южноиндийской брахманками. Для бенгалки достаточно, что она до колбасы не дотронулась. Радху же факт, что она держала эту «нечистую» вещь в своей комнате и (хотя и запакованную) принесла ее собственными руками, вынудил провести ритуальное очищение помещения и принять лишней раз душ. Как и следовало ожидать, вечером Радха со мной не разговаривала. Но, как я выяснила на следующий день, совсем не из-за колбасы — тут она проявила удивительную терпимость. Правда, девушка не заходила в мою комнату до тех пор, пока колбаса там висела (а я тем временем ставралась уничтожить эту «нечистую» вещь как можно быстрее), но общаться со мной из-за колбасы не перестала. Оказывается, во всей этой истории Радху обидело больше всего то, что я обсуждала ее поступок с бенгальскими девушками — любительницами рыбы.

Вскоре все выяснилось, и мы по-прежнему ходили с Радхой на наши лунные прогулки и болтали о женщинах Бенгалии, Кералы и Чехословакии.

Сложности с едой у брахманов могут показаться нам несколько преувеличенными. Разве они идут в сравнение с предписаниями для вдов? Настоящая вдова индуся должна быть в отношении еды куда более осторожна, чем самый педантичный брахман.

После окончания периода официального траура, следующего непосредственно за похоронами, когда вдова питается только молоком и фруктами, для нее наступает вдовья диета, продолжающаяся до конца жизни, по сути

дела равнозначная диете ортодоксального брахмана, как в случае с профессором. Сюда входят еще посты и различные запреты, касающиеся места, где готовят пищу и едят, лица, которое ее готовит, посуды, из которой едят, и так далее. Что касается брахманов, то, во-первых, их все-таки поменьше, во-вторых, брахман — лицо почитаемое, которому любой член общества старается пойти навстречу, так что все его обязанности облегчаются. Вдова же, согласно индуистским предписаниям, напротив, — существо нежелательное, приносящее несчастье, так что ей — желающей или вынужденной быть действительно ортодоксальной — не остается ничего иного, как удалиться со всеми своими предписаниями и запретами в самую скрытую часть дома и там их беспрекословно выполнять.

Регулярный вдовый пост — так называемый *экадаши*, то есть каждый одиннадцатый день после полнолуния и после новолуния. Этот пост вплоть до недавнего времени соблюдался весьма строго, например, в Западной Бенгалии. В этот день, вернее, день и ночь, то есть сутки, вдова не смела прикасаться ни к еде, ни к питью. Ни к еде, ни к питью, ни даже к лекарствам! Для ортодоксального индуса самым лучшим лекарством является вода из Ганга, и вдова, освящавшая этой водой свое вдовство, конечно же, и была ортодоксальной индуисткой. Но и в этом ей было в тот день отказано. Она не получала и глотка гангской воды; даже если умирала (а это для индусов, как и для христиан, — последнее причастие), ей только лили воду в ухо.

Кроме этих двух постов, соблюдаемых дважды в месяц, есть еще много дней поста в течение года. В наше время ни в эти дни, ни в дни *экадаши* некоторые вдовы уже не голодают и жажду тоже утоляют, но в еде себя ограничивают. Едят, например только фрукты и пьют молоко или же едят лишь один раз в день.

И тем не менее среди пожилых бенгальских женщин вряд ли найдется вдова, не соблюдающая правил, даже если она из современной семьи и родные никак к этому ее не принуждают.

Для иллюстрации приведу один пример. Речь пойдет не только о вдовой диете, но и о моей нестерпимости.

Не так давно в Праге я пригласила к себе в гости одну бенгалку. Ее сын временно работал в Праге, причем там, где было совершенно невозможно соблюдать индуистские диетные предписания. Собственно, ему это бы-

ло неважно, и я была уверена, что это распространялось и на его родных.

Старая госпожа была вдовой, и уже то, что она приехала к своему сыну в Европу, свидетельствовало, что ее интересует мир, и свою вдовью долю она воспринимает не слишком уж ортодоксально. С ней действительно можно было поговорить о многом. Она знала бенгальскую литературу, была весела и по-матерински ласкова, и я полюбила ее с первой встречи.

Я пригласила ее в гости на послеобеденное время и, поскольку не знала, вегетарианка она или нет, решила испечь пирог со сливами (дело было осенью) и угостить чаем.

Я неважный кулинар, но печь пирог после рабочего дня, заходя в детсад за ребенком, кормления семейства и исполнения всех необходимых обязанностей по дому — удовольствие, прямо скажем, не такое уж большое. К тому же слив в магазине я не нашла, и пирог пришлось украсить виноградом. Пирог, несмотря ни на что, удался, и я легла спать со счастливым ощущением, что на следующий день угощу дорогую гостью на славу.

Гостья принесла мне в подарок сборник бенгальских колыбельных песен, а я с гордостью предложила ей свой пирог. Она посмотрела на него, похвалила, что красивый, и затем спросила:

— А яйца в нем есть?

Я поняла, что произошло, и страшно рассердилась. Это была несправедливая, глупая злость. Меня могло извинить лишь то, что я плохо выспалась, поскольку накануне до ночи возилась с этим злополучным пирогом.

Закусив губу, я процедила:

— Разумеется, есть, иначе он бы не выглядел так красиво.

Гостья оставалась спокойной:

— Так будь любезна, принеси мне какое-нибудь печенье.

Я рассердилась еще больше, хотя гостья ласково мне улыбалась и свое расположение подчеркивала еще и тем, что по-матерински называла меня на «ты».

— У нас яйца кладут во все печенье,—зло сказала я.

Гостья по-прежнему оставалась любезной:

— Ничего страшного, налей мне чай с молоком и будем беседовать. Какие у тебя красивые цветы на балконе. Ты их сама вырастила?

Моя злость мгновенно улетучилась. Кому из нас ху-

же? Мне, поедающей все, что придет в голову, или ей, не смеющей или не желающей есть ничего из того, что мы считаем вкусным? В основе ее сегодняшнего абсолютно добровольного отказа, конечно же, лежал запрет. И не обязательно сго наложила семья, его могли наложить окружающее ее общество или же просто традиция. Ведь в Индии традиция имеет очень большой вес.

И кто из нас иссет свой удел достойнее? Я, злящаяся, что мое искусство не будет похвалено, хотя пирог был по достоинству оценен и к тому же весь достался мне, или она, желающая пить только чай и готовая к тому же беседовать о цветах? Она, при всей своей строгой диете, сохранила ласковое отношение к людям, интерес к жизни и к миру. Я же из-за того, что плохо выспалась, чуть было не проявила грубость по отношению к гостю из другой страны.

Потом я принесла карловарские сухари и клубничный джем, спокойно села рядом с ней, и мы еще долго и интересно беседовали.

Индийцы многого не едят. Но допускают (по крайней мере современные), что у других могут быть иные взгляды. Если мать, например, в старости становится очень религиозной и перестает есть мясо, она все равно терпеливо готовит его для членов своей семьи. Дети же, со своей стороны, не принуждают мать есть мясо, если ей этого не хочется.

У нас же не так. Родители принуждают детей, дети родителей. Но я не хочу обидеть нас: тут, возможно, дело не в нашей большой нетерпимости. В Индии столько вегетарианцев, и умеренных, и строгих, и очень последовательных, что то или иное отклонение в еде можно ожидать, а отсюда, вероятно, и эта терпимость. Другими словами, терпимость к нетерпимости.

И таким терпимым должен стать каждый, кто живет в Индии некоторое время.

Бывая в Калькутте, я иногда заходила с моим бенгальским знакомым в китайский ресторан. Мой знакомый соблюдал лишь один самый строгий запрет — не ел говядину. И каждый раз в китайском ресторане повторялась одна и та же церемония. Появлялся метрдотель, приветствовал нас и спрашивал, что мы будем есть. Мой знакомый просил метрдотеля порекомендовать нам что-нибудь, при этом всякий раз добавляя:

— Я, как известно, говядину не ем.

— Разумеется, нет, — отвечал метрдотель, делая при

этом такой вид, что, мол, и он никогда в жизни говядины не пробовал,—ведь у нас из говядины, естественно, никогда не готовят.

Китаец-метрдопель был истинным представителем торгового мира. При любом желании посетителя он надевал маску радостного восхищения по поводу того, как интеллигентно вы — посетитель — оценили то самое лучшее, что есть в ресторане, и отвергли то, что и внимания не стоит.

Я была уверена, что если бы я пришла сюда с мусульманином, то он бы заявил совершенно тем же тоном глубокого согласия:

— Разумеется, нет, мы ведь из свинины никогда и не готовим.

Хотя известно, что свинина и говядина составляют важную часть китайской кухни.

Когда по возвращении из Индии я, в свою очередь, водила иногда вегетарианцев-индийцев в пражские рестораны, то с восхищением вспоминала китайца из Калькутты и страстно мечтала, чтобы наш обслуживающий персонал был хотя бы немножко менее правдивым, но зато чуточку более понимающим других.

Что касается того, что едят в Бенгалии, то следует сказать — на удивление много блюд. Правда, из сказанного выше у читателя может возникнуть впечатление прямо противоположное.

В бенгальской кухне мясных блюд мало, зато, учитывая, что в реках много разной рыбы, меню достаточно разнообразное. В семьях, имеющих возможность покупать рыбу в достаточном количестве, она на столе ежедневно. Все бенгальцы обожают рыбу, разбираются в ней, умеют выбирать на рынке и знают, в какое время года какую рыбу следует покупать. Любая бенгалка умеет чистить рыбу так же ловко, как наша хозяйка открывать консервы. Рыбой они называют и ракообразных, которые стали моим самым любимым блюдом из всей бенгальской кухни.

Основой же бенгальского питания, конечно, является рис. Истинный бенгалец смог бы съесть его гору — и на обед, и на ужин, только было бы, на что покупать. Во время моего пребывания в Бенгалии рис продавался в магазинах — и в том числе в калькуттских магазинах — только по карточкам, а на рынке его можно было купить за тройную цену.

Поэтому установился обычай, что рис едят на обед, а

на ужин готовится другой традиционный индийский гарнир — *чапати* — лепешки из пшеничной муки грубого помола и воды, которые пекут на сковороде без масла, а потом еще держат над огнем, чтобы они поднялись и были пышнее. Лепешки получаются и не жирные и не соленые, зато они великолепны в качестве гарнира к острым бенгальским блюдам.

Я же предпочитала праздничный вариант этих лепешек, которые делаются, как правило, из тонкой муки. В тесто добавляют топленое масло и жарят на масле. На сковороде они вздуваются и потом аппетитно хрустят. Их называют, *лучи*.

В чешской кухне мясо с гарниром, как правило, является главным блюдом. К гусю с кнедликами добавляется еще капуста, к шницелю с картофелем — огурчик, а по воскресеньям — компот.

В Бенгалии все иначе. Любой обед или ужин по количеству блюд (а часто и по количеству еды вообще) не равняется нашим обедам или ужинам.

Сначала вам положат рис. И такую горю, что вы изумитесь. Потом к рису добавят немножко растопленного масла и насыпят крошечную горку соли, могут предложить также нарезанный сырой лук, лимон, стручки перца, ярко-красные и зеленые и очень острые. Их знают сегодня почти все, ведь они у нас популярны, почти как комнатные цветы. Хотя я не в состоянии съесть с одним блюдом более чем один перчик каждого цвета, я всегда брала их целую горсть из чисто эстетического наслаждения — очень красив контраст белизны риса, желтизны масла, яркой зелени и перчиков. Это было мое единственное роскошество.

Ни в чем другом в Индии я принципиально не позволяла себе роскошествовать — учитывая и напряженную продовольственную ситуацию и возможности собственного кармана.

То, что рис — основное блюдо бенгальцев, подчеркивает и сам способ сервировки стола: рис кладут в центре большого круглого плоского подноса, а остальные блюда располагают вокруг или прямо на подносе, а то и рядом в небольших мисочках. В каждой мисочке иное блюдо (или скорее приправа). Из мисочек потом все по очереди, один за другим (в направлении против хода часовой стрелки, чтобы быть точной), подкладывают приправы к горке риса на своей тарелке, перемешивают и едят.

Обычный обед средних слоев состоит приблизительно из пяти таких приправ к рису, в торжественных случаях — из десяти, а на богатых свадьбах бывает и до шестидесяти.

Итак, что же в этих мисочках? Прежде всего — овощи. Весь недостаток мяса в бенгальской кухне щедро вознаграждается обилием и разнообразием овощей. Тут есть, чему позавидовать.

Конечно, бенгальцам в этом плане легче. В Европе есть времена года, когда свежие овощи (кроме, пожалуй, сельдерея, петрушки и моркови) вовсе отсутствуют. Бенгальская земля родит круглый год, и то, что вы видите каждый день на овощном рынке в Калькутте, превосходит какое бы то ни было представление среднего европейца о цвете, качестве, количестве, ассортименте и привлекательности.

Из известных нам овощей здесь представлены морковь, огурцы, картофель (чистый и сложенный в красивые пирамиды), капуста, разных сортов баклажаны, помидоры, редис, нечто напоминающее шпинат, причем в большом разнообразии видов, лук, чеснок. Кроме того, здесь огромное количество арбузов и дынь.

Интересно, что в бенгальских семьях, проживающих в Праге, меня часто угощали зимой вкусными овощными блюдами, и когда я удивлялась, как им удалось привезти из Индии свежие овощи, они надо мной смеялись:

— Ну что ты — из Индии. Все это из универсама за углом. Покупаем мороженые овощи.

И еще о мисочках. Интересно, что содержимое их именуется не по названию использованных продуктов, а по способу приготовления и вкусовому ощущению. Так, в первой мисочке «жареное», во второй — «овощи» и «дал», затем «горькое», «острое», «кислое» и т. д. и, наконец, «сладкое». При этом в «горьком» должен преобладать горький вкус, получаемый из листьев нима (как видите, нимовое дерево полезно во всех отношениях), но основа делается, например, из баклажанов, фасолевых стручков или дыни.

Есть такие блюда, которые бенгальцы едят каждый день, и среди них — дал. Это растение семейства стручковых, похожее немного и на нашу чечевицу и горох. Блюдо напоминает поперченную и помасленную вкусную гороховую кашу домашнего приготовления. Если оно готовится в столовых, то похоже на гороховый суп, разбавленный к тому же холодной водой.

Мне кажется, что некоторые бенгальцы без дала и жить не смогли бы. Как-то я познакомилась с одной бенгальской семьей, только что прибывшей в Прагу. Когда хозяйка дома обнаружила, что у нас нет дала, а есть нечто похожее на него — чечевица, она ходила со мной из магазина в магазин и просительным голосом спрашивала:

— Чечевицу, чечевицу!

Притом она так старалась правильно произнести это слово, что я невольно вспоминала свою бабушку, наставлявшую меня в детстве:

— Ганичка, говори часто «чечевица, чечевица, чечевица», и у тебя будет маленький ротик.

У бенгалки был действительно маленький ротик, как если бы она тренировалась с самого рождения, а не со времени приезда в Прагу. Несмотря на все старания, она в течение нескольких недель так и не нашла чечевицы и, приглашая меня иногда на «бенгальский» обед, извинялась, как если бы предлагала мне нечто несовершенное, а семья ее ела приготовленный ею отличный обед с таким видом, с каким мы едим черствый хлеб.

Следующей неотделимой частью настоящей бенгальской кухни является «сладкое», или *даху́*, нечто вроде очень густого и сладкого кефира. В миску наливают дахи и в центре кладут сладкие творожные шарики, так и остающиеся наверху, настолько густо содержимое миски.

Такое заключительное блюдо бенгальского обеда я просто обожаю. Эти сладости, как правило, не такие сухие, как наши, их не выпекают. Если вы языком или губами надавите на творожный шарик (*рошголла*), из него потечет сладкий сироп. А рошголла, украшающая дахи, мне всегда казалась амброзией.

В Праге я пробовала приготовить бенгальские сладости. Процесс приготовления такой рошголлы весьма простой, хотя и довольно трудоемкий.

В литр кипящего молока опускают немного лимонной кислоты. Когда молоко свертывается, сыворотку старательно отжимают, чтобы творог был достаточно густой. Лучше всего это делать через кусок марли. Образовавшийся узелок с творогом на несколько часов кладут под небольшой пресс, чтобы сыворотки вышло как можно больше. В творог добавляют пол-ложечки манной крупы и четверть ложечки белой муки и старательно разминают или же взбивают при помощи миксера. Из обра-

зовавшегося теста приготавливают восемь-десять шариков. Затем их варят полчаса в сладкой воде (2,5 чашки воды, 1 чашка сахара). Шарики пропитываются сиропом, вздуваются, и рошголла готова.

Итак, я приготовила рошголлу и, очень довольная собой, предложила своему семейству отведать блюдо. Но, к моему величайшему огорчению, мои домочадцы не пришли в восторг.

— Есть, конечно, можно, но уж чересчур сладко и очень безвкусно,—сказали они.

Тогда я приготовила под рошголлу и дахи. Это тоже совсем несложно, а в Чехословакии и того проще. В Индии нужно приложить массу усилий, чтобы молоко приобрело соответствующую густоту. Чешскому же высококачественному молоку надо просто отстояться. Как только оно скиснет (но ранее, чем начнет отделяться сыворотка), его следует поставить в холодильник. Таким образом самое простое дахи готово.

Но и эта комбинация — рошголла плюс дахи — никого в восторг не привела. Я жевала рошголлу, грустно размышляя, в чем же дело. И тут я поняла. Действительно чего-то не хватало, а именно сразу двух вещей.

Прежде всего бенгальского климата. Есть холодное дахи в прохладный чешский день, когда температура между 10 и 20° по Цельсию,—удовольствие маленькое. При температуре на пятнадцать градусов выше — это истинное наслаждение! Прохладный шарик скользит по вашему пересохшему горлу, и возникает ощущение, что вы глотаете что-то небесное.

Но еще более важен другой момент — отсутствие предшествующих дахи бенгальских блюд, которые и без тропической жары как следует прожгут ваши внутренности. Так что в конце бенгальского угощения ни дахи, ни рошголла не покажутся вам безвкусными, а, наоборот, целительным лекарством.

Я, как и прежде, люблю бенгальские сладости, но теперь любовь моя рассудочна. Отныне я их не готовлю и не ем в одиночку. Я принимаю приглашения на это блюдо от бенгальских друзей, ибо знаю, что у них оно появится в меню, когда наступит его черед, и я получу ожидаемое удовольствие.

Упоминая о пряностях, я снова подошла к следующему существенному различию между нашей и бенгальской кухней. Бенгальцы используют пряности в большом, мы бы сказали, в избыточном количестве. Я где-то слы-

шала, что это обусловлено климатом: во-первых, чтобы в такую жару еда не портилась, во-вторых, чтобы при такой температуре вообще не пропал аппетит.

Отправляясь в Бенгалию, я полагала расспросить об этом самих бенгальцев. Но, обедая у них, я видела, что все не так просто. Для них это само собой разумеющаяся вещь. Когда меня в сотый раз спросили, почему в Европе так мало приправляют еду пряностями, мне показалось, что вопрос прозвучал праздно.

У индийцев, естественно, больше видов пряностей, чем у нас. Но не в этом главное различие. Если бы мы использовали все пряности, которые можно купить в магазине «У Сальватора» в Праге и кое-где еще, то и наша кухня была бы более разнообразной. Индийцы же, в отличие от нас, пряностями свою еду действительно приправляют, и с большей тщательностью, нежели мы.

Если вы, купив для своих поварских экспериментов *кари* в порошке, полагаете, что теперь-то вы приготовите нечто абсолютно индийское, то глубоко ошибаетесь. Я не встречала ни одной индийской хозяйки, которая бы использовала порошок *кари*. И для этого есть серьезные основания.

Во-первых, *кари* — это смесь, и каждая индийская хозяйка сама определяет, сколько надо взять куркумы, сколько перца и корицы, сколько имбиря и мускатного ореха и всего остального.

Во-вторых, настоящая индийская хозяйка не будет зря переводить пряности, растирая их заранее или же обращаясь к помощи другого лица. Пряности хороши лишь тогда, когда их приготовят прямо перед употреблением, тем более что в Индии многие их сорта можно приобрести в свежем виде.

Поэтому в каждой бенгальской кухне обязательно имеется инструмент для растирания корней, простой и прекрасный по форме. Этот плоский камень напоминает нашу кухонную доску. На него кладут пряности, и при помощи каменного валика их размельчают или растирают. В больших семьях эти камни находятся в действии в течение нескольких часов ежедневно. Приправка еды для всего семейства требует упорного и длительного труда. В случае торжественных обедов на размолку пряностей нанимают мужчин: ведь растереть и размельчить пряности для свадебного пиршества — такая работа уже не под силу женским рукам.

Действительно, бенгальские журналы заполнены мно-

гочисленными рекламами различных пряностей в порошке, молотых, разумеется, современными методами. Бенгалки идут на поводу у рекламы. Да и что остается женщине — в Индии и в Европе, — чтобы справиться и со служебными, и с домашними делами? Но и тут бенгалки достойнее выходят из положения. Во-первых, как я уже сказала, они не покупают смесь, а во-вторых, некоторые виды пряностей растирают сами. Теперь это занимает не более получаса: используются электроприборы, и на что же пошла бы любящая бенгальская жена, чтобы ее милое семейство питалось вкусными блюдами!

По правде сказать, мне бенгальские пряности никаких хлопот не доставляли. Я быстро к ним привыкла, и они пришлись мне по вкусу, мешало скорее то, что иногда предлагали недоприправленное блюдо. Я делала вид, что не замечаю, хвалила угощения и выслушивала в ответ заявления улыбавшихся при этом хозяек:

— Ведь я ничем не приправляла. Знаю, вы пряности не употребляете.

Бенгальцы, сознавая, что в их кухне пряностей больше, чем в европейской (правда, в сравнении с южноиндийской кухней это почти ничто), убеждены: их мера пряностей и есть та самая золотая середина. Однако это совсем не значит, что европейцу так уж легко приспособиться к бенгальской пище. Должна признаться, что как раз наоборот.

Что касается самого этикета еды, то все трудности обрушились на меня не сразу, и в этом было мое спасение. Мое знакомство с местной кухней началось со столовой в Шантиникетоне, а там все было несложно, как и сама студенческая пища. Во-первых, все ели за столом, и, во-вторых, меню было настолько простое, что не возникало проблемы, за каким блюдом должно следовать другое. Я, не раздумывая над этикетом, быстро съедала свою горстку риса с даловой подливкой, вареным картофелем, луком и жгучими перчиками да еще единственный белковый продукт — кусочек рыбы (ломтик самой узкой хвостовой ее части) в полдень, а вечером одно яйцо и выбегала из столовой.

Спустя четырнадцать дней я уже не выбегала, а еда тащилась, как тощая священная корова. И хотя сначала я говорила себе, что о священных коровах никто так не заботится, как обо мне, а ведь они-то священные, а я нет — значит, я спокойно выдержу и при таком скромном питании, тем не менее мне пришлось вскоре

докупать себе кое-что из еды. Мне-то, в отличие от коров, надо было еще и учиться.

Так я отказалась от одного из моих больших замыслов. Я уезжала в Индию с твердым намерением подражать бенгальцам во всем, включая и питание. «Если они не сдят мясо столетиями, то почему я не могу выдержать всего лишь год?» — наивно полагала я, не ведая, что недостаток мяса скажется не только на моей физической кондиции, но и на духовных достижениях и воле.

Результатом моей глупой решимости подражать во всем индийцам стало тупое сидение часами над раскрытыми книгами. Я читала, но ничего не в состоянии была запомнить. У меня не было сил бороться с собой. Так я и лишила бы себя возможности прожить самый интересный год своей жизни, не случись...

Мне необходимо было поехать в Калькутту за книгами и зайти в консульство. И когда я с трудом плелась по калькуттской главной улице, размышляя, не разумнее ли попросить в консульстве, чтобы мне разрешили вернуться в Чехословакию, ибо здесь я все равно уже ни на что не способна, неожиданно мой нос уловил запах бифштекса, распространявшийся из одного «европейского» ресторана. (Это могло произойти только в Калькутте, для Шантиникетона бифштекс — вещь неслыханная.)

Я не выдержала и устремилась за запахом. С этого момента начался новый этап моего пребывания в Индии. Проглотив бифштекс, я вдруг ощутила, что мозг мой заработал. И я рассудила: или вегетарианство, или полный учебный год в Индии; короче говоря, чтобы нормально трудиться, мне необходимо питаться так, как я к этому привыкла.

Все мои мысли об отъезде из Индии мгновенно испарились. По возвращении в Шантиникетон я включила в свое меню кое-что мясное — не бифштексы, разумеется, а немного баранины, — и мой самый прекрасный и самый интересный год жизни начался!

Позже ситуация облегчилась еще и тем, что я стала получать многочисленные приглашения в гости. В Калькутте я выступила с небольшой лекцией, которая принесла мне такую популярность, что почти каждый день меня приглашали на ужин.

Тут уж я подошла к следующему, более сложному этапу освоения правил бенгальского этикета. Сначала я была в восторге от приглашений, но вскоре убедилась, что здесь есть свои «но», и стала относиться к

ним скорее как к выполнению своего рода общественных обязанностей.

Главное «но» — время ужина. В первый раз я причалась в гости в половине седьмого, чтобы не заставлять себя ждать. В целях экономии я целый день не ела.

Шла беседа, а из кухни доносилось многообещающее шипение подсолнечного масла, связанное у чехов с представлением о поджариваемых шницелях как о заключительном этапе подготовки к ужину. Было уже ровно семь, потом восемь, из кухни по-прежнему раздавалось шипение, но я по-прежнему беседовала. В половине девятого я уже не беседовала, а, лишенная всех сил, готова была уйти и поужинать тем печеньем, что осталось от завтрака. Но сил уйти не было, и в девять наконец-то начался ужин. Иногда это бывало немного раньше, но довольно часто лишь в половине десятого хозяева спрашивали, хочу ли я ужинать сейчас или попозже. Так что для желающих сэкономить за счет приглашений тут нет никакой выгоды, ибо, отправляясь в гости, вы просто обязаны перекусить, иначе вам до ужина не дожить.

Весь этот горький опыт заставил меня перейти на бенгальский распорядок дня. Их, собственно, два: сельский и городской.

Первый соответствует провинциальному образу жизни и социальному положению сельских жителей и очень естествен: на рассвете — легкий завтрак, в полдень, по возвращении с поля, — обед, в полуденный зной — полдник и на закате — ужин. Таким же естественным мне показался и день фабричных рабочих. Они работают с шести утра, как и у нас, завтракают, как и мы, рано утром и обедают в полдень.

Городские часы завтраков, обедов и ужинов соответствуют, как правило, английскому распорядку дня, ибо последний все еще во многом соблюдается в индийском обществе. Мне это не нравилось и даже мешало во время моего пребывания в Индии. Я полагаю, что он совсем не соответствует индийскому климату. А в том, что это лично мне никак не подходило, заверяю вас со всей определенностью.

Утром (к тому времени в Праге я успевала сделать зарядку, позавтракать, вскочить в автобус, добраться до работы, начать рабочий день и проголодаться) мне приносили здесь чай в постель. Лишь один чай. Печенье только по вашей просьбе. Причем абсолютно ясно, что в Индии имеет смысл вставать как можно раньше, что-

бы успеть все сделать и больше увидеть до наступления жары. Простые индийцы хорошо это знают, но богатые городские жители подражают англичанам и валяются в постели до восьми и дольше.

Однако вернемся к моим ужинам в Калькутте. Перед ужином мне, как правило, нерешительно предлагали стол, стул и прибор, когда же я отказывалась, хозяйева с сияющим лицом расстилали для меня на полу маленький коврик, а перед ним ставили вышеописанный поднос с монбланом риса в центре и множеством маленьких мисочек вокруг.

В Калькутте я уже довольно свободно ела рукой. Но тут поначалу возникла одна сложность. Дело в том, что хозяйева иногда не ужинали вместе со мной, соблюдая древний обычай, и я не могла наблюдать за ними, узнать, что, когда и из какой мисочки следует добавлять и брать. В таких случаях мне приходилось служить таким аттракционом перед семейным ужином, быть своеобразной юмористической закуской, по крайней мере мне так казалось.

Представьте, вы сидите со своей горой риса и мисочками в центре всей семьи, самая младшая из девочек овеивает вас веером, ее мама вам накрывает. Они то вам, слава богу, помогают, остальные же только смотрят на вас, мешая вам вопросами:

— Это не слишком остро для вас? А где вы научились есть рукой? А едят ли у вас рис? Хотите еще манго?

Левая рука, на которую я опираюсь (сидеть со скрещенными ногами я научилась, но не во время еды, ибо никак не могла наклониться при этом так, чтобы и рот держать над тарелкой, и сари не закапать соусом), немеет, а правая вся в мелких косточках маленьких бенгальских рыбок. Одежда становится тесной в поясе, так щедро вас угощают, а еще ведь надо и отвечать на внимание всей семьи.

Однажды я попросила все домашнее собрание есть вместе со мной. Тогда мне популярно объяснили, что это принятое внимание к гостю, и все они ждут, не будет ли у него каких-нибудь желаний, ведь все должны забавлять его во время еды. Они не могут есть до тех пор, пока не убедятся, что гость уже сыт.

Потом я уже никогда не протестовала. Насытившись, еле передвигаясь, я едва добиралась в полночь до постели и в духоте жаркой, тропической ночи тщетно пыталась заснуть.

Позже, чаще посещая бенгальские семьи, я поняла, что напрасно переживала, когда хозяйева не ели вместе со мной. Я бывала и в домах, где сначала угощали меня, потом ели мужчины и только затем женщины. Это древний индусский обычай, точно выражающий иерархию членов семьи. В наше время он уже не соблюдается так последовательно, но общепринято, что хозяйка, мать семейства, как правило, не ест с остальными. Она готовит пищу, накрывает на стол и остается рядом на случай, если кому-нибудь что-то понадобится, и только когда все насытятся, хозяйка совершает омовение и ест.

Обслуживая одного человека (как правило, мужа), женщина сидит перед ним на корточках и овеивает его веером. Если же это чужой мужчина, она его тоже обслуживает, но не сидит перед ним. Издали, например из-за дверей, спрашивает, не принести ли еще что-нибудь, и угощает. В деревне молодые женщины, ухаживая за чужим мужчиной, обязательно закрывают лицо концом сари. Мне всегда казалось, что делают это для того, чтобы не отвлекать гостя от наиважнейшего на свете занятия. Правда, они не открывали лица и тогда, когда гость заканчивал трапезу. Склонив голову, они быстро убрали посуду и исчезали.

Это положение бенгальских женщин и матерей казалось мне унижительным и находящимся в полном противоречии с так часто цитируемым изречением, что мать — это богиня.

«Какая там богиня, скорее служанка», — думала я, слыша за едой эти строгие требования без европейского «пожалуйста», произносимые в домашнем кругу далеко не просительным тоном:

— Подай рис! Подай овощи! Принеси воду!

Вернувшись в Прагу, я вскоре получила новую квартиру и устроила для своих знакомых торжественный ужин. И тут я позавидовала бенгальским женщинам. Конечно, не потому, что тоже хотела предстать перед ними с лицом, закрытым сари. Я завидовала их четко ограниченной роли. Бенгалки готовят, накрывают, и все идет прекрасно. Я делаю то же, что и они. Однако кроме этого мне надо продумать и то, как все организовать, чтобы не пришлось слишком часто вставать из-за стола, и все равно приходится (один хочет одно, другой — другое, а стол в нашем панельном доме слишком мал, чтобы заранее все на него поставить), и при этом надо делать вид, что все хорошо, и слушать:

— Посидите, пожалуйста, поговорите с нами.

Такой ужин отнимает сил больше, чем тот, который устраивает бенгалка. Она сначала обслуживает всех, а затем спокойно в уголочке, где никто ей не мешает, ест.

Мне очень нравились в Бенгалии две вещи, связанные с едой,—это напитки и посуда. И то и другое намного проще, нежели у нас.

Первое проще потому, что как индусам, так и мусульманам религия запрещает алкоголь и преобладающее большинство бенгальцев этот запрет соблюдают. Употребление алкоголя для них настолько непривычно, что, не принимая его, они не чувствуют никакого ограничения.

У многих индийцев алкоголь вызывает не просто отвращение, а ужас. Д-р Варма рассказывал мне, как его берлинская хозяйка в рождественский вечер принесла традиционный немецкий напиток — горячий пунш. Бедный господин профессор постеснялся отказаться и на ее глазах медленно выпил содержимое кувшина. Когда же квартирная хозяйка ушла, он переоделся во все чистое (кто знает, что с тобой будут делать, если ты пребываешь в бессознательном состоянии?), сел к столу и стал ждать последствий. Однако ничего не случилось. Ни через час, ни через два, ни через три. Тогда он осторожно прилег на постель и в течение многих часов боялся заснуть, чтобы это «нечто» не произошло с ним во время сна. Потом он уже не боялся алкоголя, но и не употреблял его.

Сами бенгальцы испытывают к алкоголю отвращение, но многие из них убеждены, что мы в Европе все пьем. Лично мне алкоголь не доставляет и не доставлял никогда никакого удовольствия. Выйдя из того возраста — между пятнадцатью и двадцатью годами,—когда в нас живет ощущение, что наше умение и в этой сфере делает нас более притягательными, я пришла к выводу, что почти все виды алкоголя мне просто противны. Поэтому мне было весьма неприятно, когда в Праге в гостях у знакомой бенгалки, никогда не бравшей в рот спиртного, хозяйка вдруг предложила мне виски. Я протестовала, но у нее явно возникло подозрение, что я лицемерю.

Однако вернемся к бенгальским напиткам. Кроме чая (почти неизвестного в сельской местности) тут все пьют то, что так разрекламировано на наших плакатах

во всех медпунктах: молочные напитки, соки из свежих фруктов, но главным образом и прежде всего чистую воду.

Еду запивают только водой. Ее подадут без всякой просьбы с вашей стороны и в самых дорогих ресторанах, даже раньше, чем накроют на стол. В ресторане вы можете, конечно, заказать и нечто другое (кока-колу и алкогольные напитки), но это не обязательно, а воду вам обязательно принесут.

Если же в Праге вы попросите воду даже в ресторанчике третьего класса, то окажетесь в крайне невыгодном положении. Трудно представить, сколько пришлось бы потратить в тропической Бенгалии денег на соки, если бы там существовали подобные обычаи.

Поначалу я, как и все европейцы, опасалась пить сырую воду и старательно ее кипятила, но затем решила, что лучше умереть от какой-нибудь инфекции, чем от жажды, и стала пить все, что казалось с виду чистым. И, как видите, не умерла.

С питьем связано одно забавное умение, часто приводившее меня в восхищение. Это так называемое «питье без касания».

Попробуйте напиться из стакана, не коснувшись его губами, то есть попробуйте лить себе в рот воду с высоты и при этом глотать ее. Наверняка закашляетесь. А попросите любого индийца, и он ловко, не захлебываясь, сделает это, не пролив ни одной капельки. Не думайте, что это трюк, которым индийцы развлекаются в компаниях, как мы, например, картами и спичечными коробками. В Индии это умение входит в правила хорошего тона. Это все та же проблема загрязнения посуды, из которой будут пить и другие. Не коснусь я ее своими губами — она останется чистой. Индийцы так пьют не всегда, а лишь в случае необходимости.

Конечно, существуют и другие способы, как обойти проблему загрязнения и не есть и не пить из посуды, уже побывавшей в употреблении. Это второй момент, связанный с едой и очень мне понравившийся, поскольку и в подобном случае религия и гигиена выступают заодно.

Жарким индийским днем вы едете в поезде, во рту все пересохло, и на каждой станции, где стоит ваш поезд, слышите соблазнительное:

— Ча-а, ча-а!

Ужасно хочется пить, но вокзал такой грязный и про-

давцы чая чистотой никак не сияют. Не обращайтесь на это внимания. Покупайте спокойно чай, вы не будете пить из той же посуды, что и другие. Ваша чашка будет абсолютно новой, а после пользования спокойно бросьте ее за окно. И не переживайте, что тем самым загрязняете окружающую среду. Чашка не фарфоровая и не останется лежать на дороге навеки. Черепки ее быстро превратятся в глину, ибо изготовлена она из той же бенгальской глины, даже не глазурированной, дабы цена ее отвечала сроку употребления.

Бенгальские гончары на своих кругах производят подобной посуды великое множество во всем разнообразии форм, размеров и названий и для самых разнообразных нужд. В них продают не только чай, но и сладости (как я говорила, они бывают часто очень сочные), и дахи, и многое другое. Их используют и в домашнем хозяйстве, главным образом для воды; здесь они имеют форму огромных амфорообразных кувшинов и предназначены, естественно, для длительного пользования. Прямо из них не едят и не пьют. Они служат для хранения воды или (главным образом в сельской местности) продуктов.

На свадьбах и во время всевозможных массовых торжеств используется еще один вид посуды, которую после употребления можно спокойно выбросить. Это «тарелки» из листьев растений. Больше всего для подобной цели подходят листья бананового дерева — огромные, в рост человека, очень широкие, так что достаточно порезать их на большие прямоугольники (ведь на них кладут и рис и остальные блюда), вымыть — и тарелки готовы. Листья *шала* также часто используются в качестве посуды, но они меньшего размера и не имеют формы тарелок, поэтому их складывают и скрепляют так, что они образуют большой круглый поднос. Их можно увидеть на рынке, где они лежат сложенными на прилавке. Они очень дешевы (на рупию можно приобрести четыре дюжины), и мытье посуды после еды отпадает. Жаль, что в нашем климате не растет ни шал, ни банановое дерево.

Но у достойной похвалы религиозной гигиены есть свои недостатки. Так, «нечистой» считается после употребления только керамическая и стеклянная посуда. Не возникло ли это правило во времена, когда другие материалы были еще неизвестны? В домашнем хозяйстве пользуются металлической посудой — железной, медной и из разных сплавов — таких же прекрасных форм, как

и глиняная. Дома есть на такой посуде — одно удовольствие. Каждая хозяйка старается начистить ее до блеска. По-другому дело обстоит в столовых, где, как и во всем мире, не уделяют этому должного внимания.

Плохо то, что глиняная посуда вытесняется посудой из более дорогих материалов как раз в местах наиболее многолюдных, таких, как вокзалы и чайные. Начинает входить в употребление фарфоровая посуда, и тут уже, несмотря на то что и фарфор тоже изготавливают из глины, вы не можете требовать от продавца, чтобы он такую фарфоровую чашку после однократного использования уничтожил. Это слишком дорого, поэтому иногда приходилось пить чай из чашки, по которой ползали рои мух.

Рассказ о традиционных бенгальских блюдах, пожалуй, будет неполным, если не вспомнить о том, какие пряности употребляют индусы и как жуют бетель.

О существовании бетеля я знала из литературы еще задолго до того, как стала изучать бенгальский язык. В приключенческих повестях постоянно говорилось о том, что каждая махарани имеет серебряную коробочку тонкой чеканки. Время от времени она вынимает из нее бетель или пан и жует с мечтательным выражением.

В Индии мои познания на этот счет обогатились.

Во-первых, жуют не только махарани и весь их королевский род, но и подметальщики, чиновники, женщины, мужчины и дети, едва достигшие школьного возраста, индусы и мусульмане — короче, все. От этого жевания у людей очень «красные» улыбки (от бетеля рот красный), а весь тротуар в красных плевках.

Приготовление бетеля — как и многого другого в Индии — требует затраты немалого труда. Бетель можно купить на улице так же просто, как у нас в киоске сигареты. Но сам «бетельщик» должен много потрудиться, чтобы приготовить все его составные части. Не существует пока автомат для производства бетеля, и, вероятно, еще долго не изобретут его — этакой аналогии сигаретной машины, заглатывающей табак с одной стороны и выстреливающей готовые сигареты — с другой.

Однако чаще всего вам предложат бетель дома — и тут уже воспринимайте это как знак уважения, как подарок.

Рано утром глава семейства обычно отправляется на рынок, где из старательно вымытых и живописно разложенных сердцеобразных листков бетелевого перца выбирает самые нежные. Он покупает также арековые орешки (арековая пальма показалась мне самой некрасивой из всех индийских пальм — тонкая, очень высокая, какая-то хилая, но продукт этой хилой родительницы придает бетелю чудесную силу), а если нужно пополнить домашние запасы, то еще и известковый порошок из раковин, затем *кхаир* — раздробленную кору деревьев с дубильным свойством (в оранжевых плитках, напоминающих шоколад), гвоздику и разные пряности, такие, как кориандр, кардамон, а также и табачный экстракт — в зависимости от того, какие примеси к бетелю предпочитает его семья.

Дома влажные листья завернут в банановый лист, чтобы они оставались свежими до приготовления всей смеси для жевания, то есть пана. Тут хозяйка дома еще раз их вымоет, натрет пастой из негашеного известкового порошка, кхаиром в порошке или в виде пасты, положит на них дольки арековых орешков, добавит ту специальную смесь, которую ее семья любит больше всего, свернет лист в этакий маленький пирожок, сколет его гвоздичкой (пряностью), чтобы не распался, затем покропит водой и покроет влажной тряпочкой, чтобы все это не высохло. Ну, а теперь можно ждать, когда наступит момент и гость, уже достаточно сытый, воздаст должное мастерству хозяйки.

В приготовлении бетеля мне больше всего нравилась именно тщательность, с которой его готовили. Этот процесс никак нельзя сравнить с той поспешностью, с которой мы выпиваем кофе или чай, или с небрежностью, с которой просим в магазине смолоть кофе. Приготовление бетеля — это церемония. Неторопливая и успокаивающая, которую в ритме нашего рабочего дня нам просто некуда отнести. Из тех же минувших времен и инструменты, используемые при приготовлении бетеля: чудесные щипчики для колки орешков, серебряная коробочка для хранения.

И еще я ценю в бетеле то, что, в отличие от наших сигарет, он не ублажает одного за счет отравления другого. Жевание бетеля совсем не вредно для окружающих.

Но лично мне жевать бетель не понравилось. Ни ощущения хотя бы самого слабого опьянения, ни успокоения

у меня не возникло, скорее наоборот. Появилось чувство какой-то теплоты у корней волос и обостренное восприятие всего окружающего. Вдруг стали невыносимыми жара и влажность, а сытая беседа моих хозяев показалась бессодержательной болтовней. К тому же мое европейское воспитание не позволяло выплевывать остатки бетеля, и я глотала их целиком, чем еще больше активизировала его неприятное на меня воздействие.

Итак, жевательницы бетеля из меня не вышло, и это к лучшему. Что бы я делала без бетеля в Праге?

Однажды в бенгальском ресторане мне вежливо на тарелочке принесли счет. Меня страшно удивило то, что кроме счета на ней лежала еще и горка анисовых зернышек. Я расплатилась и ушла, оставив анис на тарелке. Официант молча принял деньги. Скорее всего он решил, что я отвергла пряности не по незнанию, а из чувства какого-то необъяснимого европейского неприятия всего пряного.

Потом мне объяснили, что заедать пищу анисом, гвоздичкой или орешками весьма полезно, это способствует лучшему пищеварению. Не знаю, так ли это, но во рту после аниса или орешков возникает приятное ощущение, приятнее, чем то, которое испытываешь, если после еды почиستی зубы пастой. Такое происходит, видимо, потому, что пряности не вступают в противоречие с бенгальскими блюдами, как зубная паста с кнедликами.

Отведав пряностей, хочется посидеть и поболтать, и, пожалуй, кое-что съесть, в то время как после нашей зубной пасты появляется желание пожелать всем спокойной ночи и отправиться спать.

Я попробовала и дома употреблять пряности после еды, но, увы, из этого ничего не вышло. Арековых орешков у меня не было, а запах гвоздики или аниса плохо сочетался с блюдами чешской кухни.

САРИ — КРИК МОДЫ ПОСЛЕДНЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ, ИЛИ КАК ОДЕВАТЬСЯ В ТРОПИКАХ

С индийской одеждой я свыклась намного легче, чем с индийской кухней. Это и понятно. Тело куда более чувствительно к тому, чем мы его насыщаем, и в общем-то безразлично к тому, что на него надеваем. Главное, чтобы тело не испытывало переохлаждения или пере-

грева. Поэтому момента, когда надену сари, я прямо-таки не могла дожждаться. По моему мнению, это самая прекрасная одежда в нашем современном мире. Почти такой же прекрасной я считаю одеяния древних римлянок, но они-то известны нам лишь по картинам и скульптурам, и кто знает, как в этих одеяниях выглядели римлянки на самом деле.

Сари же я вижу на живых индийских женщинах с самыми разными фигурами и характерами, и им всем сари очень идет, намного больше, чем европейское платье. К тому же римская мода отошла много столетий назад, и одному человеку возродить ее не под силу. Возможность же носить сари возникает здесь сама собой сразу же по приезде, а для некоторых смелых женщин — даже в Праге. Поясняю: сари — это кусок материала метров пять в длину и более метра в ширину, в который разными способами заворачиваются индийские женщины.

Самый распространенный способ: сари обвивают справа налево вокруг пояса — образуется длинная юбка, затем приблизительно треть длины сари закладывают спереди в красивые складки (более узкие или более широкие), оставшейся частью материала еще раз обводят бедра сзади и, пропустив его под правой рукой, перебрасывают через левое плечо на спину так, чтобы конец сходил до пояса или ниже, — опять же, как требует современная мода.

Многие замужние женщины конец сари набрасывают на голову и закрывают им лицо. Однажды я сидела в поезде с группой гостей, сопровождавших невесту в ее новый дом. Всех их я прекрасно рассмотрела, кроме невесты, чей робкий взгляд я могла уловить лишь через щелочку розового сари, полностью закрывавшего ее лицо.

Сари должно быть настолько длинным, чтобы виднелись лишь ступни ног. Сначала у меня ничего не получалось и сари было мне то по шиколотку, а то (и чаще всего) слишком длинным, так что при быстрой ходьбе я наступала на его край. И тут-то до меня дошло, почему индийские девушки движутся так неспешно. Я никогда не видела их бегущими. Все они ходят степенно, с высоко поднятой головой, и я убедилась на собственном опыте, что это из-за сари: чтобы не наступать на край и чтобы его конец не соскользнул с плеча.

Сари — это еще и нижняя юбка и блузка. Блузки но-

сят сильно прилегающие (так что полные женщины из них прямо-таки вылезают) и короткие. В различных частях света существует свое понимание пристойного. В Индии, например, живот показывать прилично, а ноги — нет. Современные девушки носят блузки чисто символически. Но было бы ошибочно полагать, что пять метров сари вокруг тела всегда производят впечатление монашеской скромности. Эти пять метров можно и так тесно стянуть вокруг боков и бедер, а оставшиеся метры собрать так выразительно, что фигура женщины будет эффектно обрисована. Достигающая щиколоток нижняя юбка в поясе завязывается на тесемку, за нее-то и заправляют сари. Весь пятиметровый наряд буквально висит на этой тесемке. Поначалу сама эта мысль страшно пугала меня. Я опасалась, что все развяжется, и так стягивала тесемку, что она трещала, а вечером, раздеваясь, обнаруживала на талии красную полосу.

Хуже всего было во время застолий. Расслабить тесемку, узелок которой скрыт где-то в складках, намного сложнее, чем незаметно расстегнуть пуговицу у юбки или брюк. Я не могла рисковать, опасаясь, что однажды встану из-за стола, а мое сари с нижней юбкой так и останется на стуле, и, ничего не предпринимая, сидела и страдала.

Сначала, несмотря на все мои страдания, несколько раз случалось так, что, спокойно шествуя по улице, я вдруг чувствовала, что сари как бы тянется за мной. Осторожно ощупав себя, я с ужасом обнаруживала, что оно выскальзывает из-за тесемочки. К счастью, дело никогда не заходило слишком далеко, и я не оставалась на улице в одной нижней юбке.

Верхний конец сари, который можно перебросить со спины на грудь, настолько закрывал талию, что под ним можно было все поправить незаметно для окружающих. И тем не менее после многих злоключений я еще длительное время относилась к сари с осторожностью.

Из двух частей женского нижнего белья в Бенгалии носят только то, что под блузкой. Под нижней юбкой ничего не носят. Когда я развешивала свое белье сушить на веревке, все девушки спрашивали, когда и зачем я это ношу.

Современные сари изготавливают из самых разных материалов. Когда я была в Индии, модными были сари из нейлона. Это были единственные сари, которые я не признавала. Во-первых, обладательница подобного сари

выглядит в нем как прекрасный пакетик в целлофане, а во-вторых, в таком платье очень жарко.

Я всегда отдавала предпочтение традиционным материалам. Для начала я купила себе два хлопчатобумажных сари: они, естественно, и самые дешевые, и в них не так жарко. Два других шелковых сари я получила в подарок от своих состоятельных друзей. Таким образом у меня стало четыре сари. Невеста из меня была бы бедная, ведь богатая должна иметь около ста сари.

Что касается узоров — они, как и на платьях, самые разнообразные. Белое сари — это отнюдь не свадебный наряд, а символ самых несчастных женщин — вдов.

У сари выразительно оформлена кайма и один край — тот, который перебрасывается через плечо. И кайма, и край весьма красивы на традиционных материалах.

Я не слишком большой знаток моды, и у нас выбор материала меня скорее утомляет, нежели доставляет удовольствие. Но в Индии в магазине с материалами, сотканными ручным способом, я могла подолгу перебирать сари за сари, поражаясь великолепию узоров. К чести продавцов, они никогда не имели ничего против, хотя уже хорошо меня запомнили и понимали, что все завершится покупкой на сумму не более шестнадцати рупий.

Сначала я, как трезвая северная жительница, восхищалась сари не слишком пестрых расцветок. Я купила себе одно из хлопка, цвета светлого какао, с вытканными маленькими темно-коричневыми листочками, с белокоричневым геометрическим узором на кайме и с коричневым узором на верхнем конце. Потом последовало серо-голубое сари с золотисто-коричневым узором. Затем я получила в подарок два сари из муршидабадского шелка. Сари, производимые в этом традиционном бенгальском центре шелкоткачества, как паутинка, их можно продеть через кольцо. Одно сари было серо-голубого цвета, полностью отвечавшее моему европейскому вкусу, у второго на таком же фоне были четкие розовые и коричневые стилизованные цветы. Глядя на сари, я научилась любить восточные цветочные комбинации.

К этому времени я уже открыла, что мир намного красочнее, чем он видится в нашем умеренном поясе, а деревья цветут не только белым и розовым цветом, но могут полыхать огненными цветами, как факелы, и пла-

менеть желтым, как сера, цветом и фиолетовым, как плащ кардинала; к тому же есть кустарники, распускающиеся цветы которых напоминают нежно-белых ангелочков, а вянущие — маленьких красных дьяволят.

Точно так же и сари из тяжелого южноиндийского шелка. Если смотреть на сари сбоку, оно ярко-зеленое, но стоит немного отойти — и оно уже с ало-фиолетовым оттенком. Своими ядовитыми красками и тяжелой скользкостью эти сари у меня ассоциировались с чем-то змеиным. Я даже побаивалась их, но страх был иного рода, нежели священный ужас, внушаемый нам кобрами.

Если иногда с меня соскальзывали даже муршидабадские паутинки, то какие мучения могли бы мне причинить эти тяжелые южноиндийские шелка? Только однажды я примерила такое сари, более десяти метров длиной, но и этого было достаточно. Часть его проходила между ногами, как это принято в Южной Индии. (Да и как распорядиться всеми этими десятью метрами?) К тому же стояла жара и пот струями стекал по телу, пока я пыталась завернуть себя в этот наряд. Когда же процесс надевания сари подошел к концу, я не могла пошевелиться — и от жары, и от страха, что сари может упасть с меня. С тех пор я предпочитаю восхищаться южноиндийскими шелковыми сари на ком-нибудь другом.

Ни одна из зажиточных бенгалок не может обойтись без *бенараси*, важного элемента своего приданого. Бенараси — это сари из бенаресского шелка, чуточку менее плотного, чем южноиндийский. Рисунок на нем выткан золотыми или серебряными нитями, и это делает его самым прекрасным, самым классическим и самым дорогим.

Красивые бенараси стоят от трехсот до пятисот рупий, но есть и за тысячу и дороже. Уже сама цена говорит о том, что это сари для более торжественных случаев, как правило для самого торжественного — для свадьбы. Свадебное бенараси — огненно-алое или розовое и все золототканое.

Я не собиралась в Бенгалии выходить замуж, но о бенараси прямо-таки мечтала: золотые нити были так восхитительны и сари так красиво облегало тело!

Когда я попала в Варанаси (Бенарес), где бенараси якобы дешевле, я попросила одного своего знакомого — югослава, учившегося там уже несколько лет и умевшего

на языке хинди даже ругаться, а уж тем более торговаться, помочь мне в приобретении сари. Варанаси находится в штате, где говорят на хинди, так что мой бенгальский язык помочь мне никак не мог.

Я отдалась покупательской страсти.

Все происходило так, как описывали путешественники. Нас провели в глубь магазина, усадили на коврики, угостили чаем и предложили на выбор десятки, сотни сари. Продавец заявил:

— Сари только для просмотра, мадам. Я знаю, что все вы купить не сможете. У меня вы можете ничего не покупать сегодня. Вы сюда сами придете, как только увидите цены и качество сари в остальных магазинах.

К сожалению, продавец сбивал меня с толку, ни за что не желая перейти на хинди. Увидев два белых лица, он стал говорить только по-английски. Он выслушивал наши уверения, что мы в Индии уже несколько лет и имеем представление и о сари, и о ценах. В свою очередь, он уверил нас, что и он бы не торговался, поскольку его магазин — самое солидное предприятие и цены твердые.

Это была долгая беседа, которую я про себя назвала либерецкой ярмаркой с угощением. Наконец покупка состоялась, и я осталась довольна.

Я купила небесно-голубое сари и материал на блузку, украшенный богатым серебряным узором. Обычно отрез на блузку для более дорогого сари прикрепляется к его внутреннему краю.

В общежитии для стирки сари в моем распоряжении были холодная вода, небольшой примус, стиральный порошок, пакетик крахмала, ведерко и крошечный дорожный утюжок.

Выстирать в этом ведерке юбку из искусственного материала не представляет проблемы, с хлопчатобумажной блузкой я бы тоже справилась, как и с утюжкой. Но выстирать кусок хлопчатобумажной ткани в пять с половиной метров в длину и метр десять сантиметров в ширину, превращающийся при выжимании в тяжелый морской канат, было выше моих сил. Я с завистью наблюдала, как девушки в общежитии делали это просто играючи. На полу на примусе заваривали в кастрюльках крахмал, окунали в него сари, а затем грациозно перекидывали через бельевую веревку, подвешенную высоко (иначе как же развесить пятиметровые куски ткани?), ловко их раскладывали и натягивали так

долго, пока те не расправлялись и висели словно выглаженные.

Я же своим дорожным утюжком гоняла по безнадежно быстро высыхающему (хотя и старательно покропленному водой) полотнищу хлопка, а в результате было то, что уже выглаженные метры возвращались в первоначальное мятое состояние.

Сначала девушки ходили посмотреть, как я вожусь со стиркой сари, и посмеивались, но потом дали мудрый совет — отдавать сари прачке, дважды в неделю приходившему в общежитие. Девушки, мол, тоже отдают ему свои сари, когда хотят придать им красоту и форму. Они поступали так: один раз стирали сари без подкрахмаливания, один раз с подкрахмаливанием, один раз снова без подкрахмаливания, а затем отдавали прачке, который как следует полоскал ткань в пруду, крахмалил и гладил. Точнее, не полоскал, а выколачивал.

Этого «выколачивания» я немного опасалась. Я знала, что индийские прачки стирают белье не на доске и не в стиральных машинах, и отлично знала также и шантиникетонский «стиральный» пруд.

В мелкой воде приблизительно в метре от берега были вбиты колышки, от которых на берег вел наклонный, весь в перекладках мостик, действительно весьма похожий на нашу стиральную доску. Над каждой такой «стиральной доской» стоял по колено в воде прачка и неутомимо колотил по ней, словно цепом, скрученным в жгут мокрым бельем. И тут же на берегу на густой траве сушил расправленные во всю длину и ширину сари. Я не видела, где он кипятил, крахмалил и гладил сари, но возвращал их так замечательно выстиранными, накрахмаленными и выглаженными, что в сложенном виде они походили на дощечки. Слой крахмала часто скрывал и небольшие шрамы, нанесенные сари в процессе столь бурной стирки.

Мне не жаль было денег за стирку (суммы были действительно очень небольшие, даже слишком маленькие за столь каторжный труд), но мне становилось страшно за свои сари, ведь их у меня всего несколько штук, а купить новые я не имела возможности. Девушки же платили только за стирку, новые сари им покупали родители, так что подобные хлопоты их не касались.

И я пошла на компромисс. Во-первых, я старательно осваивала стиральные и, главное, сушильные методы, чтобы обходиться без утюжки и таким образом на один

раз исключить участие прачки в процессе. Во-вторых, я перестала слишком уж приберегать свои шелковые сари и начала их носить. Конечно, не каждый день, а только в определенных случаях, например жогда отправлялась в гости. В шелке, естественно, намного жарче, чем в хлопке, но зато шелк не мнется и его не надо каждый раз гладить.

Для меня же тут имелось еще одно преимущество: я не нуждалась в помощнике. Шелк намного послушнееakraхмаленного хлопка. Он легко складывается в складки, в то время как хлопок сопротивляется, и если вы хотите, чтобы складки спереди выглядели элегантно, то нужно провести по складке сверху донизу двумя пальцами и так проделать несколько раз.

Осуществить эту операцию на себе самой достаточно сложно. Намного легче сделать это на ком-нибудь другом — вы садитесь на корточки и выравниваете складки. Так и поступают бенгалки, но в случае необходимости они прскрасно обходятся и сами. У меня же эта операция со складками занимала целую четверть часа; к тому же, сложив складки, я обнаруживала, что оставшая часть юбки уже измята.

С шелковым сари я справлялась сама, и результат моих стараний почти отвечал прежним представлениям о том, как очаровательно будет выглядеть на мне сари в Индии.

Однако сари не только носят, в нем живут. Я хочу сказать, что мало уметь обмотать себя в сари и степенно пройти по улице. С этим легко справляется любая иностранка, в том числе и я. Следует учитывать, что сари — это единственная одежда бенгальских женщин — домашняя, спортивная, рабочая, праздничная, туристическая. Можно сказать: как завернется в свои пятнадцать лет бенгалка в сари, так уж и не снимает его никогда.

Полное принятие этой новой, прелестной, но во многом и неудобной одежды было для меня делом не простым. Уже в самом начале я отбросила мысль о том, чтобы спать в сари. Отказалась я и от некоторых других его функций. Но оставались другие виды одежды, и от них я никак отказаться не могла, да и не желала. Вот те, которыми я успешно овладевала.

Рабочая одежда. Как известно, основным моим занятием в Бенгалии оставалась учеба. Сидеть за письменным столом в сари очень удобно. Оно не мешает, защи-

щает ноги, а в случае необходимости и руки, и голову от комаров летом и от холода зимой.

Когда же я отправлялась на консультацию к учителю, то сари было просто незаменимо. В Шантиникетоне занятия проходят традиционным индийским способом: ученики сидят на земле. Не представляю, как выглядели бы мои консультации, если бы мне приходилось так сидеть в юбке. Таким образом, сари помогало мне сохранять спокойствие духа во время занятий.

Мне мешал лишь один пустяк: с сари не носят портфелей. Их бенгальцы вообще не носят. В деревнях я встречала направляющихся в школу учеников. Все свои школьные принадлежности они несли на голове аккуратно завернутыми в маленький коврик, на котором сидели «в классе», под деревом. Это и изящно, и экономно. Никакого лишнего веса, а легкий коврик выполнял двойную функцию: и портфеля, и парты.

В городах ученики сидят за обычными партами и столами, но они, как правило, носят свои школьные принадлежности в руках. Бенгальскую школьницу вы отличите сразу. Под мышкой у нее книги и тетради, а верхний конец ее сари старательно сложен и приколот булавкой к блузке, образуя на плече своеобразную перевязь, как повелевает школьный обычай (во многих школах носят одинаковые сари — например, белые с зеленой каймой). Если книг много, их складывают стопкой и несут перед собой в обеих руках. Таким образом у них отпадают хлопоты с укладыванием книг и всего остального в портфель или сумку. Но более всего мне нравились авторучки, заткнутые за вырез блузки. Они выглядели совсем как знаки отличия.

Однако когда я попыталась подобным беззаботным образом нести свои учебники, у меня это плохо получалось. То я забывала положить в стопку какую-то книгу, то они рассыпались, так как совсем не подходили по размерам. К тому же во мне сказывалась давняя привычка носить с собой в университет гораздо больше предметов, нежели только ручка и учебники. Я была благодарна судьбе, что училась в Шантиникетоне, где до любого места можно было добраться пешком. Что бы я делала в Калькутте, где с книгами под мышкой нужно сражаться за место в автобусе? Но это, так сказать, незначительные хлопоты. Хуже обстояло дело с ношением сари.

Хотя я и научилась у девушек засовывать конец сари

за пояс так, чтобы он не падал с плеча, оставались проблемы с его длиной. Я все время путалась в нем. В Индии большую часть работ проделывают, сидя на земле. Для индианок это просто, для меня же, не привыкшей к этой позиции,—постоянно надо было находиться в наклонном положении. И хотя мне приходилось только готовить и подогревать еду на керосинке да еще стирать в ведерке, вскоре, воспользовавшись тем, что жила в комнате одна, я принялась все эти операции проделывать в брюках.

Побывав в гостях в некоторых европеизированных семьях, я обнаружила, что и для индианок эта одежда весьма удобна. И хотя на улицах они красовались в своих шелковых сари, дома с удовольствием носили брюки.

И индианки, проживающие в Праге, позволяют себе это удобство. Ни одна из них не европеизировалась настолько, чтобы надеть наше обычное платье и показать ноги, но они прекрасно освоили брюки. Я даже встречала бенгальских студенток, которые, воспользовавшись современной модой, разгуливали в Праге в макси-юбках.

Однако это, конечно, исключения. Наша среда лишает их естественной грации, данной им и природой, и тысячелетней традицией. Миллионы остальных индийских женщин в своих сари справляются с любыми видами работ, и именно на них это одеяние приводило меня в восторг.

Сари на калькуттской барышне, направляющейся из машины в кафе,—прекрасно. Однако сари на индианке, занятой работой,—феномен, поражавший меня в первые часы пребывания в Индии и затем во время всей моей жизни там. Представьте себе женщину в длинном, как наше вечернее платье, одеянии подметающей улицу, чистящей, присев на корточки, рыбу или собирающей коровий помет. У меня есть фотография крестьянки в сари с ребенком на руках: она разгребает босыми ногами рис, разложенный во дворе для сушки. И все это она проделывает пританцовывая и с улыбкой.

У крестьянок, работающих на полях, сари короче городского и потому, что так удобнее, и потому, что пришлось купить столько метров материала, на сколько хватило денег.

Праздничная одежда. При выборе праздничного сари надо учитывать, соответствует ли данный парадный наряд случаю, для которого он предназначен.

Однажды со мной произошло смешное недоразумение. Прошел месяц со времени моего приезда в Индию, уже были позади мои первые шаги в сари, которое я носила самым обычным способом. И тут я в какой-то книге прочитала, что этот способ, собственно, и не индийский, что он возник под влиянием европейской моды носить длинные платья. И это замечание, возможно и совсем неверное, побудило меня к расспросам, как же выглядят сари, надетые по-индийски.

В общегитии для подобных выяснений были широкие возможности. Кроме бенгалок здесь жили девушки из разных уголков Индии. И вот из их огромных металлических чемоданов (а я-то полагала, что в них хранятся учебники на целый период обучения) стали появляться на свет кипы сари самых разных видов.

Инду, родом из Агры, перебросила конец сари не на спину, а, наоборот, со спины на грудь, и ее стройная фигура с этой непрерывной волнистой линией длинного одеяния выглядела как у Рашели и Бэтсабэ, которых рисовал сам Доре.

Радха продемонстрировала сари из Южной Индии, и все способы драпировать тело были разными.

Бенгальский способ драпировки мне нравился меньше. Впереди получалось слишком много складок, так что образовывался небольшой животик даже у тоненьких бенгальских девушек. Но зато куда удобнее способ, которым драпируют свое тело замужние женщины. Конец сари они накидывают на голову, протягивают под правую руку и перебрасывают через левое плечо, а затем к его уголку, весьма практично мне кажется, хозяйки привязывают ключи от домашних хранилищ.

Я согласилась, когда девушки предложили одеть меня по-бенгальски. В то время без их помощи я и с обычным универсальным способом надевания сари справлялась довольно плохо и в бенгальском варианте ни разу и не появлялась. Тогда я еще совсем не привыкла носить пять с половиной метров ткани на своем теле.

Итак, девушки нарядили меня по-бенгальски и оставили в комнате одну, чтобы я могла как следует насладиться всей красотой бенгальских складок. «Отправлюсь-ка я так на ужин.— подумала я,— пусть все увидят, насколько я уважаю местный обычай. Да и стоит ли переодеваться?»

Все было бы хорошо, если бы... В университете вру-

чались дипломы об окончании курса обучения, и в Шантиникетон съехались родственники студентов. Уже сам факт, что вместе с их дорогими дочками в общежитии живет белолицая иностранка, вызывал у них большой интерес. Но, увидев меня, вышагивающую на ужин в сари по-бенгальски, они не только поразились, но и рассмеялись, ибо в определенных кругах, в том числе и в университетских, местные варианты сари воспринимаются так, как у нас местные национальные костюмы. Реакция была такой же, как если бы у нас в Праге на факультете вдруг появилась негритянка в чешском национальном костюме.

Я почувствовала себя тогда крайне неловко и рассердилась на девушек, что они не предупредили меня. Зато я запомнила на всю жизнь, какое сари и когда уместно носить.

Интересно, что сари для выхода обязательно и в тех кругах, где обычно в других ситуациях его не носят совсем.

Санталки, например, для работы надевают клетчатые юбки (запахивая на себе прямой кусок материала), не очень длинные, и блузку. Мне всегда казалось, что это весьма точно соответствует их веселому нраву и тому, что именно им приходится работать больше других женщин. А эти «юбки с блузками» удобнее всего для работы.

Однажды во время храмового торжества в Шантиникетоне я наблюдала группу санталок, которые пришли на праздник из отдаленных деревень. Они шли в обычных юбках, но в поле перед Шантиникетонем развязали свои узелки, вынули оттуда выходные сари, переоделись и принарядились. Так и у нас когда-то в подобных случаях крестьяне носили перекинутые через плечо башмаки, дабы зря не трепать обувь в пути.

Одежда спортивная. Отправляясь в Бенгалию, я совсем не собиралась заниматься спортом, но обстоятельства вынудили меня много ездить на велосипеде.

Бенгальский край равнинный. Эта область прямо-таки создана для велосипедного спорта. Правда, шоссе здесь заасфальтированы не все, зато велосипедистам не мешают тысячи машин. На наших асфальтовых дорогах человек на велосипеде — просто никто. На бенгальских же дорогах он — господин, снисходительно поглядывающий на остальных участников движения: на низкие двухколесные повозки, запряженные волами, на

рикш (в основном велосипедных) и, главное, на пешеходов, которых на дорогах множество.

Идею объездить в Индии как можно больше мест на велосипеде мне подсказал незадолго до отъезда один мой знакомый. И я была рада, что еще в Праге решила ею воспользоваться. В Шантиникетоне мне бы подобное и в голову не пришло. Девушки из общежития на велосипеде никуда не выбирались. Мне же хотелось увидеть как можно больше, а совершать поездки автобусом было просто невозможно, так как они ходили строго по определенным маршрутам. Тогда-то я и познакомилась с одной девушкой, которая работала в деревне, и купила старый велосипед. О приятельнице расскажу позже. Сначала — о моих велосипедных прогулках.

Конечно, я не собиралась садиться на велосипед в сари. Но приятельница меня уверила, что если я появлюсь в деревне в европейском платье, то останусь для всех лишь иностранкой, и только сари поможет мне найти дорогу к сердцам и кухням деревенских женщин.

Я попробовала, и все получилось отлично. Конечно, я выглядела довольно комично на велосипеде в сари — кайма была часто черной от велосипедной мази, но, к счастью, никогда не наматывалась на цепь настолько, чтобы я падала. Скорее всего потому, что на бенгальской равнине и в такой пыли не очень-то разовьешь большую скорость.

Вскоре я отважилась отправиться на велосипеде и в Балпур — самый близкий к Шантиникетону городок.туда ведет асфальтированное шоссе с весьма оживленным движением. «Движение» в индийской провинции совсем не означает поток машин, обгоняющих одна другую согласно предписанным правилам. Движение — это рикши, и уличные торговцы, и дети, и автомашины, и автобусы, и сидящие вдоль дороги в застывших позах отшельники, и мусор (его тоже необходимо включить в понятие «движение», ибо и он небезопасно попадает под колеса, вызывая пугающее ощущение возможного падения), и разное зверье, и все это движется каким-то совершенно немыслимым для европейца образом. И очень трудно во всем этом хаосе заметить, что в Индии — левостороннее движение еще со времен английского владычества.

К тому же у всех передвигающихся по индийскому шоссе такое ощущение, что свое право на существование они обеспечивают единственно тем, что создают как

можно больше шума. Машины гудят, люди кричат, скот мычит, собаки лают, велосипедисты постоянно сигналият, а рикши непрерывно гудят (самый типичный звук индийской улицы) в допотопные гудки.

Когда я впервые погрузилась в это море звуков и движения, то весьма побаивалась, но оказалось, что все не так уж страшно. Поток движется медленно, хотя и шумно, и нет такого риска для жизни, как на наших дорогах. Я благодарна индийцам за то, что они, несмотря на отсутствие на первый взгляд в их езде каких бы то ни было правил, мгновенно замечали, когда я переезжала на правую сторону дороги (а туда меня силой привычки заносило довольно часто), и сразу же мне со всех сторон кричали:

— Не та сторона!

Однако во время своего пребывания в стране я освоилась на балпурских дорогах и совершенно спокойно разъезжала на велосипеде, делала покупки. Лишь моя последняя поездка была несколько драматичной, и, думаю, после моего отъезда жители Балпура еще долго обсуждали ее.

В Бенгалии принято по случаю важных событий угощать своих знакомых сладостями. После года пребывания в Шантиникетоне мне стало ясно, что я не могу уехать из Индии, не угостив своих подруг по общежитию рошголкой. Сделать это было нетрудно, стоило отправиться в Балпур и привезти из местной кондитерской с названием «Магазин невероятных сладостей» несколько чашек с рошголкой в сладком соке.

Так я и сделала — отправилась в Балпур. Там я купила все необходимое и сказала хозяину кондитерской, что, к сожалению, уезжаю из Индии. Я попрощалась с ним. Мне оставалось лишь поставить чашки в корзинку (у индийских велосипедов нет багажника, поэтому груз перевозят на английский манер в корзинке, прикрепленной к рулю) и отправиться в обратный путь. Однако тут возникла проблема. Сесть на велосипед в сари так, чтобы оттолкнуться и, перебросив правую ногу через заднее колесо, двинуться вперед, почти невозможно. Поэтому сначала необходимо наклонить велосипед; правой ногой стать на педаль, оттолкнуться и лишь затем взобраться на него. Но я не могла таким образом сесть на велосипед, так как сладкий сок вытек бы из чашек.

— Ничего, *диди!* — успокаивал меня хозяин кондитерской (обращение диди — «старшая сестра» — означа-

ло мое общественное положение, а не возраст). — Вы сядете, медленно поедете, а этот мальчик поставит вам чашки в корзинку.

Таких мальчиков у хозяина кондитерской была целая дюжина. Я попробовала взобраться на велосипед. Мальчик кинулся вслед за мной и на ходу пытался поставить чашки в корзинку. Ему удалось поставить лишь одну. Из второй чашки сок вылился на землю, а с остальными он вообще не справился.

— Давайте сначала поставим чашки в коробку, а коробку в корзинку! — командовал хозяин кондитерской.

Я села на велосипед, оттолкнулась и поехала. Однако коробка для мальчика оказалась слишком тяжелой. Ему не удавалось проделать все три операции сразу: поставить коробку в корзинку, бежать рядом со мной и следить, чтобы не попасть под колеса велосипеда.

Хозяин долил расплескавшийся сок (между тем возле нас собралась толпа, все весело смеялись) и выступил с новым предложением:

— Сначала, диди, мы поставим коробку в корзину, затем мальчики подержат велосипед, вы на него сядете и поедете.

Я попробовала. Как только мальчики отпустили велосипед, он закачался и сок зафонтировал. На переднее крыло велосипеда стали слетаться мухи.

Хозяин «Магазина невероятных сладостей» роздал мальчишкам подзатыльники.

— Болваны! — кричал он. — Не можете как следует отпустить!

Сделали новую попытку. Я благополучно проехала несколько метров, но тут передо мной, словно из-под земли, возникла корова. Оставалось прыгнуть с велосипеда и снова попросить долить пролившийся сладкий сок.

Наконец с благословения хозяина кондитерской, под улюлюканье веселящейся толпы балпурцев и благодаря физической помощи пяти мальчиков я отъехала и направилась по балпурской улице с чувством, что все страшное уже позади. Но не тут-то было.

Перед Шантиникетом я встретила нашего почтальона. Он тоже ехал на велосипеде и издали закричал:

— Диди, у меня для вас срочное письмо!

— Прекрасно, — ответила я, стараясь всеми силами не потерять равновесия. — Принесите мне его после обеда в общежитие.

— Это невозможно,— запротестовал усердный служащий,— ведь оно срочное.

И он подъехал ко мне, сошел с велосипеда и стал рыться в сумке.

— Я приду за ним на почту, как только отвезу покупки домой,— пыталась я договориться с почтальоном, при этом старательно продвигалась дальше.

Но почтальон повернул велосипед и нагнал меня:

— Ну что вы, диди. Ведь это письмо срочное, и я обязан вручить его в кратчайший срок!

Я боялась, что в своем старании он стащит меня с велосипеда. Очень осторожно я сошла с велосипеда, стараясь, чтобы сладкая и уже невосполнимая жидкость расплескалась как можно меньше. Получив письмо, я побрела в Шантиникетон пешком, ведя велосипед рядом.

Так что судить о том, могу ли я кататься на велосипеде в сари, весьма трудно.

Плаванием, следующим видом спорта, заниматься в сари я никак не собиралась, не будь Долджатры. Во время этого индуистского праздника каждый год весной разыгрываются сцены — игры бога Кришны с пастушками. Эта традиция жива по сей день. Все посыпают друг друга традиционным красным порошком, а в последнее время не только красным — и желтым, и зеленым, и любым другим и выливают друг на друга целые ведра краски, в ход идут всевозможные брызгалки.

Бенгальцы проводят в таком веселье только один день. Долджатру я праздновала в маленьком городке. Последствия ее я никак не могла с себя смыть. Все мои друзья весело барахтались в Ганге, и только я, полная безверия относительно чистоты индийских рек, упрямо стояла в ванной в доме моих хозяев и просила слугу носить для меня воду из колодца. Бедняжка носил ведро за ведром и каждый раз кричал мне через стену:

— Диди, почему вы не идете в реку?

И только когда это повторилось раз десять и я убедилась, что ничего не поможет мне избавиться от цветных пятен, я сошла в своем пестром сари среди веселой толпы по ступенькам в Ганг. Первый раз за все время моего пребывания в Индии я вошла в реку. Оттолкнувшись от ступенек, как была в сари, я поплыла кролем.

Я совсем не новичок в плавании в одежде. У меня в прошлом было несколько падений с каноэ, во время которых я не только оказывалась в воде в куртке, но мне

ещё приходилось в холодной весенней воде ловить всё-ло и прочие вещи. В данном случае все оказалось значительно сложнее. Я забыла, что сари удерживается на теле намного хуже, чем куртка, майка и брюки. После первых приятных мгновений в воде я вдруг почувствовала, что сари с меня соскальзывает и ноги, словно у русалки, стали окутываться длинной хлопчатобумажной материей. Доплыть до берега лишь с помощью рук — дело довольно простое, но при этом нужно было придерживать рукой сари, чтобы оно не уплыло, а перед выходом из воды как-то удержать на себе.

Я думаю, что никто не обращал на меня внимания — все были заняты собой. У берега я попросила дочь моих хозяев, находившуюся тут же по шею в воде, помочь мне надеть сари. Вместе мы незаметно сделали все необходимое, потом я отмыла пятна и как ни в чем не бывало вышла из Ганга. И тем не менее я уже никогда не отваживалась повторить нечто подобное.

Естественно, что сари — одежда совершенно нецелесообразная для переплывания Ламанша, и на индианке, преодолевшей его, были, конечно, бикини, как и на всех, кто увлекается плаванием как спортом. Но таких очень немного. Миллионы индийских женщин ежедневно окупаются с головой в индийские воды, причем все это они проделывают в сари. Для них подобное купание не спорт, а гигиеническая необходимость, сари им не мешает. Когда бенгальская девушка выходит после купания из реки или из пруда в мокром, плотно прилегающем к телу сари, она подобна прекрасному творению талантливого скульптора.

Что касается остальных видов спорта, то в Шанти-никетоне университетская спортивная площадка находилась прямо под окном моей комнаты. Познакомившись с универсальной ролью сари, я с большим любопытством ждала, в чем же появятся студентки на занятиях физкультурой — в сари или в европейских спортивных костюмах.

Оказалось — ни в том, ни в другом. Девушки вышли в индийской одежде, которая, однако, была компромиссной. То, что в сари нельзя выполнять гимнастические упражнения, преподавателям физкультуры было очевидно, но они понимали также и то, что не смогут заставить своих воспитанниц бегать на людях с голыми ногами. Поэтому они предписали каждой студентке пользоваться национальной одеждой Северо-Западной Ин-

дин — длинные брюки (*сальвар*) и рубаха (*камиз*). Это очень удобная одежда, а ее дополнение — длинный шарф, концы которого переброшены за плечи и развеваются сзади, выглядит весьма эффектно. В Индии многие европейские женщины, желающие выглядеть по-индийски, отдают предпочтение именно этому костюму, а не сари.

Туристическая одежда. В бенгальской провинции я появлялась только в сари. Однако по Индии разъезжала в европейском платье, иначе было просто невозможно. Мне приходилось не только тащить чемодан и огромную сумку (минимальное снаряжение для длительной прогулки), но и сражаться за место в третьем классе, протискиваться сквозь толпы людей в вагонах, осматривать исторические развалины, изнывать от жары. Во всех этих случаях платье оставалось незаменимой одеждой. В подобных местах появиться в сари было для меня так же сложно, как путешествовать с маленьким ребенком на руках — так же много хлопот и такие же скованные движения.

Иногда, правда, сари мне просто не доставало. Даже в космополитической Калькутте. Все зависит от того, что вы хотите предпринять. В музеях, на выставках, в библиотеках, учреждениях я спокойно обходилась без сари. Когда же отправилась осматривать калькуттский храм богини Кали, я почувствовала себя там со своими открытыми ногами совсем голой. В соответствии с моей одеждой меня и приняли. У входа брахман взял с меня три рупии и полил на руки водой из Ганга. Совершив омовение, я ждала, что будет дальше. И напрасно. Он сказал, что иностранцам дальше идти нельзя. Я ушла ни с чем, потеряв при этом три рупии.

В другой раз (в одно из моих очередных посещений Калькутты) я тщательно готовилась к появлению в храме: не только надела сари, но и прихватила с собой знакомого бенгальца. Эта комбинация подействовала. За несколько монеток, которые к тому же заплатил мой знакомый, мне разрешили войти во внутренний дворик и брахман поставил на мой лоб тикку, налив мне в ладони воду из Ганга, которую (вопреки предписаниям) я не выпила, а лишь смочила голову.

Я могла спокойно, никому не мешая, рассматривать толпы верующих. Сюда шли семьями, с маленькими детьми. Они кланялись богине Кали до земли и в упоении восклицали:

— Мать, о мать!

Я увидела там изображение Шивы, Кришны и других богов. За четыре рупии мне подарили огромные четки из ссохшихся коричневых ягодок рудракша, сделанные почитателями Шивы.

Всего за полрупии брахман помолился за меня какой-то богине, исполняющей желания. Он дал мне камешек на нитке и повесил его на дерево, специально предназначенное для таких просьб. Это было кактусообразное, без листьев дерево. Подобных амулетов там висело уже столько, что мне пришлось искать свободное место.

В мире много нуждающихся, а эта богиня — всемогуща. Говорят, ей приносили жертвы перед важными политическими событиями даже проживавшие в тех местах англичане.

Я сделала все как следует, и брахман заверил меня, что мое желание будет исполнено (оно было не очень важным и касалось моих занятий). Но тут ко мне подошел мой бенгальский друг, заболтавшийся со своим приятелем, и с удивлением спросил, почему я совершила жертвоприношение богине Шаштхи.

— Откуда я могла знать, что это Шаштхи, ведь здесь ничего не написано и брахман мне ничего не сказал, — ответила я.

Но ничего уже нельзя было изменить.

— Шаштхи — богиня детей, — пояснил он, — ни о чем другом просить ее не имсет смысла. Она все равно пошлет только детей.

На дереве забавно раскачивался мой камешек на веревочке, и я лихорадочно думала, сколько же детей пошлет мне Шаштхи. Полдюжины? Но, слава богу, обошлось. Число моих детей соответствует европейским, а не индийским стандартам. Это, наверное, потому, что я проделала лишь часть обряда. Воду из Ганга я так и не выпила.

Все это я рассказываю для того, чтобы показать, как много откроется в Индии, если вы наденете сари. Но во внутреннее святилище храма меня все-таки не пустили. Мой сопровождающий на вопрос, являюсь ли я его женой и вообще замужем ли я, ответил правду. Про себя я решила, что в следующий раз возьму с собой более догадливого сопровождающего. Но ни в другой раз, ни потом времени на калькуттскую Кали у меня уже не было.

Сари — идеальная одежда, чтобы отправиться в ней в гости, если, конечно, вы хотите, чтобы вас не только провели в гостиную, угостили чаем и расспрашивали о ваших занятиях. Не только в деревнях, но и в Калькутте сари прокладывало мне путь к кухням и к сердцам бенгальских хозяек. До того как я сделала это открытие, я часто ходила в гости не в своих, а в одолженных сари, потому что мои шантиникетонские подруги желали представить меня в Калькутте своим матерям как можно лучше.

Однако за пределами Западной Бенгалии никто в гости меня не ждал, поэтому я отправлялась в европейском платье.

В Варанаси, в одном старом квартале, я совершенно нечаянно вызвала неприятную реакцию жителей только тем, что ехала в коляске рикши в юбке до колен. Местные бездельники, приняв меня бог знает за кого, образовали целое шествие и выкрикивали в мой адрес вполне определенные приглашения. В соседней коляске ехал мой сопровождающий. Он остановил рикшу, вышел и кинулся с кулаками на шалопаев. Мы едва унесли ноги. К счастью, как по волшебству, появился полицейский (в старом квартале это было действительно неожиданно). Полицейский разогнал хулиганов, проводил нас и предупредил, чтобы в этой части города я больше не показывалась. Я не послушалась его, но в следующий раз, отправляясь в тот район, конечно, надела сари. И все обошлось благополучно.

В Южной Индии я столкнулась с другой сложностью. Коляски рикши там явно рассчитаны на человека в индийской одежде. Сиденье чуть выше места для ног, всего на каких-нибудь десять сантиметров. Я ехала в такой коляске только однажды — наполовину сидя, наполовину стоя, старательно пряча колени под юбкой, чтобы принять как можно более приличную позу. Выйдя, я еще долго не могла выпрямиться.

Из предыдущего рассказа, полагаю, ясно, что в Индии я ходила в сари отнюдь не по прихоти и не только потому, что эта одежда соответствует местному климату. Главное здесь — психология. Одета в сари, а не в юбку, я могла лучше познакомиться с Индией. Поэтому пять с половиной метров материала я носила на себе и в жару, и в дождь. Но для индианок все совершенно иначе. Большинству из них и в голову не придет, что сари может мешать, а так как в нем они проводят всю жизнь,

то, естественно, они лучше могут оценить его преимущества, скрытые от глаз европейских женщин. А таких не так уж мало.

Представьте себе, дорогие женщины и девушки, что проблемы, так мучающие вас в начале каждого зимнего и летнего сезона (какие модны юбки — мини или макси, что носить — брюки или юбки, узкие или широкие), исчезли. Остались лишь сари. Уверяю вас, вы ничего бы не потеряли в этой погоне за модой и вам не пришлось бы тратить немалую сумму денег на перешивание старого платья или на приобретение нового. Достаточно лишь сложить иначе складки у сари или в крайнем случае сшить новую блузку — и готов новый наряд. Вам не нужно также перед отпуском размышлять о том, какое платье взять с собой. Если бы вы были индийской женщиной, то уложили бы в чемодан несколько сари, занимающих места не более, чем полотенца, — и вы уже готовы в путь.

Таким образом, отпали бы долгие предсвадебные хлопоты — не слишком ли дорого платье? Подойдет и бабушкино сари бенараси — чем старше, тем дороже ценится.

А заботы о фигуре? Оказывается, никаких. Над вами не висела бы постоянная угроза, что юбка снова узка в талии. Сделать сари более свободным несложно — достаточно лишь ослабить тесемочку.

Эту тесемочку можно ослаблять до бесконечности. Так что проблемы «сари для будущих матерей» не существует. Словом, сари в глазах индийских женщин имеет целый ряд преимуществ, а главное, очень идет им. Мне хотелось бы, чтобы эта мода сохранялась как можно дольше.

Бенгальские мужчины далеко не так строго придерживаются традиционной одежды, как женщины. Молодежь в массе своей носит европейские брюки и рубашки. И тем не менее нельзя сказать, что традиционное мужское индийское одеяние в Бенгалии исчезает. По моим грубым подсчетам, его носят в городах три четверти мужчин, а в провинции — приблизительно девяносто процентов.

Самая типичная бенгальская одежда — *дхоти* — прямой кусок материала, которым обертывают бедра и ноги. В отличие от сари, дхоти — белого или немного желтоватого цвета, если он из сурового шелка (белый цвет у мужчин не считается знаком вдовства).

К дхоти носят свободную длинную рубашку без манжет и воротника, с карманами в боковых швах.

Существует множество способов ношения дхоти, так что несложно было бы создать науку «дхотиологию». Но мы коснемся способов ношения дхоти лишь вкратце.

В торжественных случаях дхоти носят на манер юбки, длиной до земли, со складками сзади и спереди. Чтобы при ходьбе дхоти не болталось, нижний конец передних складок затыкается за пояс или засовывается в карман рубахи. Можно также нижний конец дхоти грациозно нести в левой руке словно мантию или просунуть его между колен — тогда получаются своеобразные брюки.

Индийцы, занятые на физической работе, как правило, носят узкие дхоти длиной до колен. У рикши дхоти не длиннее трусов.

Мне дхоти не кажется элегантной одеждой. Насколько сари красиво и женственно, настолько дхоти и некрасиво и немужественно (с моей точки зрения, конечно) — что-то вроде юбки. Добавьте к этому, что зимой некоторые мужчины надевают к этому костюму тяжелые, на босу ногу башмаки.

Зимой и мужчины, и женщины кутаются от холода в шерстяные шарфы. К сари — это прекрасное дополнение. К длинному дхоти еще куда ни шло, но когда однажды я увидела в зимней экипировке нашего садовника (под шалью скрылись его коротенькие дхоти), я не могла удержаться от смеха. Индийцы, в отличие от нас, совсем не боятся простудить ноги. Зато очень опасаются простудить голову. Садовник был бос, но голова и шея его были тщательно обвязаны огромным темным шерстяным шарфом. Он был похож на забинтованного человека, страдающего острой зубной болью.

В подобном одеянии явился и молочник: трусы, башмаки на босу ноги, голова и плечи, закутанные пледом. Я совсем не преувеличиваю. Мне тоже пришлось купить такой плед и брать его с собой в путешествия.

Куда более красивой, чем дхоти, одеждой, по моему мнению, является *пайджама*. Это — как подсказывает название — своеобразные широкие, свободные, удобные брюки. К ним носят рубахи. Но это не только бенгальская одежда, ее носят по всей Северной Индии.

Однако в кое-каких достоинствах дхоти отказать нельзя: безусловно, в жару они более удобны, чем европейские брюки.

Большую часть своего учебного года я прожила в местах, где европеец был редким явлением. Я настолько привыкла к индийским лицам и фигурам, что, встретив потом европейца, четко осознавала отличие его внешнего вида. Должна сказать, что оно было не в нашу пользу. Особенно европейские женщины вызывали во мне явное чувство неприязни.

Я прекрасно понимаю, что эта горькая правда касается и меня, но что поделать! Среди быстрых, грациозных бенгалок европейская женщина казалась мне огромной, дебелой, малоподвижной бронтозаврихой.

И в Индии можно увидеть некрасивые лица, точно так же как и среди нас — красавиц. Но средняя европейская женщина со средней бенгалкой, по моему мнению, и сравниться не может.

Существуют разные взгляды на женскую красоту. Знатоки утверждают, что главное в фигуре — ноги.

Так, известные скульптуры на индийских храмах дают нам представление о красавицах, у которых есть все, что так ценят наши вышеназванные ценители красоты: полные бока, осиная талия, пышная грудь, да еще классические позы с красивым изгибом бедер. Возможно, некоторым покажется, что у этих каменных девушек чересчур много физических прелестей: округлые бедра, мини-тали, препышные груди. Тут желаемое явно выдается за действительное, точно так же как в классической индийской поэзии, воспевающей любимых, тонкие талии которых не в состоянии удержать тяжесть бюста.

У бенгальских девушек, однако, насколько, конечно, я могу судить, все это в лучших пропорциях, чем у известных скульптур. То, что должно быть округлым, у них округло, но при этом они и миниатюрны, и стройны, и красивы.

Не знаю, откуда у них эта грация. Спортом они не занимаются, не говоря уже о гимнастике, на танцы не ходят, и редко кто из них обучается классическим индийским танцам. Наверное, это все благодаря сари или за счет того, что им приходится тысячу раз за день присесть и подняться, ведь в Индии сидят только на полу, а может быть, благодаря тому, что в Бенгалии женщины носили и носят тяжести не в руке, а на боку: кувшины, детей в возрасте до трех лет. В общежитии девушки мне

рассказывали, что в сельской местности за водой на пруд ходят и те девушки, за которых это могла бы сделать служанка. Но они всрят, что тяжелый кувшин с водой делает их бока более округлыми и красивыми.

О ногах индийских женщин мы уже говорили — их скрывает сари.

Кому в женщинах больше всего нравится походка. Некоторые европейские и американские актрисы действительно умеют двигаться удивительно женственно. Но что деланная походка в сравнении с естественной поступью простых бенгалок?! Конечно, это сари придает им очарование. Европейская женщина может до пят обмотаться самым тонким и нежным шелком и все равно будет выглядеть мастодонтом. Бенгалки же в своих сари порхают, словно бабочки. А вот большинство жительниц Праги в макси-юбках ходят на своих высоких каблуках походкой подвыпившего матроса.

Знатоки романтического направления ценят в женщине красоту глаз и волос. И здесь если бы мы соперничали с индианками, то проиграли бы по всем статьям.

Я не встречала индианки, у которой не было бы прекрасных, выразительных больших глаз. Конечно, и среди них есть свои различия, но только в том, что у некоторых глаза еще крупнее, прекраснее и выразительнее. Самые большие глаза у бенгалок — на народных рисунках. Они настолько велики, что даже не помещаются на лице и переходят на виски и дальше в пространство.

Поэтому бенгалки, чтобы приблизиться как можно больше к этому идеалу, проводят черную линию по нижнему веку, а внешние уголки глаз удлинняют так, чтобы придать глазам классическую, каплеобразную форму.

Такие черные глаза я видела у бенгальских детей. И не только в торжественный, но и в обычный день, на самых грязных улицах, причем у малышей обоего пола. Прекрасные черные глаза индийских детей вряд ли нуждаются в том, чтобы их чернить еще больше, но делается это не для красоты, как уверяли меня их родители, а потому, что черный цвет предохраняет детские глаза от солнца. Главное же — это якобы помогает от сглаза. Для этого ставится и точка из сажи на лбу. К тому же у большинства индийских ребятишек на уровне животика, на шее или на руке висят на шнурочке амулеты. По незнанию я все эти амулеты считала украшениями и про себя даже упрекала бенгальских матерей за то, что они прививают детям чувство тщеславия. Когда

же я узнала об истинном назначении этих украшений, я взяла свои слова назад.

Однако вернемся к женской красоте. Волосы у индийских девушек достойны всяческого восхищения. Однажды в Шантиникетоне я сфотографировала девушек, которые в полдень после купания сушили волосы на солнце. Потом в Праге этот снимок получил самую высокую оценку из всех моих фотографий, которые я сделала в Индии, а ведь на других были зафиксированы архитектурные чудеса, тропическая флора и фауна. Но мои подруги, увидев девушек с волосами до пояса, стали завидовать и мечтать заполучить средство, которое помогло бы им отрастить такие длинные и пышные волосы.

Что касается меня, то я с малых лет полагала, что волосы у меня неплохие. Пожалуй, мои чешские подруги даже завидовали мне.

Но, взглянув на волосы шантиникетонских девушек, я почувствовала себя почти лысой. Чем был мой жалкий пучок светло-каштановых волос, достигающих плеч, в сравнении с черным-пречерным водопадом, лившимся с маленьких головок моих индийских подруг, у которых, после того как они заплетали косу толщиной в руку, она доходила почти до пояса!

В первые дни я, очарованная, ходила по манговой роще в центре Шантиникетона (большая часть лекций читалась там) и издали наблюдала за студентками, сидящими на земле вокруг профессора. В красочных сари и с распущенными длинными волосами они казались феями, и я подумала, что со стороны может показаться, что здесь проходит общиндийская конференция королев красоты, а эти кружки — рабочие секции, на которых решают насущные проблемы: как изящно сидеть со скрещенными ногами, выглядеть очаровательной (хотя мы слушали курс лекций по физике, которая нас совсем не интересовала) и добиться, чтобы волосы были как можно чернее, гуще и длиннее. Шантиникетонские девушки действительно знали эти секреты.

До поры до времени я не завидовала своим индийским подругам, а спокойно носила выгорающий на солнце коричневый пучок волос, причесывалась как умела и чувствовала себя неплохо.

Но однажды, когда выходила замуж наша студентка (свадьба состоялась в Шантиникетоне), пригласили всех девушек из общежития. Начались большие приготовления и хлопоты. Подключилась к ним и я. Девушкам

хотелось сделать из меня такую же красавицу, как они сами. Они одолжили мне алое муршидабадское сари, на руки надели свои браслеты, накрасили и принялись за мои волосы.

В тот вечер в холле общежития было организовано несколько парикмахерских салонов. Студентки, самые способные в этой области, взялись за расчески и с помощью золотых, серебряных или из слоновой кости гребней создавали на головах подруг такие прически, что у меня дух захватывало от восторга. Конечно, из такой копны волос можно создать истинные произведения искусства, причем без начесывания, без шиньонов и прочих ухищрений. Иначе обстояло дело со мной. Я сидела с несчастным видом и слушала, как девушки, стоя надо мной, советуются, что же им предпринять с моими волосами. Они пытались сделать узел и так и сяк, но результат в сравнении с остальными прическами был плачевным. Девушки упорно и терпеливо трудились, но в конце концов сдались, посоветовав мне сделать ту прическу, которую я обычно ношу. При этом они меня заверили, что именно эта прическа больше всего мне идет.

Тогда-то во мне и проснулось чувство неполноценности. Девушки это чувство усиливали еще тем, что жали меня, но старались не показывать этого. Они спрашивали, у всех ли чешских женщин такие волосы, а поскольку я не хотела наговаривать на соотечественниц, а также потому, что после нескольких месяцев, проведенных среди бенгалок, не была уверена, права ли, считая свои волосы не такими уж плохими, утаила, что у остальных чешек волосы еще хуже. Я выкручивалась, уверяя, что никто в этом не виноват. Девушки утешали меня:

— Ты права, никто не виноват, зато ты такая беленькая!

Я решила: нужно что-то предпринять для усиленного роста волос. И тут девушки стали давать мне массу советов. Самый частый из них был следующим: смазывай волосы маслом!

Оказывается, волосы индийцев вблизи и на ощупь далеко не так восхитительны, как издали. Индианки моют голову каждый день, но перед этим всегда смазывают волосы маслом. В бенгальских сказках часто встречается предложение, выражающее крайнюю роскошь: «Нарядилась и смазала свои волосы так щедро, что масло с них капало».

Шампунем в Бенгалии пользуются только женщины из европеизированных кругов. Печать изобилует рекламами разнообразнейших шампуней, но реклам различных масел для волос, пожалуй, не меньше: миндального, орехового, розового, сандалового с естественным запахом и ароматизированного. Самым лучшим считается кокосовое. Но бенгальские крестьянки предпочитают масло из горчичных семян. Оно намного дешевле и всегда под рукой, поскольку на горчичном масле жарят. У тех, кто это масло употребляет в косметических целях, волосы хотя и густые, но зато слепленные, да и пахнут не очень-то приятно.

Я предполагала, что в тропическом климате масло, безусловно, препятствует чрезмерному иссушению волос, но одна мысль, что мои несчастные волосы будут к тому же еще и жирными, приводила меня в ужас. Кроме того, было ясно, что этим недолговременным умасливанием я никак не создам пышности на голове. Однако, чтобы проявить добрую волю, пойти навстречу и опровергнуть представление о всесиили этого средства, я позволила однажды Радхе вылить мне на голову немного кокосового масла. Радха явно не пожалела масла, и потому случилось то, чего я опасалась. Волос стало ровно наполовину меньше, и они превратились в дюжину змеек, которые жалко сползали с моей головы вниз. На меня смотреть было страшно. Это подтвердила и Радха.

Чтобы не усугублять свою душевную муку, я приняла нечто совершенно противоположное: уговорила Радху, чтобы она, в свою очередь, вымыла голову шампунем. Нужно сказать, что у этой девушки были самые прекрасные волосы во всем обществе. Жительницы Южной Индии славятся своими чудесными волосами, и бенгалки завидуют им не меньше, чем я. Это меня несколько утешало.

И здесь произошло то, что я и предполагала. Вымытая и высушенная, Радха исчезла в черном облаке, закрывшем ее с головы до пят.

Девушки Северной Индии советовали мне втирать в волосы хну. Мусульманки, мол, у них так поступают. А мужчины якобы натирают и усы.

О хне я слышала еще в Чехословакии. Я знала, что это «естественное, совершенно безвредное средство для укрепления корней волос», которое придает волосам красноватый оттенок. Но в Шантиникетоне хны я не нашла. Бенгальцы даже и не знали как следует, что это такое.

Я долго раздумывала, чем объясняется то, что волосы у индийцев растут столь быстро и пышно. Ведь девушки питались довольно плохо (я знала это по собственному опыту), на свежем воздухе бывали мало, к тому же сильное потение не очень способствует росту волос. Что касается нас, тут явно влияние того неизвестного комплекса факторов, который называется цивилизацией. Давным-давно я читала, что именно волосы могут служить индикатором загрязненной среды. Индийский воздух и раскален, и полон песочной пылью, но мало загрязнен.

После того как мои подруги по общежитию пришли к выводу, что с моими волосами ничего не поделаешь, они согласились — для волос европейца годятся лишь европейские средства. И девушки принялись вырезать из всех газет рекламные объявления о всевозможных чудодейственных средствах для волос. Вскоре этих вырезок у меня собралась целая кипа (но разве в Шантиникетоне найдешь эликсиры?), и я решила махнуть рукой на свои волосы. Я совсем перестала заботиться о них. Но вот чудо: сразу после моего возвращения в Прагу мои приятельницы заметили, что волосы у меня стали и гуще, и длиннее. Интересно, что этому способствовало? Может, витамины, которые я в изобилии поглощала вместе с бенгальскими фруктами, или минимальное загрязнение шантиникетонской среды?

В одном я все-таки опережала шантиникетонских девушек: я была белее любой из них. Мне лично никогда бы и в голову не пришло считать это каким-то преимуществом. Но с индийским взглядом на цвет кожи я практически столкнулась еще в университете в Праге.

В тот раз в Прагу приехала группа индийских студентов, и мы, изучающие бенгальский язык, общались с ними. Экзаменационная сессия была в разгаре, студенты все дни проводили за учебниками. Мы с моей приятельницей избрали местом своих занятий пляж на берегу реки, так что могли заботиться не только о своем духовном образовании, но и о теле. Мы прекрасно загорели. Третья наша приятельница занималась в университетской библиотеке, ведь там никто не мешал. Конечно, в библиотеке она успела сделать больше, чем мы на пляже, но зато и выглядела словно мучной червь. Ожидая встречи с индийскими студентами, мы заранее предвкушали, какое впечатление произведем на них своим брон-

зовым загаром, уверенные, что наша университетская «затворница» не будет иметь никакого успеха.

Оказалось все иначе. Наша бледная коллега стала настоящим центром внимания, в то время как с нами лишь вежливо беседовали. Потом, когда индийцы вернулись на родину, они написали письмо одному нашему студенту с просьбой передать привет «этой красивой белой девушке».

В Бенгалии я на каждом шагу сталкивалась с мечтой о белой коже. Однажды в Калькутте, в одной семье (отец — офицер торгового флота, мать — библиотекарь), бабушка, проявляя заботу о внучке, отозвала меня в сторону и с интересом спросила:

— Скажите, пожалуйста, что вы делаете, чтобы была такая красивая белая кожа?

Я заверила ее, смеясь, что ничего, наоборот, мы делаем все для того, чтобы не быть белокожими. Мы пытаемся держать детей с самого раннего возраста как можно больше на солнце, а во время отпусков загораем и для того, чтобы загар был сильнее, употребляем специальный крем.

Бабушка решила, что я подшучиваю над ней, и стала причитать:

— Ты только посмотри на внучку, папа у нее светлый, мама тоже, а она темная, как ночь. Еще скажут, что я о ней плохо забочусь.

Я постаралась исправить положение и стала рассуждать в бенгальском стиле:

— Ничего, вырастет. К свадьбе будет белая, как мама.

— В том-то и дело,—сказала бабушка примиренно. — Но как ее выдать замуж, если она такая черная?

На бенгальском «свадебном рынке» у темной девушки намного меньше шансов, чем у светлой и более красивой подруги.

Эта «белокожемания» отнюдь не наследие колониальной эпохи и не выражает стремления приблизиться к англичанам (метисов в Индии не очень-то любят).

Речь идет об эпохе трехтысячелетней давности, когда в Северную Индию начали проникать новые, светлокожие жители — арьи, наши индоевропейские родственники. Они не хотели смешиваться с местным, темнокожим населением. Для охраны своего привилегированного положения они придумали касты (слово «варна» — древний индийский термин для обозначения со-

словия — имеет и другое значение — «цвет»). Арии разделили этими кастами свое собственное общество на воинов, священнослужителей, ремесленников и торговцев; неарьев из кастовой системы Индии полностью исключили.

Насколько удалось им сохранить свою привилегированную кровь не смешанной, можно судить, взглянув именно на современных бенгальцев, населяющих самую восточную часть областей индоарийского расселения. Их кожа отличается самыми разными оттенками, носы часто бывают широкими, приплюснутыми, далеко отходящими от благородной прямой линии.

Мечта же о светлой коже сохранилась до сегодняшних дней и является альфой и омегой бенгальского кодекса красоты.

Студентки из Шантиникетона, которым предстояли свадебные хлопоты, полностью оказывались во власти «белокожемании». Как только весной солнце вступало в свои права, концы сари мгновенно покрывали голову и скрывали лица тем глубже, чем жарче палило солнце. Девушки, которые и зимой не очень-то любили длительные прогулки, теперь ограничивали свое пребывание на свежем воздухе лишь хождением в столовую и на лекции. И только когда солнце садилось, они были готовы немного подышать свежим воздухом, но вечерних прогулок опасались из страха перед змеями, злыми людьми и сплетнями.

Я же всю зиму тайно поднималась на плоскую крышу, снимала с себя бенгальское облачение и, оставшись в бикини, загорала — уж если оказалась на юге, то не стоит упускать возможности как следует загореть. Когда я попыталась рассказать своим самым близким приятельницам о времяпрепровождении на крыше, то мне пришлось прибегнуть к английскому, так как в Индии понятие «загорать» так необычно, что для него даже нет слова в бенгальском языке.

В то время, когда шантиникетонские девушки всячески избегали пребывания на солнце, я беззаботно разъезжала на велосипеде по Бенгалии и фотографировала простолюдинов, у которых для защиты кожи от солнца нет ни возможности, ни времени.

Однако мое отношение к цвету кожи было по заслугам осуждено. В конце весны я была в гостях у матери известного бенгальского поэта. Увидев меня, она сказала:

— Девочка моя, ты как-то потемнела с тех пор, как я видела тебя в последний раз. Будь осторожна.

Когда же я попыталась ей объяснить, что загорала специально, она категорическим тоном заявила:

— Пожалуйста, не говори мне ничего подобного! Мой свекор выбрал меня из ста сорока девушек только потому, что я белая.

Чтобы придать своей коже как можно более светлый оттенок, бенгальские женщины пудрятя. Но если европейские женщины пользуются пудрой более темного оттенка, чем цвет их кожи, то бенгалки, невзирая на цвет своей кожи, пудрятя всегда только белой пудрой. Издали их кожа действительно кажется несколько светлее, но только издали.

Описывая бенгалок, я невольно вспомнила наших пражских женщин, на расстоянии кажущихся загорелыми красавицами, но вблизи кожа их оказывается не столько загорелой, сколько сгоревшей, красно-коричневой, морщинистой, причем более морщинистой, чем это соответствует их возрасту. Видимо, завсегдайки модных курортов и всевозможных купален не сознают, что огненный оттенок, приобретенный ценой раздражения кожи, не молодит их, а старит.

Тем не менее мы предпринимаем все усилия, чтобы быть бронзово-загорелыми. Многие из нас готовы буквально страдать весь свой отпуск на солнце, совершенно безразличные к тому, где они загорают — дома, у пруда или за границей у моря, лишь бы коллеги с завистью потом сказали:

— Ну и черная же ты!

Какое же психологическое различие между «белокожеманией» бенгалок и нашей «темнокожеманией»!

Что касается косметики, то я уже говорила, как бенгалки чернят себе веки, пользуются карандашами для бровей и разными европейскими методами, завезенными в Индию. Хотелось бы рассказать о местном способе чернения век. Обычно для этой цели женщина покупает на рынке металлический инструмент в форме ложки, конец которой заострен, как липовый листок. Дома зажигают масляную лампочку, имеющуюся в любом бенгальском хозяйстве (ее используют для домашних богослужений). Эту ложечку держат над пламенем вверх дном, чтобы на ней осела сажа. Как только образуется черный слой, в ложку капают несколько капель масла и растирают — образуется вязкая кашица. Вот и готово косметиче-

ское средство, обладающее целым рядом преимуществ: оно дешево, доступно каждому, надежно, безвредно, и к тому же классическое.

Наносят его следующим образом. Указательный палец смазывают этой кашицей, большим пальцем опускают нижнее веко, и указательным проводят по верхнему краю века. Индийские женщины спокойно могут накрасить глаза и без зеркала, причем более совершенно, чем мы со всей нашей современной техникой. На их стороне столетняя практика, не прерываемая, как у нас, чередованием моды.

Чтобы об ложечку не испачкались все остальные члены семьи, она снабжена крышечкой такой же формы, но выпуклой стороной кверху. В случае необходимости крышечку отодвигают, а после окончания процедуры возвращают на место.

Бенгалки очень редко красят губы, это за них делает бетель. Губная помада — изобретение европейцев. В настоящее время губная помада широко используется в Бенгалии, но с иной целью. Ею наносят тика. Я была даже несколько разочарована, поскольку полагала, что это делается только традиционным способом. Более того, где-то в глубине моей памяти хранилась информация, почерпнутая из описаний Индии, о том, что богатые индианки ходят со вживленным в кожу алмазом. Я не только не встретила никого с драгоценным камнем во лбу, но и, расспрашивая об этом, обнаружила, что меня даже не понимали.

Нарисованное на лбу пятнышко — тика — очень распространено. Я специально говорю «пятнышко», а не «точка», понимая под словом «точка» нечто круглое, в то время как это украшение индийской женщины может быть разной формы: овальное, вытянутое, почти как линия, каплеобразное, точечное, дискообразное. Это связано не только с модой, но и с тем, какая форма больше подходит к лицу. Те же критерии предъявляются и к цвету пятнышка — я видела и красные, и черные, и зеленые, и золотисто-фиолетовые, и золотые.

В книге, написанной европейским миссионером в начале прошлого века, я прочитала, что в Индии лоб без нанесенной отметки — признак чего-то ненормального: траура, поста или же того, что обладатель голого лба еще не прошел ритуального очищения. Мой опыт подтвердил правоту старой книги. Под тем или иным предлогом все уговаривали меня поставить пятнышко. Я не

имела ничего против и даже сама потихоньку подбирала и форму и цвет, подходящий моему лицу. Но тут возникла проблема: надо было заботиться о том, чтобы ненароком не вытереть пот со лба (а мне в индийской жаре хотелось делать это ежеминутно), иначе все украшение превращалось в смешные разводы. Поскольку пятнышко было самым легким по технике исполнения украшением, я изредка ставила его.

Чтобы сделать мне приятное, девушки иногда приносили мне в подарок маленькие коробочки с порошками самых разных цветов. В своей европейской трезвости я хотя и не решалась украсить свой лоб ярко-зеленой, серебряной или ало-фиолетовой точкой, тем не менее мне хотелось обладать хотя бы маленькой частицей восточного салона красоты.

Да и сами коробочки казались поэтичными. Среди них была одна из нержавеющей стали, малюсенькая, как челночок (в ней хранился пурпурный порошок). Коробочки были настоящими произведениями искусства, хотя я приобрела их на скромные студенческие деньги. Они стоили всего несколько пайс. На некоторых из них нанесены рисунки, например изображение богини счастья Лакшми.

Самая красивая коробочка сделана из благовонного сандалового дерева в форме маленькой пузатенькой точеной башенки. Порошок, содержащийся в этой коробочке, предназначался на будущее. В ней находился порошок киновари — косметическое средство замужних женщин.

Незамужние девушки могут украшать свой лоб, но это не обязательно. Для замужних бенгалок такое киноварное пятнышко на лбу столь же обязательно, как для нас обручальное кольцо, — пятнышко на лбу да красный пробор в волосах. Точно так же, как нам в ратуше надевает кольцо наш избранник, первый раз окрашивает пробор во время индусского свадебного обряда своей невесте бенгальский жених. Это очень важная часть свадебного ритуала. Будущий муж наносит краску невесте или кольцом, которое он получает во время свадьбы от будущего тестя, или ракушкой, используемой во время жертвоприношений, или же мизинцем — в зависимости от того, что принято в его семье (первый обычай семьи мужа, который невеста принимает как свой, первый из целого ряда последующих, который она будет воспринимать в течение всей жизни). И уже потом каж-

дое утро она будет проделывать это сама и, как правило, более прозаически: тупой стороной гребня, спичкой или пальцем.

У бенгалки буквально на лбу написано, что она замужем. Да она и рада, так как это облегчает ее положение в обществе. У нас многое прощается незамужним (пусть резвятся, пока молоды!). Однако в традиционных бенгальских семьях с замужеством к девушке приходит определенная свобода — ее по крайней мере не так преследуют подозрениями в неприличии, как до него. Она может чаще ходить в гости и появляться в обществе. Девушки в общезнании называли красный пробор «пропуском».

Не только у замужних женщин, но и у некоторых религиозных ревнителей (и мужчин, и женщин) на лбу имеются украшения, свидетельствующие об их вероисповедании. Речь идет об очень сложной символике. Проще говоря, у последователей бога Шивы — горизонтальные полосы, у почитателей бога Вишну и его воплощений — вертикальные. Эта религиозная символика возбуждала во мне иногда священный страх. Представьте себе ночь, танцующих бродячих певцов и певиц, доведенных до состояния религиозного экстаза, а на их челе смертельно белые полосы, доходящие до кончика носа. Но и незаметная, бледная точка из сандалового порошка говорит о многом — о том, что ее носитель совершил жертвоприношение какому-нибудь богу. Точка на лбу у студентки означает, что она боится экзаменов, на которые сейчас отправляется, и поэтому заручается помощью богини учености Сарасвати. В Шантиникетоне во время экзаменационной сессии сандаловый порошок раскупается в огромных количествах.

В осенний «праздник братьев» сандаловую точку на лоб получают все мальчики, у которых есть сестры. Если их нет, не страшно. Это сделают двоюродные сестры. В этот день женщины усаживают своих родных или двоюродных братьев на коврик, зажигают перед ними масляную лампочку на высокой ножке и мизинцем левой руки (считающимся особенно благотворным) наносят на лоб точку, а иногда даже и три из подогретого масла, сандала и сажки. Потом братьев накормят из собственных рук сладостями и вручат подарок. Школьникам, как правило, преподносят книжку. Родная или двоюродная сестра (а в какой истинно бенгальской семье их нет?) в этот торжественный момент громко трубит в раковину.

Традиционный бенгальский праздничный наряд включает в себя еще и обязательное украшение стопы, то есть той части ног, которая видна из-под сари. Их обводят красной линией. Раньше эту деликатную операцию выполняла специальная «госпожа парикмахерша». Собственно, какая там госпожа! Просто жена парикмахера, принадлежавшая к одной из самых низших каст в Индии. Муж прислуживал мужчинам, жена — женщинам. За ними не надо было далеко ходить, они сами являлись к своим клиентам на дом, чтобы дамам не приходилось покидать женские покои и подвергать опасностям честь семьи.

«Госпожа парикмахерша» обходила женские половинки домов, неся с собой не только необходимые косметические средства, но и еще более необходимые сплетни. Короче говоря, она была этаким севильской цирюльницей.

Однако идиллические времена проходят, а с ними падает и спрос на таких специалисток. Современная индийская красавица чаще всего отправляется в магазин, покупает там бутылочку с красной жидкостью и сама обводит кисточкой стопу. Но в день свадьбы для этой цели обязательно приглашают «госпожу парикмахершу».

Сегодня все меньше и меньше женщин украшают свои стопы. Девушки в общезжитии пользовались краской только в исключительных случаях, хотя Шантиникетон был заполнен звуками песен Р. Тагора, в которых великий поэт по примеру классиков воспеваешь красавиц с подведенными глазами и краской на стопах. Калькуттские девушки красят стопы и того менее, часто лишь во время религиозных торжеств и, естественно, в день свадьбы. Это и неудивительно: от грязных городских улиц лучше защитить ноги обычной обувью, чем нежной красной линией.

Но в Шантиникетоне дело обстоит иначе. Девушки, как правило, ходили босиком, дорожки были посыпаны золотистым песочком, и красная кайма на стопах, выглядывающая при каждом движении из-под красивой каймы сари, производила удивительное впечатление.

Европейские женщины, красящие ногти на ногах, совершают огромную ошибку. Они только привлекают внимание к тому, что у них не очень красивые пальцы, некрасивая стопа, а сами ноги деформированы модной обувью.

А красная линия на ножках бенгалок обращает вни-

мание на одну из самых красивых частей ее тела. Ноги этих женщин, точно так же как и руки, не только филигранно-миниатюрны, но по-прежнему не испорчены обувью. Большинство бенгальских женщин ходят босиком; в деревне почти все, в городе же все разувается дома.

Да и сама бенгальская обувь безвредна для ног. Чаще всего это сандалии, напоминающие наши вьетнамки, устроенные таким образом, чтобы нога в них не страдала от жары (правда, зимой в такой обуви холодно).

Сандалии — настоящее произведение искусства, богато украшенные, переливающиеся разными цветами. Они напоминают туфельки Золушки.

На индийских улицах мое внимание всегда привлекали обувные магазины, манящие сказочными туфельками фантастических цветов и фантастически низкими ценами. Однажды я не удержалась и купила себе такие туфельки. Я прошла в них несколько улиц — оторвался ремешок. К счастью, на углу сидел сапожник. За несколько пайс он пришил ремешок. Не прошла я в сказочных башмачках и полмили, как отлетел другой ремешок, и следующему сапожнику я заплатила за ремонт несколько пайс. Я проходила в них четыре-пять дней и буквально выбрасывала денежку за денежкой на калькуттские улицы, пока не пришла к выводу: эта сказочно дешевая покупка весьма невыгодна. После этого я отправилась в универмаг, купила новую пару обуви, заплатила в десять раз дороже, чем за сказочно красивые туфельки. Я ношу их до сих пор.

В Индии мне нравились не только женские, но и мужские сандалии. Помимо ботинок и закрытых туфель, распространенных у нас, мужчины носят иногда не менее сказочно украшенные сандалии. (В прошлом, когда изделия из кожи были достойны презрения, в среде брахманов были широко распространены деревянные сандалии.)

В настоящий восторг, однако, привели меня кожаные туфли, инкрустированные жемчугом, с поднятыми высоко вверх острыми носками, которые я называла «модель „Маленький Мук“» (хотя в Бенгалии их называют по имени одного известного поэта, любившего именно этот вид обуви, — «бидьясарки»). Несмотря на то что они стоили целых двадцать три рупии, я все-таки купила их в конце своего пребывания в подарок одному знакомому. Он оказался куда консервативнее, чем я полагала. Об-

наружив, что он их не носит, я, оскорбленная, их конфисковала и подарила своему шестнадцатилетнему племяннику. Парень оценил обувь по заслугам, особенно ему нравилось, что кожаные подметки удивительно скользили. Племянник съезжал в них по школьной лестнице со второго этажа на первый (поднятые узкие носки прекрасно преодолевали все неровности пути) до тех пор, пока его мама не обратила внимание на то, что сия индийская обувь отнюдь не способствует хорошим отметкам по поведению ее сына, и не отобрала сандалии. Так что в данном случае покупка дорогого товара за солидную сумму оказалась весьма неэффективной.

Что касается женской косметики, то в бенгальских журналах вы обнаружите множество интересных реклам самых разнообразных косметических средств. Я пыталась найти рекламу какого-нибудь традиционного косметического средства для улучшения цвета и качества кожи, а читала десятки объявлений, рекомендующих всевозможные кремы, молочко, туалетную воду для лица, но все они были европейскими, хотя и назывались по-восточному. Куда же подевалось древнее бенгальское искусство косметики?

Оно сохранилось в виде желтого порошка куркумы. Когда-то индийские женщины натирали этим порошком все тело. Он якобы смягчает кожу. Кроме того, желтыми они сами себе больше нравились, их кожа приобретала более светлый оттенок. Сегодня этим порошком мало кто пользуется, зато он обязательно входит в свадебный обряд.

В доме родителей этим порошком, смешанным с маслом, сначала натирает себя жених. Потом в специальном металлическом тайничке порошок отправляют вместе с другими подарками в дом невесты. Среди подарков обязательны свадебное сари для невесты и сладости для всех. Рано утром в день свадьбы (свадебный обряд заканчивается поздно вечером, так что времени для всех церемоний достаточно) невеста садится на место, торжественно украшенное зелеными листьями бананов вперемежку с зелеными орехами кокоса, листьями манго и другими предметами обряда. Замужние родственницы (но не мать) натирают этим порошком лоб невесты, а иногда руки и ноги. Но это украшение не на целый день. Вскоре, во время очищений, краска смывается, чтобы освободить место для другого, еще более сложного свадебного грима.

Жаль старого обычая. Но может ли обычный, домашним способом приготовленный желтый порошок соперничать со своими иностранными косметическими собратьями?

С драгоценностями у меня были такие же сложности, как с точкой на лбу. Я отправилась в Индию всего лишь с одним стареньким золотым колечком и сережками и была уверена, что для моих учебных занятий более не потребуется. Но как только я надела сари, то сразу же обнаружила: моих драгоценностей невероятно мало. Голые руки, торчащие из сари, вызывают еще большее недоумение, чем лоб без точки. Многие стали спрашивать меня, почему я не ношу браслеты, уверяя, что без них я выгляжу вдовой. Ведь вдова должна отказывать себе не только в еде, она не имеет права даже украшать себя. Голые руки и неукрашенный лоб — вдовьи признаки.

Несмотря на все это, я была против браслетов по двум причинам. Первая причина практического плана. С тикой на лбу я, конечно, не могла вытирать пот, но в остальном она мне не мешала. Браслеты же на руках мало того что мешали писать, они делали невозможной всю остальную работу.

Когда я сказала это моим бенгальским подругам, они рассмеялись. В Индии у каждой, буквально у каждой женщины (если она не вдова) звенят на руках браслеты — с самого раннего детства любая справляется с ними шутя. Надев браслеты, они пасут скот, чистят посуду, просеивают рис, купают детей. Браслеты для них — не праздничное украшение, но абсолютно необходимая часть одежды. Женщина в сари, но без браслетов выглядит так, словно она появилась на улице в одной туфле.

Я не случайно говорю «браслеты». У истинной бенгалки их несколько на каждой руке, и не только у зажиточных. И подметальщицы, и плетельщицы корзин, и сборщицы коровьего помета украшают свои руки этими звенящими кольцами. Да и почему бы им в конце концов не украшать? Разве они менее красивы, хотя из низкой касты и бедны, да и к тому же браслеты не мешают им при работе?

Но мне-то браслеты мешали, и даже очень.

Я не хотела носить эти украшения и из чисто эстетических соображений. Браслеты покупают из такого материала, на какой хватает средств — золотые, серебряные, стеклянные и даже синтетические. Они бывают украшены драгоценными камнями и жемчугом. Но да-

же когда они из простого материала, они прекрасны. Я нигде не видела такой изящной ювелирной работы, как в Индии. Большинство женщин, в том числе иногда и бедные, носят золотые браслеты. Дело в том, что в Индии издавна дорогие женщины вкладываются в драгоценности. Браслеты из дорогого металла часто имеют и те женщины, у которых ничего, кроме этих браслетов, нет. Момент, когда женщина решается продать свои драгоценности ради семьи, означает в Индии самую отчаянную нужду и высшее самопожертвование.

У меня же в Индии не было никакого богатства. А если бы и имелось, то я вложила бы его не в драгоценности. Золотые браслеты оказались для меня практически недоступны. Надежды получить их от кого-нибудь в подарок не было никакой. Среди махараджей друзьями я не обзавелась, отечественную бижутерию в Индии носить не хотелось, а дешевые украшения меня всегда отталкивали. Девушки из общежития не понимали меня. Несколько раз они дарили мне браслеты из материалов, которые были мне не очень-то симпатичны. Но тут мне помогла сама природа. Размер этих браслетов был рассчитан на узкие индийские руки, а совсем не на мои, по-европейски крупные. Поэтому даже самым упрямым моим приятельницам не удавалось надеть их на меня.

Чтобы не огорчать их, я развесила самые симпатичные из них — стеклянные — на стенах своей комнаты. Когда веял ветерок, браслеты звенели. Это было прекрасное мелодичное сопровождение моих учебных раздумий.

Однажды я побывала на рынке в одном храмовом городе. Там мне очень понравились ожерелья из натуральных материалов: деревянных шариков, семян, косточек. Были там и ожерелья из благовонных пород дерева. Я купила целую связку, и когда, держа их в руке, я шла по улице, ко мне присоединилась группа паломниц — почитательниц бога Вишну, проявляя исключительное дружелюбие. После краткого разговора я поняла, что они приняли меня за свою, поскольку именно такие деревянные ожерелья являются символом их веры. Носить их в качестве простых украшений было здесь бессмысленно.

В конце концов я пришла к выводу: единственные браслеты, отвечающие моим эстетическим требованиям, а также моему карману, — это браслеты для замужних женщин, то есть сделанные из раковин, железные (у

богатых бенгалок железные браслеты в золотой оправе), красные лаковые с желтой линией по краю, плоские, как бы вырезанные из толстого картона.

Хотя в то время они мне были вовсе не нужны, я решила купить их про запас. Покупка превратилась в целое событие. Одна замужняя приятельница отправилась со мной на калькуттский рынок, где стояли ряды магазинчиков с изделиями из раковин. В них продавались не только браслеты, но и разнообразнейшие обрядовые и музыкальные раковины.

Приятельница, чтобы снискать расположение продавцов, уверила, что я скоро выхожу замуж и свадьба состоится согласно обычаям. Но тут возникла уже известная проблема: браслеты оказались малы. Однако продавца это не смутило. Он схватил мою левую руку и сильно сжал в кисти. Я вскрикнула от боли, но никто не обращал на нас внимания. Руку мою крепко сжимали и отпустили только тогда, когда удалось выбрать самый большой из браслетов (им удалось надеть на мою несчастную руку целых два). Довольная, что все уже позади, я заплатила и гордо покинула рынок. Ни у продавцов, ни у меня не было никакого желания повторять подобную операцию.

У приятельницы дома я попыталась снять браслеты, ведь не буду же я в Индии изображать замужнюю женщину. После нечеловеческих усилий мне удалось сбросить один браслет. Когда же я попыталась проделать это со вторым, раздался хруст, и браслет сломался.

— Ой, он разбился! — запричитала я.

Моя приятельница в этот момент разговаривала со своей двоюродной сестрой. Она повернулась ко мне.

— Что ты сказала? — строго переспросила она. — Никогда больше так не говори!

Я с удивлением уставилась на нее. Ведь браслет действительно разбился.

Бенгалки, видя мое удивление, сразу же стали объяснять. Это была целая лекция.

— Знаешь, такой браслет из раковин считается символом замужних женщин. Овдовев, женщина не имеет права его носить. И он должен разбиться! Ты же сама знаешь, как у нас трудно быть вдовой. И у нас случается, что он разбивается, ведь мы носим браслеты на руках днем и ночью, и каждые две-три недели приходится покупать новые. Но мы никогда не говорим, что он разбился, чтобы не накликать беду. В подобных слу-

чаях падо сказать: «Мой браслет стал больше». Так и говори, ведь ты же женщина.

Я смущенно завернула сломанный браслет в тонкую бумагу и осторожно спрятала в маленькую коробочку. И никогда уже в Чехословакии не пыталась надеть уцелевший браслет. А что, если бы и он разбился, простите — стал больше! Где бы я нашла новый? И к чему на себя накликаю беду?

На этом кончилась моя попытка носить в Бенгалии браслеты.

Разъезжая по Индии, я сталкивалась с роковым значением женских обручальных браслетов много раз. Девушки рассказывали мне об индуистских погребальных обычаях в разных областях Индии. Это везде и всегда печальный сюжет, но меня трогало не столько то, что происходит с мертвыми, сколько то, что должны переносить живые. Я знаю, быть вдовой в Индии — проклятье. Но я не предполагала, что вдовство столь драматично. Намита (она была родом из штата Бихар) рассказывала, что, когда у них в деревне умирает женатый мужчина, к его жене сбегаются все вдовы деревни, снимают у нее с рук браслеты, свадебные стеклянные браслеты разбивают, срывают все остальные украшения, стирают со лба тилу и, громко причитая, включают ее, таким образом, в свой клан отверженных.

В южноиндийском городе Мадрасе я увидела историю обручальных браслетов, воплощенную в камне. Там были древние надписи, прославляющие женщин, которые сопровождали своих мужей до погребального костра и добровольно сжигали себя вместе с покойными мужьями. На одном камне изображен муж, кланяющийся своей верной жене, на другом — месяц и звезды. Но на камнях всегда присутствовала одна деталь: поднятая женская рука с браслетами. Эта рука как бы провозглашала:

— Посмотрите на меня, я победила смерть. Я не допустила того, чтобы на меня пала судьба отверженных. У меня остались мои браслеты — символ моего благословенного положения. Я верная жена. Я Сати.

История Сати канула в прошлое, но страх перед жизнью вдовы жив и по сей день.

Каждый день бенгалки носят и кольца, и ожерелья, и серьги самых разнообразных форм и названий. Но в сравнении с остальными индианками они выглядят очень скромно. Женщины из других штатов Северной

Индии наряжаются куда больше. У них, например, широко распространены украшения, продетые в нос, маленькие и большие, звенящие при каждом движении головы. Некоторые их укрепляют, соединяя с серьгами.

И Радха из Южной Индии тоже носила больше украшений, чем бенгалки. На одной стороне носа у нее был драгоценный сверкающий камень, и хотя он бесцветный и маленький, мне он казался несимпатичным, потому что походил на капельку пота.

Зато мне по душе пришлось серебряные браслеты на ногах. Каждая индуска стремится иметь хотя бы маленький кусочек золота, который гарантирует религиозную чистоту, но золотые украшения на ногах индуски не носят, дабы не осквернить священный металл. Серебряные браслеты Радхи состояли из крошечных колокольчиков, мелодично позванивающих при каждом движении. Каждое утро Радха подходила к моему окну, чтобы разбудить меня на завтрак. И насколько приятнее резкого звонка моего пражского будильника казался мне звон серебряных колокольчиков на босых девичьих ножках!

Но есть моменты, когда все ограничения снимаются. Происходит это в день свадьбы. Бенгальская невеста обязана быть не только красивой, но непременно прекраснее всех. Главное — она должна показать всем, что отправляется в дом свекра не бедной. Поэтому родня навешивает на нее все, что она только способна на себе разместить. Затем еще и свекор со свекровью кое-что добавляют.

Несмотря на то что бенгальские драгоценности искусно выполнены и количество каратов в камнях намного больше, чем у нас, бенгальские невесты ассоциировались у меня скорее с витриной ювелирного магазина, чем с представлениями о девичьей красоте. Лишь одно свадебное украшение мне очень нравилось — *тикли*. Это украшение укрепляется на голове и свешивается до середины лба.

В Бенгалии украшения носят даже дети, а в провинции — с самого раннего возраста. Что касается городских девочек, одетых в европейское платье и играющих в европейские куклы, то они надевают украшения лишь по торжественным дням, например во время праздника богини детей Шаштки. В шестимесячном возрасте, во время первого приема «взрослой» пищи, ребенка заворачивают в нарядную красную ткань, на руки, ноги,

пальцы рук, шею надевают драгоценности, на голову — торжественную корону, на лоб — тикли.

Я видела несколько фотографий полугодовалых девочек в подобных украшениях. Они весело улыбались, ни одна из них не заплакала. Откуда у этих крошечных бенгальских барышень столько достоинства? Очевидно, тут говорит сознание, унаследованное от предыдущих поколений, — мое очарование, моя одежда, мои драгоценности показывают мое место среди людей.

СВАТОВСТВО ПО-БЕНГАЛЬСКИ

Многое восхищало меня в моих бенгальских подругах, но кое-что и не нравилось. Одного не прощу им никогда: каким образом они «уходили» от меня замуж.

Первый, самый чувствительный удар нанесла мне Гита. Она была самой сообразительной девушкой в общепитии. И с моей точки зрения, являла собой идеальный тип студентки. Гита такая же высокая, как я; у нее брахманская фамилия; она очень серьезная и говорит низким, глубоким голосом. Когда я нуждалась в советах в разговорном бенгальском языке, я шла только к ней. Лишь она из всех студенток всегда старалась вникнуть в мои языковые проблемы. Кроме того, своим бархатным голосом она умела прекрасно рассказывать индуистские мифы.

Когда наступили каникулы, Гита пригласила меня на несколько дней к себе домой. Она жила в Анансоле в промышленном районе. Гита обещала познакомить меня со своей бабушкой, которая умела якобы рассказывать еще лучше, нежели она, и знала на память весь эпос о мужественном Раме и его верной жене Сите.

Я поехала, но бабушке было не до рассказов. Она постоянно о чем-то шепталась с матерью Гиты, и вместе они готовили сладости. Весь дом был в приготовлениях. Про себя я думала, что могла бы спокойно довольствоваться и обычным угощением. Я и Гита ни о чем не догадывались. На второй день приехали гости. И тут неинформированной оказалась только я, судя по тому, что Гита с раннего утра была взволнованна, как перед выпускным экзаменом. Ей накрасили глаза, надели муршидабадское сари, красиво заплели косу, поставили красную тикку на лоб и отправили к гостям.

Вечером гости уехали. И я, и Гита узнали, что через три недели состоится свадьба. Жениха, естественно, среди гостей не было. Нет никаких оснований видеть невесту до свадьбы. Насмотрится после!

Думаю, я была потрясена больше, чем Гита. Конечно, я и раньше знала, что в Индии девушки сами не выходят замуж, а юноши не женятся — их выдают, а родители и родственники им подыскивают партнеров. Одно дело читать о подобном, а другое — видеть все это своими глазами. В Бенгалии несколько раз меня пытались выдать замуж, и я поняла, что это обычная житейская практика.

Гита еще с детства знала, что однажды такой день наступит. Жених ее был молод, судя по фотографии (прогрессивные родственники принесли с собой фотокарточку), симпатичный, и Гита вскоре станет госпожой инженершей. И тем не менее она умоляла меня уговорить ее родных (вера в слово иностранца огромная), чтобы ей позволили закончить курс в университете.

Как я уже говорила, Гита была идеальной студенткой. А вообще-то все девушки в обществе страстно желали, чтобы их родители поскорее выдали их замуж и таким образом высвободили из этого пекла занятий. Однако в большинстве случаев родители заставляли их страдать до конца: университетский диплом увеличивает цену их дочерей на свадебном рынке не менее, чем длинные волосы и светлая кожа. Гиту выдали замуж в середине курса скорее всего потому, что мать ее была вдовой и спешила воспользоваться первой подходящей партией: ведь Гита — старшая из трех сестер и рисковать было нельзя.

На свадьбу я не поехала и до сих пор ругаю себя за это, потому что Гите так и не дали доучиться.

И вот она приехала в общежитие попрощаться с нами, настоящая молодая женщина. Верхний конец сари глубоко закрывал ее лицо в таком богатом обрамлении золотых украшений, что все на ней звенело, и мне показалось, что ей куда приятнее быть просто женой, нежели студенткой университета.

Следующей в пропасти супружеской жизни исчезла Манджу, потом еще несколько девушек, с которыми я была близка.

Сначала я злилась на этот индийский обычай и на девушек из общежития, осуждала покорность, с которой они сначала отправлялись учиться (не потому, что это их интересовало, а только потому, что так желали ро-

дители), а затем выходили замуж не по любви — снова подчинялись решению родителей. Позже, столкнувшись поближе с целым рядом таких «супружеств по принуждению», я многое поняла. Теперь я иногда думаю, что, возможно, это не такой уж бессмысленный обычай, как могло показаться на первый взгляд.

Вот брачная история Кришны. Это имя означает «черная» и дается девушкам в честь популярного индуистского бога Кришны. Девушка была черноока, с волосами до колен, миниатюрная и хрупкая, удивительно красивая, жизнерадостная и энергичная.

Она уже получила первую университетскую степень. Для меня было загадкой, почему такая красавица не замужем, зачем пишет кандидатскую диссертацию, которая по общепринятой морали ценности ей не придаст, скорее наоборот, поскольку чрезмерная ученость, оказывается, женщинам вредит.

Вскоре я узнала, что недостатком Кришны считалась именно ее очаровательная хрупкость. Уже раз десять ее демонстрировали родственникам разных женихов, но суждения всегда были отрицательные:

— Девочка слишком худа, выглядит болезненно, вдруг будет болеть?

На самом деле Кришна была очень крепкой.

Диссертацию она писала просто от отчаяния, чтобы не сидеть дома и в случае нужды уметь обеспечить себя.

Я переживала за Кришну, представляя, каково было бы мне, если бы меня десять раз наряжали, десять раз заставляли подавать угощение незнакомым людям, разглядывающим меня, вежливо отвечать на их невероятные вопросы (ибо в подобной «беседе» проверяется и интеллигентность). Потом десять раз услышать, что я не подхожу, поскольку слишком худа. Во время такого церемониала в одиннадцатый раз я действительно выглядела бы больной. В Чехословакии у такой красивой девушки, как Кришна, было бы по крайней мере сто женихов!

У этой истории, однако, оказался совершенно неожиданный счастливый конец. Научный руководитель Кришны был неженат, он только что вернулся из Англии. Хрупкая ученица ему понравилась, и, не ожидая одобрения семьи, молодой человек женился на ней.

После свадьбы Кришна сразу же оставила университет, ей надо было войти в семью мужа. Когда потом я навестила Кришну в ее новом доме, она уверяла меня,

что временно оставила университет, что они с мужем прекрасно понимают друг друга и оба любят науку, которая их познакомила, и она обязательно закончит диссертацию хотя бы для того, чтобы воспитывать у своих детей любовь к знаниям.

Вот другая брачная история. Маника была единственной девушкой в общежитии, которая не носила косу. Она остригла волосы по плечи, да и по всему ее поведению было видно, что ей нравится все европейское. У нее был друг-англичанин, и она вела с ним переписку. Молодой человек приезжал к ней в гости и жил в доме ее родителей. Маника спросила меня, что означает, если ее друг хочет курить с ней одну сигарету. Сама она, естественно, не курила, но уже то, что позволила говорить о подобном, свидетельствовало о ее свободных нравах.

Маника мечтала о Европе. Но однажды она разоткровенничалась со мной:

— Представляешь, один мой знакомый, Аджит, сказал, что он бы женился на мне!

— И что же ты ему ответила? — поинтересовалась я.

— А что я ему могла сказать? — возмущенно ответила Маника. — За кого он меня принимает? Еще чего! Меня ведь родители выдадут замуж.

Я была потрясена этой логикой. Маника — это имя означает «Драгоценный камень» — довольно часто приводила меня в изумление подобной смесью западных и бенгальских настроений. Такой ответ мне показался по отношению к несчастному Аджиту слишком уж жестоким.

Как только она получила желанную степень, родители выдали ее замуж. Меня в это время в Индии уже не было. Однако из свадебного приглашения я узнала, что это был обычный брак: супруг из такой же высокой касты, как и она, свадебные обряды в точном соответствии с индуистским календарем проводятся в доме ее родителей, торжественная встреча невесты согласно обряду — в доме свекра, и т. д.

Год спустя я получила письмо от ее матери. Она общалась, что Маника родила дочь. Роды были тяжелыми, и Маника чуть не умерла, но теперь все в порядке, она счастлива.

Одновременно пришло письмо и от Маники. Поскольку она жила в доме свекра, то, конечно, не знала о том, что написала ее мать. Она писала то же самое, но несколько иначе.

Вот что она сообщила: «Мой муж — идеальный человек, и я в супружестве абсолютно счастлива. Но у меня родилась дочь...»

Это «но» говорило о том, что Маника стала обычной женой-индуской. Для нее было бесспорно: муж — ее идеал и супружество ее — безоблачно. Однако ей ясно и то, что рождением дочери она не выполнила своей главной супружеской задачи и должна еще раз попытаться родить, хотя это для нее и очень рискованно, но, может быть, все кончится хорошо, и на свет появится сын.

Вот история Ручиры. В данном случае речь пойдет не о свадебной, а скорее послесвадебной истории. Да это, собственно, и не история, а скорее фрагмент из обычной бенгальской жизни.

Когда я познакомилась с Ручирой, она была уже замужем, жила в общежитии в одноместной комнате для студенток старших курсов и работала над кандидатской диссертацией. Когда Гиту выдали замуж, я подумала, что именно Ручира может стать моей подругой, и, поскольку она была уже замужем, я надеялась, что уж ее-то ничто не может развести со мной.

Ручира была настоящим кладом филологических знаний. Она легко разъясняла, что и как следует говорить по-бенгальски. И не только это. Когда я однажды фотографировала перед нашим общежитием уличного торговца, она подошла ко мне и сказала:

— Скажи ему, пусть отойдет немного в тень, здесь будет слишком контрастно.

Подобная осведомленность меня удивила. Она пригласила меня к себе в комнату, и там я увидела удивительные вещи. Ручира вытащила из чемодана бумажную коробку с огромным количеством фотографий, причем именно таких, о каких я сама мечтала, но которые мне пока не удавались. Это были совершенные снимки. Ручира гораздо лучше, чем я, разбиралась в тропическом освещении и прекрасно использовала его. Фотографии были великолепные и очень выразительные, а это свидетельствовало о том, что фотограф обладает вкусом, чувством меры и хорошо разбирается в обстановке: руки гончара, создающего глиняный кувшин; цветок в волосах бенгальской девушки, а на нем — большая тропическая бабочка; ссорящиеся соседки, с глазами, извергающими молнии; рикша, взмокший от усталости, а за его спиной — пассажир, изнемогающий от собственного веса. Эта была настоящая выставка жизни.

— Да ведь у меня и была выставка,—смеялась Ручира,— а за эти руки гончара я получила на конкурсе вторую премию. Но это дорогое увлечение. Знаешь, во сколько мне обошелся увеличитель?

И она назвала астрономическую сумму.

— Где ты взяла столько денег? — заинтересовалась я, зная мизерную сумму карманных денег, получаемых девушками даже из богатых семей.

— Я работала, преподавала в одной калькуттской школе. Вот тогда-то у меня было много денег. Так что я оборудовала себе настоящую фотолабораторию. Когда будешь в Калькутте, обязательно зайди к моей матери, там все увидишь,—ответила Ручира.

Из дальнейшей беседы я узнала, что она не только умела фотографировать, но также увлекалась рисованием, лепкой и плаванием.

Потом ее выдали замуж. И, как это бывает в индийских семьях, они с мужем получили комнату в доме его родителей. В Индии принято, чтобы женатые сыновья оставались со своими семьями в доме родителей.

Увеличитель и конкурсные дипломы хранились у родителей Ручиры. Конечно, не потому, что в доме свекра не нашлось места, это был один из самых богатых домов в Калькутте, к тому же с древними культурными традициями: один из прадедушек был известным писателем. Но ни свекровь, ни старшие снохи не желали, чтобы у новой снохи были подобные мужские увлечения.

Ручире пришлось отказаться от всех своих увлечений и стать обычной бенгальской женой, без собственных желаний и порывов.

Наученная историей с Гитой, я лишь спросила Ручиру:

— А как же тебе позволили заниматься диссертацией?

— Этого желает он,—ответила мне Ручира.

«Он», муж Ручиры, получил образование в Европе и потому, вероятно, решил, что его жена тоже должна стать кандидатом наук. Конечно, в случае с интеллигентной Ручирой это было прекрасное решение. Однако «он» не вполне угадал увлечение своей жены. Муж записал ее на филологический факультет, тогда как у нее были склонности к художественным ремеслам.

Как я убедилась позже, для нее это не имело такого уж важного значения. Ручира не утруждала себя заплатами. То были колики у свекрови, то младший шурина

сломав ребро, и Ручира постоянно разъезжала между Шантиникетонем и Калькуттой: в несчастье семья должна быть вместе. Так что все мои расчеты, что у меня в Шантиникетоне будет надежная приятельница, оказались тщетными.

Бывая в Калькутте, я иногда навещала Ручиру, и мы вместе ходили в библиотеку пешком. Она очень любила пешие прогулки. Я же в такой жаре делала это только ради нее, так как знала, что никто из домашних с ней бы не пошел и Ручире пришлось бы ехать на машине. Неприлично женщине из такой уважаемой семьи ходить по улице одной. У ее свекра было две машины.

С Минакши (она родом из Южной Индии) я познакомилась, когда она, как и Ручира, уже была замужем, жила в одноместной комнате и, конечно, писала кандидатскую диссертацию. Правда, я долго не подозревала, что Минакши замужем, она держалась словно незамужняя студентка.— не носила ни обручальных браслетов, ни красного пробора. Более того, она вела себя так, как будто хотела навсегда остаться незамужней. Диссертация ей была нужна для повышения квалификации — она претендовала на место преподавателя в английской женской школе в Дели, да и выглядела самостоятельнее остальных (ей было около тридцати лет). Это нас и сблизило.

Мы часто вместе отправлялись на прогулки по шантиникетонским окрестностям. Она завидовала, что у меня есть велосипед и я могу разъезжать на нем куда захочу. На юге девушки из хороших семей не смеют даже мечтать об этом. Она любила путешествия, и по всему было видно, что она жила независимо. К сожалению, я не могла говорить с ней по-бенгальски. Если бы не языковой барьер, она стала бы для меня просто идеальной подругой.

О том, что Минакши замужем, я узнала лишь тогда, когда тесно сошлась с шантиникетонскими девушками и они поведали мне ее историю.

Минакши выдали замуж пятнадцати лет. Муж вскоре ее оставил, но об этом она никому не рассказывала. Никто не знал также и о том, где в настоящее время он находился. Не знала этого и сама Минакши. Она получала письма только от своих родителей, и всем казалось, что оставаться ей до конца жизни соломенной вдовой. Да и что она могла поделать? Ведь ее выдали замуж, и даже если бы ей захотелось развестись (правда, на это

не было похоже), то не станет же она снова выходить замуж? Что скажут тогда родственники?

Жизнь Минакши не казалась печальной; более того, такой удел, пожалуй, лучше, нежели судьба обычной индийской жены. Я даже радовалась, что у меня наконец-то надолго останется такая энергичная и преданная подруга. Супружество ей не угрожало, к собственному мужу она относилась безразлично.

Неожиданно Минакши стали приходиться письма одно за другим. Вскоре заведующая общежитием также получила письмо со штемпелем родного города Минакши. Девушки из общежития радостно шептались, как бы предчувствуя чудо. Минакши преобразилась, начала следить за собой, перестала гулять на солнце. Она купила целую батарею косметических средств, от которых якобы должна посветлеть кожа.

Я ждала, что мне наконец скажут, что же произошло. Однажды Минакши поинтересовалась моими взглядами европейской женщины на некоторые моменты супружеской жизни.

Оказывается, случилось невероятное: родители Минакши и мужа согласились, что нет существенных причин для раздельного проживания супругов. Тогда супруг позволил себя уговорить и решил вернуться к Минакши. Он собирался приехать через несколько недель и увезти ее в североиндийский город Канпур, где он работал. Я ничего об этом не знала.

Муж Минакши был директором фабрики и долгое время прожил в Европе. Все это походило на отрывок из романа для девушек, с той лишь разницей, что никакой любви-то не было. Впервые увидев невесту на свадьбе, жених отверг молодую жену. Таким образом, ей пришлось жить одной в обществе, полном предрассудков, а ведь она была в расцвете красоты.

На свой великодушный поступок он решился не сам (из Канпура Минакши не получила ни одного письма) — его уговорили обе семьи.

Глядя на Минакши, я с ужасом замечала, что она сама себя считает героиней любовного романа. Тридцатилетняя аспирантка, почти кандидат наук, вдруг начала стыдливо опускать глаза, предаваться мечтам. Она расцветала буквально на глазах. Никогда раньше я не замечала, чтобы у нее так сияли глаза и была такой плавной походка. Все это мне казалось абсурдным.

Но самую удивительную, на мой взгляд, позицию за-

няли все обитатели общежития, включая заведующую. Никто не считал ее мужа злодеем, который где-то пропал пятнадцать лет, а затем наконец решил погреться у семейного очага. Минакши и все держались так, словно ждали прекрасного принца из сказки. Минакши стали всячески прихорашивать, а в решающий день ее причесали и вплели в волосы белые цветы. Заведующая заказала ожидаемому мужу комнату в местной гостинице, украсила ее и приготовила огромное блюдо южноиндийских сладостей.

И вот «принц» прибыл. Мне он представлялся худым, важным брахманом. А перед нами предстал гигант в европейском костюме. У него были такие плечи, что, пожалуй, он мог бы выиграть все соревнования по гребле в Оксфорде. Некоторое время он провел с Минакши в гостинице, пошутил с заведующей по поводу приготовленных сладостей и тут же бросился искать рикшу — у него, видите ли, важное совещание в Калькутте и завтра он должен отправляться в путь. Погрузил чемоданы, забрал Минакши и уехал.

В тот же день я тоже отправлялась в Калькутту, поэтому мы встретились на вокзале. Муж Минакши вел себя как настоящий джентльмен: он отнес мой чемодан в третий класс (они ехали в первом), а на вокзале в Калькутте помог мне найти такси и на прекрасном английском предложил отправиться вместе с ними в гостиницу:

— Примите ванну, отдохните. Видите ли, до Канпура слишком далеко, поэтому я не могу пригласить вас, приятельницу моей жены, туда.

Я была поражена обходительностью вновь обретенного мужа.

Он вежливо придержал дверь и пропустил меня вперед. Затем вошел сам, потом отпустил дверь, и только тогда вошла Минакши. Он помог мне раздеться. Спросив моего разрешения, снял пиджак, потом подал Минакши вещи со словами:

— Подержи.

Вежливо осведомился, можно ли курить в моем присутствии. Я не возражала, тогда он стал выдыхать сигаретный дым прямо в лицо сидевшей рядом Минакши.

Когда я уходила, Минакши проводила меня до дверей.

— Ну и как? — спросила она нетерпеливо.

Я ответила:

— Шикарный мужчина!

Именно это ей хотелось от меня услышать. Она была от него в восторге, лишь одно не нравилось — сигаретный дым.

— Ну, если только это! Так это поправимо,—утетила я ее.

Мы расстались. Спустя некоторое время я получила от Минакши письмо, из которого повеяло счастьем Золушки, вышедшей замуж за принца. «Что касается меня,—писала Минакши,—то я счастлива. Я веду жизнь хозяйки и не могу представить себе ничего лучшего. Здоровье мое быстро поправляется. Мой муж придает большое значение состоянию моего здоровья. У нас есть кова и большой сад, так что свежих овощей и молока вдоволь. Физически работать мне не приходится. Подумываю о том, что, возможно, скоро закончу диссертацию. Если будешь говорить с нашими знакомыми, передай им, что я счастлива...»

И еще одна брачная история. Она может показаться европейцу слишком обычной. Однако в общежитии она вызвала куда больше волнений, чем все, что произошло с Минакши.

Маниша работала в сельской местности недалеко от Шантиникетона. Она была «служительницей деревни», то есть сотрудницей службы социального развития деревни. Такая сотрудница обучает деревенских жителей правилам семейной гигиены и воспитания детей, помогает им в основании женских организаций, которые, например, в складчину покупают общую швейную машинку. В ее задачу входит также поддержание народных традиций. Все это вместе составляет нелегкую задачу. Старики не очень-то любят учиться у младших — тем более что, как утверждает тысячелетняя индийская традиция, только они знают, что, когда и как следует делать.

К тому же Маниша была еще незамужней. Но где же вы видели, чтобы незамужняя девушка учила замужних женщин!

Тем не менее я понимала, что Маниша прекрасно справляется со своей работой. Когда я приезжала к ней в ее деревню, меня везде приветствовали не как знакомую какой-то легкомысленной современной особы, а как милую приятельницу милой соседки. Репутация Маниши открывала передо мной двери там, куда я сама бы ни за что не попала.

Благодаря Манише я ближе познакомилась с бытом

бенгальской деревни и с самой девушкой. Она была очень интеллигентной (кстати, *маниша* значит «интеллигентность»), работающей и самоотверженной девушкой. Под жгучими лучами тропического солнца и под потоками тропических ливней разъезжала она на велосипеде от деревни к деревне, терпеливо, часами просиживала у постели больных, помогала в свадебных обрядах, тратила на людей деньги из своей мизерной зарплаты. Все это она делала вдохновенно и улыбаясь. Эта девушка была достойна целой статьи в газете.

Но — без фотографии. Маниша не была красавицей. И хотя у нее были большие глаза, длинная коса и удивительно милая улыбка, все же, должна сказать, на бенгальский вкус она была далеко не идеал. Кожа у нее была темной, словно бенгальская земля после дождя. Кроме того, она не имела приданого.

Ее мать была вдовой. Первая, красивая дочь вышла счастливо замуж, но для того, чтобы выдать замуж вторую, некрасивую, денег уже не хватало. За черной невестой полагается огромное приданое.

Однако Манише все было нипочем. По крайней мере она так держалась. Девушка подставляла свою голову солнцу и смеялась:

— Мне уже не страшно, я и без того черная!

В подтверждение своих слов она пропела мне известную песню Тагора, в которой говорилось о том, как наперекор всем обычаям побеждает красота темной девушки.

Из опыта общения с шантиникетонскими девушками я подозревала, что ее веселость показная. Но когда я увидела различие между ее активной жизнью и пассивным существованием остальных девушек, то поняла, что из создавшейся ситуации она извлекла самое лучшее и чувствует себя куда более счастливой, чем ее подруги, готовящие себя к супружеской жизни. Тогда я еще не знала, что у Маниши имелись основания быть счастливой.

Однажды она пришла ко мне и пригласила на свадьбу.

Я была поражена.

— Ты знаешь жениха? — спросила я.

— Знаю, да и ты его знаешь! Это — Сатинадх. Помнишь, я знакомила тебя с ним в отделении социальной службы?

Я сразу же догадалась, о ком идет речь. Сатинадх

заинтересовал меня с первого взгляда. Это был высокий, стройный, красноречивый молодой человек. Несколько раз я ездила с ним в поездки по бенгальским деревенским школам. Он был симпатичный, привлекательный — и совсем светлокожий. Мать Маниши никогда не могла бы подобрать дочери такого жениха.

— Не сердись, что я тебе сообщаю об этом лишь сейчас, — извинялась Маниша. — Мы должны были сохранить тайну. В деревне не терпят предсвадебных знакомств.

Я понимала и с радостью поехала на свадьбу в отдаленную деревню, где жила ее мать, и с удовольствием отведала всевозможных вкусных острых свадебных блюд, и с радостью выполнила роль свадебного фотографа. Разве могли бы эти два бедных «служителя деревни» позволить себе фотографа-профессионала? Я знала, что после свадьбы Маниша не пропадет для общества. Она и дальше будет работать. Я забыла сказать, что она трудилась еще и потому, что помогала материально своему младшему брату, который учился. Кроме того, работа ей нравилась. После свадьбы лишь одно изменение произошло в ее жизни — она переехала к родителям мужа в соседнюю деревню.

Потом я часто навещала Манишу. Я была у нее и тогда, когда к двум глиняным домикам ее свекра они пристраивали для себя еще один. Мне удалось уговорить супругов покрыть домик традиционной соломенной крышей, а не жестью, которая, хотя и дешевле, менее практична: летом в таком домике жарко, а зимой — холодно. Вместе с соседями я восхищалась единственным кирпичным строением на их дворе — уборной. «Служителям деревни» приходится показывать не только как копать колодцы, но и как создавать очаги гигиены.

Уезжая, я подарила Манише свой выдавший виды велосипед. Я понимала, каким прекрасным и дорогим был для нее этот подарок. Но мне так хотелось отблагодарить ее не только за радушный прием (я часто у них обедала), но и прежде всего за те знания о бенгальской деревне, которыми она меня одарила, и за то, что вспоминаю о ней как о своей лучшей бенгальской подруге.

К свадебным историям хотелось бы прибавить еще одну, закончившуюся разводом. Он был единственным за время моего пребывания в Бенгалии. Мне рассказали о нем мои друзья.

Однажды в Калькутте в литературном кафе университетского квартала меня представили одному начинающему поэту, по имени Бимал. Правда, его гражданская должность была весьма прозаической — он служил в каком-то правительственном учреждении. Но его личная жизнь в то время оказалась в центре внимания наших общих знакомых. Выяснилось, что Бимал разводился. Все, кроме меня, знали его жену, которая до недавнего времени вместе с ним сидела за столиком кафе и вела беседы о литературных проблемах. Она писала стихи, и даже якобы с большим успехом, чем муж.

Почему Бимал женился на ней, знали абсолютно все. Они любили друг друга еще со студенческой скамьи. У них была и настоящая «предсвадебная европейская любовь», как все уверяли меня с улыбкой. Друзья относились с издевкой к развязке этого романа.

Однако причин развода не знал никто. Бимал не желал ни с кем говорить на эту тему, он угрюмо молчал и мрачно тянул свой обычный «двойной холодный кофе». Вот с таким мрачным и молчаливым Бималом я и познакомилась. Но однажды он появился в нашей компании в веселом настроении и сообщил, что свободен.

Радость вновь обретенной свободы сделала его разговорчивым. Он начал делиться с нами своими воззрениями на супружество:

— Она была и интеллигентная, и красивая, и хорошая. Я не хочу быть к ней несправедливым, но в супружестве она была невыносима. Это было сплошное самовосхваление и придирки, самокопание, критика, рассуждения о том, подходим ли мы друг другу. Что же это такое! Мы ведь поженились, какие же могут быть дискуссии? Жену я взял для того, чтобы работала.

Я обиделась за всех бенгалок, но приятели только посмеивались:

— Вот тебе и вся твоя любовь. На будущее — никакого сватовства по-европейски. Найдут красивую пятнадцатилетнюю деревенскую застенчивую и закутанную в сари девочку, умеющую лишь подписываться. Эти — самые лучшие.

Подобная ирония меня несколько успокоила. Литераторы хотя и смеялись над европейским сватовством, однако подшучивали и над традиционными бенгальскими невестами. Но Бимал воспринял их слова всерьез.

— Конечно, никогда больше не женюсь по любви. Хватит одного раза, — сказал он.

Бимал женился снова, и женился по-бенгальски, но на девушке более образованной и старше, нежели ему предрекали друзья. Невеста впервые как следует разглядела его лишь после свадьбы.

С Бималом я больше не встречалась, но друзья осуждали его (не скрою, что при этом я чувствовала огромное удовлетворение).

— Ну что ж, если с Миной у него не получилось, ничего не поделаешь. Мы живем в современном мире. Пусть разводится, если это в его характере. Но через несколько месяцев после свадьбы появиться перед нами с новой женой! Знакомить с теми же друзьями, с которыми до этого знакомил Мину! Просто тошнит от этого!

Так что поделом вам, господин Бимал!

ЗАМУЖЕСТВО ПО-БЕНГАЛЬСКИ

Какими же качествами должна обладать бенгальская девушка, чтобы выйти замуж счастливо?

Безусловно, она должна быть красивой. Как известно, у бенгальцев и у чехов разное понятие о красоте, разные представления о цвете кожи. Женихи в Европе не будут настаивать на том, чтобы у невесты были красивые длинные волосы, столь категорично, как индийские, поскольку длинноволосых красавиц у нас не так уж много. В Европе предпочитают стройных невест, в то время как бенгальцы излишнюю стройность принимают за нездоровье. К тому же считается плохим, если бенгальская невеста высокая. Это и понятно, ведь наша невеста была бы на целую голову выше бенгальских женихов.

Удивило меня и то, что у бенгальцев считается, что очки невесту не портят. У нас девушки в очках буквально сражаются за то, чтобы снискать мужскую благосклонность. В Индии же очки — признак интеллигентности.

Кроме того, бенгальская невеста должна быть целомудренной. Девушка, чье целомудрие было однажды поставлено под сомнение, невестой в Бенгалии стать не может. «Целомудренная» — это значит непорочная, как икона. Невеста должна опускать глаза долу уже с того момента, когда ее показывают родственникам будущего мужа, ну а на свадьбе она глаз и поднять не смеет.

Тут уместно процитировать легендарного законодателя Ману, придававшего огромное значение женскому целомудрию и оставившего индийцам немало добрых советов, как его хранить. Если уж мы сравниваем бенгальские требования к невесте с нашими, почему бы нам в таком случае не обратиться также и к чешским источникам? Слова чешской народной песни удивительно точно совпадают с требованиями легендарного Ману:

Скажи мне, цыганка черная,
которая из девушек — честная?
Только та девушка честная,
что от молодца бежит.
А если убежать не может,
то краснеет она, как роза.

Наши девушки уже давно не краснеют. Индийские же девушки до сих пор доставляют всем эту радость. Они краснеют, опускают очи долу, прикрывают лицо краем сари.

О послушании бенгальских невест и говорить нечего. Это само собой разумеется. Девушка, которая согласна выйти замуж за того жениха, которого выбрали ей родители, — само послушание. Если бы я была бенгальским молодым человеком, то мне было бы, наверное, неприятно, что я не избранник своей невесты, а отдан ей по приказу. Но бенгальский юноша смотрит на жизнь реально. Он считает: если девушка слушает своих родителей, то и ему будет послушна. Ведь и у нас говорится: как к отцу, так и к мужу, как к матери, так и к жене.

Конечно, хорошо, когда невеста богатая. Кое-где на Востоке невеста просто покупалась. У бенгальских же индусов с дочерьми всегда были проблемы. Их долг — отдать за невестой порядочное приданое. Дело в том, что иметь дома незамужнюю взрослую дочь считалось для отца-индуса большим грехом. Так что семья жениха как бы получала плату за избавление отца от греха.

Выдать дочь замуж в бедной семье было равносильно тому, что пережить настоящее стихийное бедствие. Если в семье имелось несколько дочерей, то нечего удивляться, что следующую дочь отчаявшиеся родители называли Арнакали («За что, мать Кали?»). Это имя звучало словно начальные слова молитвы.

Да и у нас, собственно, приданое кое-где в ходу, хотя для большинства из нас это устаревшее понятие.

В Бенгалии приданое — животрепещущая проблема. Во время пребывания в Индии я даже слышала о дви-

жении за отмену приданого. Оно гарантировало «заклучение браков без приданого». Членами подобных объединений становятся молодые люди, добровольно отказывающиеся от приданого невесты.

Индийское правительство официально запретило требование приданого, так что свадьбы без приданого теперь встречаются все чаще и чаще. Как-то раз я получила свадебное приглашение от одной своей бенгальской приятельницы. Из письма следовало, что заключался индуистский брак: равноценный в кастовом отношении, со всем традиционным церемониалом и, естественно, по договоренности родителей. И только в одном пункте он был нетрадиционен: семья жениха не получила приданого. Счастливая невеста писала мне об этом так: «Наш брак абсолютно традиционен. Мы впервые увидели друг друга во время свадебного обряда. Но не думай, что семья свекра потребовала от нас приданого! Задолго до того, как мой отец стал искать мне жениха, мы договорились с ним: я выйду замуж только в ту семью, где окажется достаточной моя ученая степень. Приданое — ниже моего достоинства».

И действительно, семья свекра ни в чем ее никогда не упрекала. Недавно я узнала, что у них родился сын и свекор исключительно хорошо относится к ней и к ее матери.

Что же это за степень, которая заменила девушке приданое? Моя приятельница закончила экономический факультет университета.

Как известно, набожность среди европейских девушек встречается еще реже, чем воспетый поэтами Востока стыдливый румянец. Бенгальские девушки в этом отношении отличаются от наших. В их комнатах в общежитии я видела образки богов и богинь или святых, которым они каждое утро приносили свежие цветы.

Для девушек, мечтающих выйти замуж, самым почитаемым является бог Шива. И не только потому, что он один из двух наиболее могущественных индуистских богов — царь всех земных и неземных святых, наделенный огромными сверхъестественными способностями, и может своим третьим глазом не только уничтожить все человеческие и божественные создания, но и вернуть всех к жизни и процветанию. Дело в том, что грозный и всемогущий Шива обладает еще одним качеством (как и наш святой Антоний), за что и пользуется такой популярностью у бенгальских девушек: он может помочь

найти жениха. И что значат все миры — земные и неземные, угасшие и процветающие — в сравнении с маленьким конкретным счастьем?

Конечно, Шива не раздает женихов просто так, он требует поклонения. Самый благоприятный момент для его проявления — праздник «ночь Шивы». Девушка, желающая выпросить у Шивы милость в виде жениха, должна в этот день с самого утра соблюдать строгий пост. Она не смеет пить даже чай. Вечером она должна смешать немного молока с водой из Ганга, полить им символ Шивы, а также добавить в смесь еще листики и цветы растений. Если она все это соблюдет — желание будет исполнено. Надо лишь точно и ясно выразить свою просьбу. Лучше всего несколько раз повторить такие слова:

— Хочу жениха, похожего на Шиву!

Любопытно, что подобными просьбами Шиве досаждают не только незамужние девушки, причем с самого детства, но и жены, и матери. Некоторые утверждают, что они это делают ради мужа, другие признаются, что таким образом они выпрашивают жениха на случай своего нового рождения.

Однако Шива — бог великодушный, его еще называют Асутошем. Однажды, когда я смотрела бенгальский семейный альбом, мне рассказали историю, которая произошла с женщиной, изображенной на одной фотографии. Оказывается, ее родители долго не могли выдать ее замуж. То им жених не нравился, то будущий свекор требовал слишком большого приданого. Девушке шел уже двадцать пятый год, а она все еще оставалась незамужней. Отчаявшаяся мать много раз уговаривала дочь обратиться к Шиве. Но легкомысленная девушка все время отказывалась, заявляя, что не может поститься целый день. Когда девушке самой стало ясно, что шансы ее все уменьшаются, она решилась на пост. В день праздника Шивы она не завтракала и не обедала, но к вечеру не выдержала — быстро проделала все обрядовые операции перед символом Шивы, а затем поела. Только рис оставила, чтобы окончательно все не испортить.

В том же году сыграли свадьбу, и муж ее, как свидетельствовала фотография, был отнюдь не уродом: высокий, плечистый, усатый. Сокращение поста на нем никак не отразилось. Пожалуй, Шива действительно Асутош.

В Шантиникетоне девушки изучали что угодно, им безразлично, санскрит это или математика,— главное получить диплом. Но разве индийские юноши делают не то же самое? Девушкам диплом помогает найти женихов, молодым людям — работу. В этом я убеждалась не раз. Шантиникетонские студентки из «хороших семей» отличаются от средних калькуттских. Конечно, родители и тех и других стараются дать своим дочерям образование, чтобы затем хорошо выдать замуж. Шантиникетонские студентки эти родительские намерения активно поддерживают, в то время как калькуттские, более разбирающиеся в современной жизни, видят в образовании скорее возможный источник заработка. Поэтому между студентками и родителями здесь возникают споры. Родители готовы обеспечивать их образование до получения минимальной степени, гарантирующей замужество, — степени бакалавра. Но девушек часто не удовлетворяет перспектива остаться домашней хозяйкой. Они знают, что в наше время лучше крепко стоять на собственных ногах, и потому настаивают на возможности учиться и дальше.

Что ж, времена меняются! Еще совсем недавно бенгальские девушки не могли читать книги, свекрови отбирали их у своих снох, считая книги дьявольским искушением, отвлекающим от работы. Современная свекровь требует, чтобы сноха имела университетское образование.

Перед отъездом в Индию я была знакома с кастовой проблемой лишь теоретически, поэтому мне было очень интересно знать, как все это выглядит на практике.

Однако я была разочарована. В течение нескольких недель я вообще не сталкивалась с кастами. По отношению ко мне — особе в кастовом плане совершенно непонятной — индийцы вели себя абсолютно свободно. Я оставалась ночевать у них в гостях, мне давали платье, я ела вместе с хозяевами. И только постепенно я стала замечать кастовые обычаи там, где раньше их не видела.

Так, например, на свадебных приглашениях, которые я иногда получала, мое внимание привлекло совпадение фамилий. Барышня Мукхопадхья выходила замуж за господина Бандопадхья, господин Гангопадхья брал себе в жены барышню Чатопадхья. Я не была настолько несведущей, чтобы это совпадение не расшифровать так: брахман берет себе в жены брахманку. Когда же

фамилии не рифмовались, я уже не была столь уверена. И тут я прислушивалась к тому, как оценивают брак сами девушки. В большинстве случаев они никак не комментировали кастовую сторону брака. Это означало, что все было в порядке. Но иногда по поводу свадебных приглашений возникал взволнованный спор. Это происходило в случаях кастового мезальянса. И тогда к дискуссии подключались даже самые молчаливые. Каждый горячо отстаивал свою точку зрения. Обсуждались вопросы, почему такой брак был заключен, какими преимуществами обладал партнер, проигрывающий в кастовом плане. Были и такие, которые утверждали, что все не правы и обе семьи могут быть в кастовом отношении равноценны.

Мне казались странными все эти рассуждения, они не соответствовали эмансипированной университетской среде. Однако постепенно я пришла к убеждению, что в отношении браков преобладающая часть индийцев верна своим кастовым традициям. Это относится даже к тем из них, которые считали касты недостойным пережитком прошлого. Я видела в этом своего рода попытку уйти от ответственности, это всем известно: «а что, если...» А что, если в кастах что-то есть? А что, если вновь будут действовать законы кастовой чистоты? Ведь если я здороваюсь за руку с европейцами или ем вместе с «нечистыми», эти действия не распространяются на длительный период. В конце концов я могу в любой момент совершить ритуальное очищение. Но супружество? От него очиститься нельзя, это намного серьезнее, оно на всю жизнь.

Поэтому не только сельские жители, но и родители бенгальских инженеров и врачей ищут для своих дочерей и сыновей в кастовом отношении равноценного партнера. Моя знакомая, европейская женщина, которая была замужем за индийцем, искала для своей дочери жениха из касты, соответствующей касте мужа, хотя несчастная девушка уже тем потеряла свое место в обществе, что родилась от смешанного брака.

В свободное время я читала брачные объявления и поняла, что ситуация намного сложнее, чем я себе представляла. Куда там древним арьям с их четырьмя варнами! В современной Индии более 2000 каст, а сколько их в Бенгалии, этого не знают даже сами бенгальцы! Зато каждый из них прекрасно разбирается, на ком можно, а на ком нельзя жениться. Для меня бенгальская систе-

ма каст была таким же темным лесом, как и бенгальские джунгли. Из брачных объявлений я узнавала названия каст, о существовании которых и не подозревала.

Популярный бенгальский писатель Шоротчондро Чатопадхья описывает в своем известном романе «Шриканта» историю двух сестер, которых родители по кастовым соображениям выдали замуж за пределы Бенгалии, так как в родных местах не нашлось ни одной семьи той же касты, что и они сами. Совсем юные девушки попали в чужую среду, где не понимали слов не только соседей, но даже собственного мужа и, еще хуже, свекрови. Они не могли выполнять ее приказаний, казались непослушными, жизнь их превратилась в непрерывную цепь страданий, в поток непонятной им брани, зато весьма понятных побоев. Одна из девушек не вынесла столь совершенного в кастовом отношении супружества и повесилась.

Не знаю, имеют ли место подобные случаи сегодня, но в том, что до сих пор требование достойной касты стоит на первом месте при заключении брака, я убедилась сама.

Нужно, конечно, добавить, что я знаю целый ряд и межкастовых браков. Я даже побывала на двух межкастовых свадьбах — обе отмечались не менее торжественно, чем свадьбы, совершенные в кастовом плане.

На первой свадьбе я была в качестве знакомой жениха. С ним самим я познакомилась еще в Пльзене, где он находился на практике, в то время, когда фирма «Шкода» строила металлургический комбинат в индийском городе Ранчи. Сейчас этот мой знакомый служит там инженером. Невеста была из более высокой касты. Ее родители правильно рассудили: для их дочери выгоднее стать женой хорошо оплачиваемого служащего на процветающем предприятии, нежели не оскверненной в кастовом отношении, но зато более бедной, с необеспеченным будущим. Ибо хорошо оплачиваемое место среди всех остальных качеств индийских женихов не так уж часто встречается.

На другой неравной свадьбе я знала и жениха, и невесту. Я встретила с ними в Праге, где они оба занимались естественными науками. В Праге они познакомились и решили, хотя, может, и несколько не по-бенгальски, пожениться. Когда потом на свадьбе я разговаривала с матерью невесты, она похвасталась:

— Как я рада, что дочь сама себе нашла жениха.

Хотя он и из более низкой касты, да благословит его бог! Вы даже не представляете, как сложно выдать за муж дочь. А теперь мне даже приданого не надо покупать.

Что ж, время накладывает отпечаток и на кастовое мировоззрение. Я желаю бенгальским родителям при выборе партнера для их детей как можно меньше обращать внимания на кастовое происхождение. Это облегчит им жизнь.

При выборе невесты везде в мире действует еще одно соображение — возраст. Это вовсе не значит, что обязательно нужна пятнадцатилетняя или двадцатипятилетняя невеста, но обязательно, чтобы была соответствующего возраста. Но что значит в Бенгалии этот «соответствующий» возраст? И с какого возраста девушка считается тут старой девой? Еще сто лет назад ответ на этот вопрос был очень прост. Мудрый Ману выразил это совершенно ясно, сказав, что отец, который выдаст замуж восьмилетнюю дочь, имеет такую же заслугу, как если бы он выдавал замуж богиню Гаури. С каждым прибывающим годом дочери эта заслуга понижается. Однако, если отец не выдаст свою дочь до одиннадцатилетнего возраста (считается, что в это время девушка достигает половой зрелости), он будет проклят.

Трудно сказать, сколько проживало в Бенгалии сто лет назад таких одиннадцатилетних «старых дев», но из литературы явствует, что любой отец предпринимал все возможное, чтобы выдать свою дочь замуж как можно раньше. В подкасте вайдья было, например, принято, чтобы две беременные женщины давали обет поженить своих будущих детей, если они родятся разнополыми. Некоторые члены других каст очень удивлялись этому обычаю. Не потому, конечно, что решение будущих матерей было несколько преждевременным, а потому, что при этом иногда случалось, что невеста могла быть немножко старше жениха.

Нельзя, конечно, думать, что выданные замуж маленькие девочки с момента свадьбы проживали вместе со своими мужьями, которые иногда годились им в дедушки или оказывались немного старше их самих. Дочь выдавали замуж — цель была достигнута, и с отца снималась вина за пренебрежительное отношение к очень важному религиозному долгу. Девочка после свадебного обряда возвращалась к своим куклам в отцовском доме, тем более что будущее ее уже было устроено.

И лишь когда такая невеста достигала половой зрелости, играли своеобразную «вторую» свадьбу — менее торжественную и менее дорогостоящую — и молодую жену в закрытом паланкине отправляли в дом свекра.

Эти паланкины до сих пор являются символом брака, столь же распространенным, как у нас обручальные кольца.

Соответствует ли возраст супружескому сожителю и появлению детей — это, конечно, вопрос взглядов. Уже в XIX веке реформаторы стали выступать против раннего заключения браков и принуждения женщин к преждевременному материнству, которое сказывается отрицательно не только на их здоровье, но и на здоровье детей.

Издание в 1890 году закона, определяющего минимальную возрастную границу невест в двенадцать лет, вызвало среди правоверных индусов резкий отпор. Поначалу на собраниях протеста цитировался Ману и создавалось впечатление, что этот новый закон рушит саму основу тысячелетней культуры, но позднее, когда эта граница была повышена до тринадцати лет, уже никто не протестовал. Реформаторы добились своего. Сегодня девушки с разрешения родителей могут выходить замуж после пятнадцати лет. Если разрешения нет, необходимо ждать наступления совершеннолетия: невесте — до 18 лет, жениху — до 21 года. Центральное правительство, а также правительства штатов стремятся еще более повысить возрастные границы. Чем позднее свадьбы, тем меньше детей. Демографический взрыв — большая проблема Индии. Однако и в настоящее время все еще имеют место преждевременные браки. В бенгальских деревнях я иногда встречала девочек с маленькими братиками и сестричками на руках. Только при внимательном рассмотрении я обнаруживала, что у «старших сестричек» красный пробор в волосах и, собственно, они-то и есть матери.

Однако большинство родителей уже перестали слушаться Ману и считаются только с законом, но — главное — с современной экономической ситуацией.

Молодые люди из средних и высших слоев общества часто женятся в возрасте двадцати восьми — тридцати лет, то есть не только после окончания университета, а после того, как найдут постоянную работу. Если родители жениха ищут невесту со светлой кожей, то, в свою очередь, родители невесты вправе требовать, чтобы их

зять был в состоянии обеспечивать свою будущую семью.

Для этих слоев самый популярный возраст невест — двадцать два — двадцать три года или же на два года старше, если они желают иметь невестку — кандидата наук. Да и сами невесты, как уже было сказано, иногда стремятся немного отсрочить замужество, чтобы успеть найти работу и для себя.

Паланкины, в которых девушка-подросток когда-то отправлялась навстречу своему будущему в неизвестный дом, ныне встречаются лишь на свадебных приглашениях. Современные индийские невесты, точно так же как и наши, мечтают прибыть со свадьбы в машине, да хорошо бы еще с водительскими правами.

Как же выглядит свадебная церемония, о которой взывают девушки к Шиве, хотя они и обладают университетским дипломом? И вообще есть ли на свете девушка, которая не желала бы выйти замуж?

Прекрасно, что, несмотря на все современные взгляды на возраст, образование, социальное положение жениха и невесты, брачная церемония по-прежнему носит традиционный характер. Давайте же проводить реформы там, где это необходимо, и сохраним традиционность там, где она помогает нам ставить жизненные вехи, связывающие нас с предыдущими и последующими поколениями.

Несколько лет назад в Праге в витрине фотоателье я видела свадебную фотографию невесты в белом. На невесте была фата, в руках она держала букет цветов. В красоте ее ног мог убедиться любой, поскольку на девушке были надеты шорты. Я ничего не имею против моды, тем более если она подчеркивает наши достоинства. Я хотела бы только знать, не омрачилась ли радость невесты в сей торжественный момент? Например, не переживала ли она во время подписания брачного договора, что у нее на ногах мурашки, так как в Староместской ратуше всегда прохладно? Любопытно было бы услышать также, как будут комментировать потом эту свадебную фотографию ее внуки. Ведь у моды весьма капризный характер.

Бенгальские невесты и женихи избавлены от подобных опасностей. Они выходят замуж и женятся в тех же нарядах, что и их бабушки и дедушки, хотя, конечно, пышности несколько поуменилось и сами свадебные обряды сократились на несколько дней. Бабушки на фо-

тографии, обращая взор из-под опущенных век на своего избранника пятьдесят лет назад, выглядят точно так же, как и внуки на современных фотографиях.

Вступлению в супружество индийцы придают огромное значение, достойное этого важнейшего в нашей жизни события.

Впервые с бенгальской свадьбой я столкнулась, не успев еще и прибыть в Бенгалию, а именно в Бомбее. Я пришла в гости в семью микробиолога, знакомого еще по Праге, где я видела его только в европейской одежде. Он показал мне свои свадебные фотографии.

Наряд невесты на этих фотографиях точно соответствовал торжественной традиции: сари, множество драгоценностей, на голове очаровательная диадема. Сам микробиолог, в отличие от невесты, одетой в красное, был весь в белом. На нем были дхоти и длинная куртка, на шее — белая гирлянда из цветов, голову увенчивала высокая, конусообразная белая шляпа с павлиньим пером, в ушах — колеблющиеся подвески. Я поинтересовалась, из чего сделан этот удивительный головной убор. Оказывается, его делают из шолы — тростниковой мякоти. Из этого же материала была выполнена и диадема невесты. Он сказал мне, что шола — вообще традиционный материал для украшений. На всех статуях божеств в дни религиозных праздников можно видеть диадемы и многие другие украшения, сделанные из шолы.

Поскольку был период праздников, посвященных самой популярной богине — Дурге, я имела возможность проверить сказанное мне. В Калькутте я посетила квартал гончаров, где статуэтки Дурги производятся в большом количестве. Именно там и жили специалисты по изготовлению украшений из шолы. Они восседали по-турецки на прилавках магазинчиков, придерживая ногами ножи, и с быстротой молнии с помощью этих ножей ловкими руками выделывали из куска шолы украшения: большие и маленькие звездочки, колечки с зубчиками, которые украшают диадему, листочки, бутончики лотоса, легко разворачивающиеся благодаря упругости материала. Вся эта белоснежная красота наклеивается затем на вырезанное из бумаги основание. Таким образом и возникают белые диадемы сказочной красоты.

Жаль, что диковинный головной убор жениха вызвал у меня лишь ассоциацию со свадебным шестиэтажным тортом или же со шляпой волшебника-чародея. Я видела этот убор потом несколько раз не только на фото-

графиях, но и на живых женихах. Однажды я ехала в поезде с группой участников свадебной церемонии, которые везли этот торжественный убор из Шантиникетона в Калькутту (не знаю, может, в Шантиникетоне эти произведения искусства дешевле?). Убор был красиво упакован в тонкую бумагу, и в дорожной толчее его бережно несли на высоко поднятых руках над головами. И тем не менее, несмотря на заботу, проявляемую к этому предмету, я никак не могла отделаться от ощущения, что из этой шляпы кто-то начнет, как фокусник, вынимать розы или кроликов.

На всех свадьбах, где я была гостьей, меня уверяли, что бенгальская невеста так разодета и разукрашена на случай, если окажется некрасивой. Конечно, это было только шуткой.

Элементы наряда невесты сами по себе прекрасны: ало-золотое бенараси, тонкое как паутинка, розово-золотая тончайшая вуаль, торжественная бело-золотая диадема из шолы, благоухающая гирлянда из свежих цветов, драгоценности тонкой работы, волосы, уложенные в восхитительный узел, глаза, выразительно подчеркнутые черной линией, лоб и щеки, украшенные тонким рисунком,— но все в большом избытке.

Согласно традиции, невеста и жених (и мать невесты) в течение всего свадебного дня соблюдают строжайший пост, хотя в некоторых семьях допускаются отклонения (пьют чай и едят фрукты). Большинство свадеб и по сей день проходят на голодный желудок. Поскольку свадебные обряды совершаются поздно вечером, супружеская пара изрядно страдает от голода.

И жених, и невеста выглядят отрешенно. Такое выражение лиц у нас можно видеть разве у работников, регистрирующих брак в ратуше. Но меня удивил наряд бенгальских священнослужителей. В отличие от нарядных жениха и невесты, у них, кроме дхоти, *чадара* — шарфа и брахманского ожерелья — символа кастовой принадлежности, никаких нарядов и украшений нет.

Свадебный церемониал сложен, и помнить, как все должно протекать, стоит жрецам немалых усилий. К тому же поблизости всегда множество женщин — знатоков семейных обычаев, и они не стесняются высказываться вслух, если жрец ошибается. Неудивительно, что брахман старается очень четко давать свои указания («подайте то, отнесите это» и т. д.), значительно громче, чем во время чтения священных текстов.

Что касается самих текстов, то тут жрецы темного разочаровали меня. Во мне жило представление, что брахманы выступают в роли хранителей древней индийской культуры. Я знала, что всю классическую санскритскую литературу в течение тысячелетий они передавали в устной традиции, и настолько точно, что в произношении нет ни малейшего отклонения, ведь оно могло бы, например, привести к тому, что принесенная жертва вместо пользы нанесла бы ущерб тому, кто ее совершил.

Я с большим нетерпением ожидала услышать на бенгальской свадьбе чтение санскритских текстов из уст профессионалов.

Свадебных текстов по сравнению с огромной классической литературой не так уж много. И тем не менее я не встретила ни разу брахмана, который мог бы читать все свадебные тексты наизусть. Потомки отличавшихся удивительной памятью хранителей индийского образования смотрели во время свадебных обрядов в книжки или же читали по бумажке слово за словом.

Свадебные обряды продолжительны, разнообразны, полны скрытого смысла. Кроме того, они различаются не только у отдельных каст, но и у отдельных семей. Однажды меня пригласили на свадьбу потомка Р. Тагора. Хотя все бенгальцы необычайно почитают Р. Тагора (однако они знают, что он сам и главным образом его отец активно участвовали в реформаторско-религиозном движении), меня уверяли:

— Не стоит идти на эту свадьбу. Их семья — против обрядов.

Оказалось, что семья Р. Тагора весьма чтит древние обряды. Именно там я и увидела наиболее сложные из них.

Замечу, что в распоряжении европейского гостя на бенгальской свадьбе должна быть по крайней мере одна тетушка для объяснения того, что происходит вокруг. Но тетушки, увы, бывают обычно заняты соблюдением ритуала, в особенности следят за тем, кто и какой сделал подарок (свадебные подарки выставляются в особом помещении, и любой интересующийся может узнать, что, например, этот утюг подарил дядя Дилип, а этот кувшин — сосед Гхош), а также присматривают за подготовкой свадебного угощения.

Вот почему на бенгальских свадьбах я была, как правило, предоставлена самой себе и, поскольку индийские свадьбы уже описаны несколькими чешскими авто-

рами, коснусь лишь тех обрядов, которые особенно меня заинтересовали.

Итак, оставим в стороне предварительный церемониал, как, например, родительское благословение, жертвоприношение богине Кали — защитнице от всего злого, натирание порошком куркумы, и перейдем к главной части свадебного обряда в доме невесты, который начинается после захода солнца, в срок, выбранный священнослужителем согласно индуистскому календарю.

Наконец наступает момент, с волнением ожидаемый всеми, — момент «счастливого взгляда», когда молодые впервые видят друг друга.

Жених встает на низкую деревянную табуретку *пири*, украшенную сложным цветным орнаментом специально к свадьбе. Голову жениха родственники обматывают куском материи, чтобы удивление было действительно полным. Потом появляется невеста с тщательно закрытым вуалью лицом. Семь раз она обходит вокруг жениха (по правую руку) в сопровождении кого-нибудь из старших родственников.

В те времена, когда девушек выдавали замуж в детском возрасте, их носили вокруг жениха на руках или на пири старшие родственники. В богатых домах для ношения пири с невестами даже держали особых слуг-помощников. В некоторых семьях этот обычай ношения невест на пири сохранился и по сей день.

После того как невеста семь раз обойдет жениха, вуаль приподнимают и тотчас открывают жениха. Наступает то, чего ждут толпы родственников и гостей, свадебный фотограф и, надо полагать, сами жених и невеста. Хотя невесте приоткрыли вуаль, она по-прежнему упрямо не поднимает глаз, как если бы суженый ее вовсе не интересовал. Родственники шумят, фотограф наготове, но невеста все еще не поднимает глаз: застыла подобно скульптуре.

Наконец двоюродным братьям и сестрам удастся заставить ее сделать «счастливый взгляд». Ресницы поднимаются, фотоаппарат щелкает, родственники выражают энтузиазм, но невеста все еще безмолвна. И так до конца обряда. Потупив взор, невеста обменивается с женихом свадебными гирляндами, затем она подает руку жениху, чтобы ее связали с ним желтой нитью, и, все так же потупив взор, выслушивает торжественное заявление своего отца о том, что он передает ее мужу, и торжественную клятву своего мужа, что он будет за-

ботиться о ней и хранить ее честь. Из-под опущенных век она наблюдает, как связывается узлом конец ее сари с парядом жспиха, и, не поднимая глаз, проходит свои семь шагов вокруг огня — божественного свидетеля обряда.

Все так же с потупленным взором идет она с женихом в спальню. Никто из веселой толпы родственников не обращает внимания на то, что уже поздно и что супругам, возможно, хотелось бы побыть одним. Тетушки, двоюродные сестры, племянницы — вся собравшаяся вокруг компания подшучивает над несчастной парой, порой отпуская острые шуточки.

Покуда невеста с женихом сидят в спальне посреди подшучивающих родственников, остальная публика приступает к торжественной трапезе.

Что наши заботы о том, пригласить или не пригласить на свадьбу какую-нибудь лишнюю тетушку в опасении, что число гостей и без того велико и что, не дай бог, вместо пятнадцати придут двадцать гостей. Все это ничто, если вспомнить, что на индийской свадьбе в торжественной трапезе участвуют вся деревня, весь квартал, все друзья со всеми родственниками, все коллеги и все начальство! Это огромное общество немало съест, поэтому после расходов на приданое траты на угощение — второе по силе бедствие, обрушивающееся на бенгальского отца.

Дом, как правило, мал для подобной церемонии. Ситуация решается по-разному; например, в саду из бамбуковых палок возводится огромный навес и угощение устраивается прямо под ним. Иногда снимается здание школы, если свадьба проходит в праздник. Несколько нанятых поваров заранее готовят угощение, дюжина или несколько дюжин слуг убирают комнаты.

Было время, когда в Индии было плохо с продуктами, и тогда вступило в действие правительственное постановление о том, что на свадьбе должно присутствовать не более пятидесяти человек. Жестокое постановление, но что оставалось делать! К свадебному приглашению в то время прилагалось вежливое добавление: «В соответствии с правительственным распоряжением будет подано лишь легкое угощение. Покорно просим извинить нас» или «Со всей скромностью обращаемся к Вам, чтобы в соответствии с правительственным постановлением Вы принесли с собой продовольственные карточки».

Я забыла упомянуть еще о звуковом оформлении обряда, что является немаловажным элементом праздника. Здесь и торжественная игра на раковине, и горловой звук «улу-лу-лу», и особый распев, которым женщины встречают жениха и невесту, и, конечно, свадебная флейта. Ее щемящее пение, несущееся в тропической ночи, на много миль вокруг разносит весть о свадьбе.

В день, когда супружеская пара идет в дом жениха, происходит торжественная встреча невесты. Хозяйка дома с лампадкой в руке приветствует невесту и посыпает ее голову на счастье священной травой и рисом. Затем следует множество действий, сводящихся к тому, что невеста будет для этого дома настоящей богиней счастья Лакшми; невеста в ответ должна подержать на боку кувшин, полный воды (чтобы стать работающей), ступить в каменную чашу с подкрашенным молоком (чтобы стать прекрасной), подержать в руках живую рыбу (чтобы родить мужу много детей).

После этого свекровь дает снохе еду. Но и эта услуга имеет свой строгий порядок. Свекровь садится на землю с вытянутыми ногами, усаживает сына, а по его левую руку — молодую жену, потом собственной рукой угощает их молоком и сладостями.

В доме мужа устраивается угощение, во время которого гостей обслуживает невеста. Сначала муж вручает жене два сари и поднос с горкой риса и заявляет, обращаясь к присутствующим как к свидетелям, что отныне берет на себя ответственность за ее питание и одежду до конца жизни. После этого молодая угощает всех рисом. Сначала подносит мужу, а затем каждому присутствующему кладет на его банановый листок горсть за горстью со своего подноса.

Эта трапеза осталась бы чисто символической, если бы слуги со своими ведрами, полными свадебных угощений, тут же энергично не бросались наполнять банановые листья припасенными яствами.

Еще одна очаровательная церемония — «цветочное ложе»: в спальне невесту с головы до пят украшают цветами, и в этот миг она действительно сказочно прекрасна.

Существует множество легенд, объясняющих, почему обязана поститься мать невесты и почему мать жениха, наоборот, должна в день свадьбы съесть семь больших блюд, почему жених с невестой не смеют вместе спать во вторую свадебную ночь, но разъяснение всего этого за-

няло бы слишком много места. Так что бросим в жениха и невесту горсть риса и ракушек, пожелаем им при этом счастливого благополучия и подумаем о том, так ли уж, как, возможно, нам сначала показалось, жесток обычай вступать в брак по родительскому велению. В пользу традиционной бенгальской свадьбы говорит аргумент, приводимый самими бенгальцами в дискуссиях на эту тему (во время которых я представляла, естественно, европейскую точку зрения), — сравните процент разводов в Бенгалии и в Чехословакии, и ответ будет совершенно однозначен: число разводов в Чехословакии во много раз превышает число разводов в Бенгалии.

Но подобный подход был бы все же слишком прост, чтобы оказаться правдивым. У нас число неудачных браков можно измерить числом разводов. В Индии это не так. Иными словами, если бы для бенгалки развод был так же прост, как и для наших женщин, то, вероятно, процент разводов значительно увеличился бы. Но пока решение семейного кризиса путем развода в индийском обществе непопулярно. И тот, кто решается на подобный шаг, подвергается осуждению со стороны своего окружения, что в Индии намного хуже, чем неудавшийся брак. Можно ли считать, что бенгальское супружество более мучительно, чем наше? По-видимому, нет.

Я утверждаю, что в браке рядовая бенгалка и рядовой бенгалец черпают гораздо больше радости, чем средняя чехословацкая пара. Но и не все безоблачно. Счастье — не заключительная страница романа для девушек. В постоянном кипении чувств всю жизнь не проживешь! Бенгальское отношение к супружеству можно выразить следующей формулой: «предназначенность, неразделимость и необратимость выбора».

Мало ли этого для счастья? Для нас, наверное, мало. Однако у бенгальцев, в отличие от нас, это чувство длится всю жизнь.

Мы теряем голову от счастья в медовый месяц. Но как только оказывается, что она не хочет готовить ужин, а он — мыть посуду, наступает разочарование. Наше супружеское счастье, как правило, не выдерживает испытания бытом. Бенгальцы же в супружестве нацелены на повседневность, и в этом прочность их отношений.

Однако вернемся еще раз к выбору партнера.

Нам кажется ниже нашего достоинства, чтобы мужа или жену выбирал кто-то другой. Хорошо, но как же на

самом деле выглядит наш так называемый «самостоятельный, единственно правильный выбор»?

Если нам восемнадцать лет и меньше, нам нравится девушка (или молодой человек), у которой (которого) красивые глаза и фигура, она (он) умеет хорошо танцевать и играть на гитаре. Если нам двадцать три года и больше, для нас притягателен партнер с одинаковыми культурными интересами и взглядами на положение в обществе.

Мы выходим замуж и женимся, и все наши одинаковые взгляды на кубизм и эмансипацию отодвигаются в сторону вместе с гитарой. Прошло время прогулок, походов, концертов, выставок, появились дети, уборки, готовка и т. д. Мы готовы простить мужу незнание в области додекафонии, только бы он каждый день приводил ребенка из яслей. А жена? Пусть она будет кривоногой, лишь бы в воскресенье на столе у нас появилось блюдо пирожков, а белье было в порядке.

Неужели выбор оказался ошибкой? Мы выбирали как умели, выбирали самое лучшее в полном соответствии с нашими возрастными представлениями. Здесь мы подходим к сути дела: все это — требования до супружества. Мы даже представления не имели, что должны или не должны требовать от партнера. Мы думали о вечной любви. Но партнер нам нужен для повседневной жизни — работы, заботы о детях, для заработка хлеба насущного, помощи в болезнях. Теперь это становится для нас самым существенным.

В спешке рабочего дня мы иногда успеваем заметить, что у мужа красивые глаза (но эти глаза должны нам улыбаться, а не метать молнии за то, что на ужин опять одни шпроты), а у жены красивая фигура (но она не должна вставать в боевую позицию каждый раз, когда после собрания вы возвращаетесь домой поздно).

Факт, однако, остается фактом. В супружеской жизни в большинстве случаев важны совершенно иные качества, нежели при досвадебном знакомстве. При выборе партнера мы часто не знаем этого, не слушаем советов и не обязаны их выслушивать.

Индийские юноши и девушки такие советы не только выслушивают, они их слушать обязаны. Всегда ли правильны эти советы? Оставим в стороне эмоции и постараемся взглянуть на дело беспристрастно.

Хотя в Индии судьбу молодых людей решают отец и мать, вряд ли можно думать, что родители желают

собственному ребенку несчастья. Я не говорю здесь о безусловно реакционном кастовом подходе, к тому же в наше время он, к счастью, теряет свою прежнюю силу. Лица, принимающие решение, имеют немалый супружеский опыт, поэтому они могут выдвигать требования, которые их чадам и в голову не пришли бы.

И еще. Когда мы говорим о критериях оценки невесты, мы видим, что они носят не только практический, но и эстетический характер — короче говоря, такой, на котором настаивали бы сами чада, если бы им дали слово.

На всех таких свадьбах я видела, что жених несколько старше и выше невесты, жених и невеста имеют соответствующее образование и оба настолько красивы, насколько родители в силах найти привлекательного партнера. Могли бы жених и невеста достигнуть чего-то большего, если бы выбирали партнера по своему вкусу?

Я знаю, для нас было бы, наверное, унижительно раз десять показываться на смотринах в толпе чужих людей. Но разве не унижительно раз десять отпрапляться на танцы, да так и просидеть целый вечер у стенки только потому, что мы несколько полнее, чем это сейчас принято (ибо критерии красоты, как бы они ни различались, все равно ничего не значат)? Разве, собственно, не все равно, оценивает нас будущая свекровь или сам будущий жених?

О, конечно, конечно! Свадебные истории, о которых я вам рассказывала, не очень-то свидетельствуют в пользу свадеб по решению родителей. Во-первых, их описывала европейская женщина, подчеркивающая в основном их отрицательные стороны. Во-вторых, с бенгальской точки зрения все они закончились благополучно. Разве так важно, что мужа Минакши заставили вернуться? Важно, что он все-таки вернулся. Разве важно, вполне ли самостоятельны наши собственные решения?

В общежитии меня удивляло, как не ревниво относились девушки к красоте своих подруг. У нас в девичьих общежитиях мы часто бываем свидетелями ревнивых высказываний:

— Это у нее-то красивые волосы?

— Это у нее-то красивая фигура?

Неудивительно, ибо сразу же за воротами общежития начинается битва за партнеров. Шантиникетонские девушки таких битв не ведут. Они спокойны, их поведут другие и с лучшим оружием. Наши девушки не могли

бы появиться на танцах с лозунгом «Хотя у меня и не такие красивые ноги, родители накопили мне на кооперативную квартиру». Не уверена, что призыв не подействовал бы. Примитивный материализм? Но разве погоня за красивыми ногами — нечто возвышенно-духовное? При обговаривании бенгальской свадьбы учитываются все качества, в том числе и те, что на первый взгляд не видны.

Я поведала истории, которые поразили меня, отчасти для того, чтобы показать, что я на стороне бенгальских обычаев, отчасти потому, что они хороши для рассказа. Но я могла бы привести целый ряд примеров счастливых браков по родительскому велению. Я могу, например, написать, что брак бомбейского микробиолога, так заинтересовавшего меня своим свадебным головным убором, — образцовый, потому что в семье прекрасная атмосфера и полное взаимопонимание. То же могу сказать об инженере из Ранчи, жена которого, согласно прежним представлениям, вышла замуж за человека из более низкой касты, чем она, и о многих других людях из Ранчи, с которыми я познакомилась еще в Чехословакии, а с их семьями в Индии. Все они счастливы. Что тут скажешь?

Разве только то, что бенгальские супруги испытывают глубокую благодарность к тем, кто устроил их брак. Например, мой шантиникетонский профессор, брак которого из всех известных мне я по сей день считаю одним из самых счастливых. Однажды профессор попросил меня не приходить завтра на консультацию:

— Знаете, к нам в гости приедет дядюшка, тот самый, который устроил нашу свадьбу.

Он и его жена мечтательно улыбались. Они были очень похожи на нашу счастливую пару, которая во время прогулки вспоминает:

— Помнишь, на этой скамейке мы впервые поцеловались...

Я не хочу утверждать, что лучше выйти замуж по-бенгальски, чем по-чешски. Выбор жизненного партнера — дело сложное, но жизнь невозможно повернуть назад, то есть прийти к подобным свадьбам и у нас. Я только хочу сказать: если уж мы так гордимся, что можем и умеем самостоятельно выбирать партнера, то обязаны и всем своим поведением после свадьбы доказывать правоту своего выбора.

Знакомо ли вам чувство, которое испытываешь или перед отъездом в далекое путешествие, или перед школьным экзаменом, или при каком-то жизненном испытании? Со всех сторон несутся подбадривающие:

— Ни пуха ни пера!

— Возвращайся жива-здорова!

— Будь осторожна, моя девочка! — Это уже голос матери, и затем тишина.

Вы идете по взлетной полосе аэродрома к крылатому чудовищу, а может, по улице, заканчивающейся воротами школы. Вы одна и ощущаете себя совсем маленькой и беспомощной.

До сих пор вы были заняты сборами — чемоданами, пакетами, зонтиками, бесконечными разговорами, вам давали советы, подбадривали. И вдруг — пустота. Только чувство холодной легкости, от которой захватывает дух. И вы желаете одного — чтобы холод этот отпустил вас, чтобы вновь зазвучало «ни пуха ни пера» и, наконец, самое главное: «Будь осторожна, моя девочка!» Думаю, такое случается с каждым, даже когда ему далеко за пятьдесят. А я в то время была намного моложе.

Я смотрела через круглое окошко на маленькую машущую руку моей матери и тихонько плакала, жалея себя. Страшно подумать, целый год никто не поправит на мне одежду, не приласкает и не скажет:

— Не горбись, не горбись, пожалуйста!

Для всех я буду только иностранкой, символом учебной программы. Никто не подумает о том, голодна я или нет. Кто теперь развеет мои страхи? Ведь в глубине души каждый из нас навсегда остается ребенком.

Во мне, однако, этого ребенка признали, и это сделали мои бенгальские мамы.

С первой я познакомилась через месяц после приезда в Индию, в Шилигури, городке, расположенном на склонах Гималаев. Я приехала туда со своей подругой по общежитию на десять дней, на время школьных каникул. Подруга хотела потрясти меня чайной плантацией, принадлежащей ее отцу, а поразила свежим молоком и яйцами! После месяца питания в столовой сметана и яичница показались мне куда более привлекательными, чем все плантации на фоне Гималаев. Родитель-

ский дом моей приятельницы удачно соединял в себе и то и другое.

Нас встретили шумный господин в башмаках на босу ногу и худенькая женщина в очках. Она обрадовалась тому, что я знаю бенгальский язык, ведь она, к сожалению, не говорит по-английски. Затем она исчезла в кухне, оставив меня в гостиной. Служанка принесла чай с печеньем, приятельница включила проигрыватель — зазвучали мелодии английских шлягеров.

После третьей пластинки меня охватила меланхолия, к концу дня я стала подумывать: стоило ли уезжать из долины Ганга ради вида на Гималаи? К тому же национальное блюдо здесь — чай с печеньем, а музыка — английские шлягеры. Кроме того, становилось все холоднее. Я так привыкла к южнобенгальскому климату, что совсем забыла о том, что где-то на свете — тем более в Бенгалии — может быть холодно. Я приехала в летнем платье и тонкой кофточке.

По гостиной гулял ветер, на полу лежали шкуры пум, и я завидовала этим зверям, которым до самой смерти было тепло. Наконец приятельница предложила мне свое сари. Оно было не намного основательнее моего летнего платья, но зато до пят. Закутанная в сари, я предавалась одиночеству. Подруга куда-то убежала. «Наверное, готовит ужин», — подумала я.

Музыка смолкла. И вдруг в наступившей тишине из соседней комнаты послышалось нежное пение: кто-то напевал детскую песенку.

Я слушала и покачивалась из стороны в сторону, затем не выдержала и постучала в дверь.

Голос утих, но никто не пригласил меня войти. Пение возобновилось. Какое-то время я стояла в нерешительности, но затем, отбросив все условности, проскользнула в комнату.

На полу, скрестив ноги, сидела мать моей подруги. На коленях у нее покоилась головка толстенькой пятилетней девочки. Женщина держала девочку за руки и ритмично похлопывала ее по ладошкам. Обе улыбались — ребенок сонно, мать с любовью. Мое появление прервало пение. Женщина испуганно посмотрела на меня. Замешательство было взаимным.

Меня поразил контраст. По одну сторону дверей — большая гостиная в европейском стиле, со шкурами и проигрывателем, по другую сторону — темная комнатка с единственной широкой постелью для всей семьи, с пи-

рамидкой чемоданов, едва прикрытой батиком, со стопкой книг наверху, да еще вешалки для сари. В углу на полу — чадающая переносная глиняная печурка. И в центре — засыпающий ребенок.

За моей спиной — холодная парадная комната и пустая, выхолощенная музыка. Передо мной — тепло и запах тушеного мяса, сковородочки на огне, нежная колыбельная песенка, напеваемая молодым голосом, и сияющие глаза. Сначала они были спрятаны за стеклами очков. Только теперь я увидела, какие они огромные, прекрасные и ласковые.

Удивление хозяйки дома можно было бы выразить в словах: «Господи, что ей здесь надо? Хотя она ведь в сари и держится скромно!» Эти мысли вылились в предложение, сказанное так быстро после моего неприличного вторжения, что паузу уже нельзя было назвать мучительной:

— Входи, входи, ты хочешь послушать колыбельную?

Я благодарно осознала, что она перешла со мной на «ты», и присела возле нее на пол. С этого момента она обращалась со мной по-матерински.

Девочка уже давно спала, но колыбельная звучала снова и снова. Заметив, что колыбельные песни мне нравятся, моя новая мама запела еще раз, уже после ужина, у моей постели, и стала уже по моим рукам ритмично похлопывать.

Кстати, ужин должен был готовиться здесь же, в комнатке, а не на кухне, потому что кухарка оказалась правоверной индуской и навсегда отказалась бы готовить в кухне, оскверненной мясом убитых зверей.

Я жила в своем новом доме как в откормочном пункте (так назвала бы его моя чешская мама). Бенгальская мама старалась продемонстрировать мне все чудеса бенгальской кухни. Она появлялась в дверях с дымящимися подносами и с улыбкой на губах:

— Сегодня мы угостим Гану шингарой.

И она клала мне на тарелку новое блюдо. Утром одно, перед обедом другое: и все вкусное, аппетитное и объемное.

Потом случилось то, что и должно было случиться. Такое в Индии по разным причинам происходит со всеми европейцами. Я же не выдержала резкой перемены меню. Целый месяц постной рисовой диеты, а затем избытке фруктов и жирных домашних блюд. В результате заболела.

Болезнь в гостях я всегда считала бестактным. Гость не должен быть в тягость хозяевам. Находясь среди чужих, я всегда стремилась не выдать даже головной боли. Даже болея дома, иногда чувствуешь, что ты мучаешь домочадцев. Единственный человек, рядом с которым не испытываешь неловкости,— это мама. Ее ласковая забота делает вас героем дня.

В Шилигури мне стало совсем плохо. Я мечтала посмотреть на Гималаи вблизи, но, к сожалению, не могла ни на минуту оторваться от туалета.

Я оказалась в мучительной ситуации. Мне было стыдно перед всеми и — главное — перед ласковой хозяйкой, потому что я видела, как та переживала мою болезнь, вызванную ее поварским искусством. Сначала мне казалось, что ее хлопоты — традиционные обязанности хозяйки по отношению к гостю, но вскоре поняла, что это заботы матери.

Мама вставала ночью и укрывала меня теплым одеялом, варила мне неперченую и несоленую курицу, поступаясь своими привычками, ибо где-то вычитала, что в Европе в подобных обстоятельствах мы питаемся таким образом. Она ходила по дому и, прикладывая палец к губам, шептала:

— Т-с-с, Гана уснула.

Клала мне на живот грелки с горячей водой и, чтобы успокоить, даже лгала, будто только на следующей неделе путь в горы очистится.

Она вовлекала в эту заботливость всех членов семьи. Путь к туалету вел из гостиной комнаты через веранду, где к обеду собиралась вся семья. Когда я устремлялась туда, меня встречали сочувствующие взгляды. Когда возвращалась, меня встречали вопросы, которых в Европе, как правило, не задают, разве среди близких. Не знаю, было ли и это выражением того, что меня приняли в семью. В любом случае мне стало ясно, что спрашивали не из любопытства, а из сострадательного интереса к ходу моей болезни.

Наконец я поправилась, и круги под мамиными черными глазами немного посветлели. Я увидела Гималаи вблизи, отпраздновала в семье праздник огней. Между тем близился мой отъезд. Когда нас провожали на вокзал, мама моей приятельницы плакала, но я подавляла слезы, думая, что с моей стороны было бы глупо нарушать их прощание. Позже я поняла, что это было прощание матери с двумя дочерьми. Когда черноокая

Знакомо ли вам чувство, которое испытываешь или перед отъездом в далекое путешествие, или перед школьным экзаменом, или при каком-то жизненном испытании? Со всех сторон несутся подбадривающие:

— Ни пуха ни пера!

— Возвращайся жива-здорова!

— Будь осторожна, моя девочка! — Это уже голос матери, и затем тишина.

Вы идете по взлетной полосе аэродрома к крылатому чудовищу, а может, по улице, заканчивающейся воротами школы. Вы одна и ощущаете себя совсем маленькой и беспомощной.

До сих пор вы были заняты сборами — чемоданами, пакетами, зонтиками, бесконечными разговорами, вам давали советы, подбадривали. И вдруг — пустота. Только чувство холодной легкости, от которой захватывает дух. И вы желаете одного — чтобы холод этот отпустил вас, чтобы вновь зазвучало «ни пуха ни пера» и, наконец, самое главное: «Будь осторожна, моя девочка!» Думаю, такое случается с каждым, даже когда ему далеко за пятьдесят. А я в то время была намного моложе.

Я смотрела через круглое окошко на маленькую машущую руку моей матери и тихонько плакала, жалея себя. Страшно подумать, целый год никто не поправит на мне одежду, не приласкает и не скажет:

— Не горбись, не горбись, пожалуйста!

Для всех я буду только иностранкой, символом учебной программы. Никто не подумает о том, голодна я или нет. Кто теперь развеет мои страхи? Ведь в глубине души каждый из нас навсегда остается ребенком.

Во мне, однако, этого ребенка признали, и это сделали мои бенгальские мамы.

С первой я познакомилась через месяц после приезда в Индию, в Шилигури, городке, расположенном на склонах Гималаев. Я приехала туда со своей подругой по общежитию на десять дней, на время школьных каникул. Подруга хотела потрясти меня чайной плантацией, принадлежащей ее отцу, а поразила свежим молоком и яйцами! После месяца питания в столовой сметана и яичница показались мне куда более привлекательными, чем все плантации на фоне Гималаев. Родитель-

ский дом моей приятельницы удачно соединял в себе и то и другое.

Нас встретили шумный господин в башмаках на босу ногу и худенькая женщина в очках. Она обрадовалась тому, что я знаю бенгальский язык, ведь она, к сожалению, не говорит по-английски. Затем она исчезла в кухне, оставив меня в гостиной. Служанка принесла чай с печеньем, приятельница включила проигрыватель — зазвучали мелодии английских шлягеров.

После третьей пластинки меня охватила меланхолия, к концу дня я стала подумывать: стоило ли уезжать из долины Ганга ради вида на Гималаи? К тому же национальное блюдо здесь — чай с печеньем, а музыка — английские шлягеры. Кроме того, становилось все холоднее. Я так привыкла к южнобенгальскому климату, что совсем забыла о том, что где-то на свете — тем более в Бенгалии — может быть холодно. Я приехала в летнем платье и тонкой кофточке.

По гостиной гулял ветер, на полу лежали шкуры пум, и я завидовала этим зверям, которым до самой смерти было тепло. Наконец приятельница предложила мне свое сари. Оно было не намного основательнее моего летнего платья, но зато до пят. Закутанная в сари, я предавалась одиночеству. Подруга куда-то убежала, «Наверное, готовит ужин», — подумала я.

Музыка смолкла. И вдруг в наступившей тишине из соседней комнаты послышалось нежное пение: кто-то напевал детскую песенку.

Я слушала и покачивалась из стороны в сторону, затем не выдержала и постучала в дверь.

Голос утих, но никто не пригласил меня войти. Пение возобновилось. Какое-то время я стояла в нерешительности, но затем, отбросив все условности, проскользнула в комнату.

На полу, скрестив ноги, сидела мать моей подруги. На коленях у нее покоилась головка толстенной пятилетней девочки. Женщина держала девочку за руки и ритмично похлопывала ее по ладошкам. Обе улыбались — ребенок сонно, мать с любовью. Мое появление прервало пение. Женщина испуганно посмотрела на меня. Замешательство было взаимным.

Меня поразил контраст. По одну сторону дверей — большая гостиная в европейском стиле, со шкурами и проигрывателем, по другую сторону — темная комнатка с единственной широкой постелью для всей семьи, с пи-

рамидкой чемоданов, едва прикрытой батиком, со стопкой книг наверху, да еще вешалки для сари. В углу на полу — чадаящая переносная глиняная печурка. И в центре — засыпающий ребенок.

За моей спиной — холодная парадная комната и пустая, выхолощенная музыка. Передо мной — тепло и запах тушеного мяса, сковородочки на огне, нежная колыбельная песенка, напеваемая молодым голосом, и сияющие глаза. Сначала они были спрятаны за стеклами очков. Только теперь я увидела, какие они огромные, прекрасные и ласковые.

Удивление хозяйки дома можно было бы выразить в словах: «Господи, что ей здесь надо? Хотя она ведь в сари и держится скромно!» Эти мысли вылились в предложение, сказанное так быстро после моего неприличного вторжения, что паузу уже нельзя было назвать мучительной:

— Входи, входи, ты хочешь послушать колыбельную?

Я благодарно осознала, что она перешла со мной на «ты», и присела возле нее на пол. С этого момента она обращалась со мной по-матерински.

Девочка уже давно спала, но колыбельная звучала снова и снова. Заметив, что колыбельные песни мне нравятся, моя новая мама запела еще раз, уже после ужина, у моей постели, и стала уже по моим рукам ритмично похлопывать.

Кстати, ужин должен был готовиться здесь же, в комнатке, а не на кухне, потому что кухарка оказалась правоверной индуской и навсегда отказалась бы готовить в кухне, оскверненной мясом убитых зверей.

Я жила в своем новом доме как в откормочном пункте (так назвала бы его моя чешская мама). Бенгальская мама старалась продемонстрировать мне все чудеса бенгальской кухни. Она появлялась в дверях с дымящимися подносами и с улыбкой на губах:

— Сегодня мы угостим Гану шингарой.

И она клала мне на тарелку новое блюдо. Утром одно, перед обедом другое: и все вкусное, аппетитное и объемное.

Потом случилось то, что и должно было случиться. Такое в Индии по разным причинам происходит со всеми европейцами. Я же не выдержала резкой перемены меню. Целый месяц постной рисовой диеты, а затем избытке фруктов и жирных домашних блюд. В результате заболела.

Болезнь в гостях я всегда считала бестактным. Гость не должен быть в тягость хозяевам. Находясь среди чужих, я всегда стремилась не выдать даже головной боли. Даже болея дома, иногда чувствуешь, что ты мучаешь домочадцев. Единственный человек, рядом с которым не испытываешь неловкости,— это мама. Ее ласковая забота делает вас героем дня.

В Шилигури мне стало совсем плохо. Я мечтала посмотреть на Гималаи вблизи, но, к сожалению, не могла ни на минуту оторваться от туалета.

Я оказалась в мучительной ситуации. Мне было стыдно перед всеми и — главное — перед ласковой хозяйкой, потому что я видела, как та переживала мою болезнь, вызванную ее поварским искусством. Сначала мне казалось, что ее хлопоты — традиционные обязанности хозяйки по отношению к гостю, но вскоре поняла, что это заботы матери.

Мама вставала ночью и укрывала меня теплым одеялом, варила мне неперченую и несоленую курицу, поступаясь своими привычками, ибо где-то вычитала, что в Европе в подобных обстоятельствах мы питаемся таким образом. Она ходила по дому и, прикладывая палец к губам, шептала:

— Т-с-с, Гана уснула.

Клала мне на живот грелки с горячей водой и, чтобы успокоить, даже лгала, будто только на следующей неделе путь в горы очистится.

Она вовлекала в эту заботливость всех членов семьи. Путь к туалету вел из гостиной комнаты через веранду, где к обеду собиралась вся семья. Когда я устремлялась туда, меня встречали сочувствующие взгляды. Когда возвращалась, меня встречали вопросы, которых в Европе, как правило, не задают, разве среди близких. Не знаю, было ли и это выражением того, что меня приняли в семью. В любом случае мне стало ясно, что спрашивали не из любопытства, а из сострадательного интереса к ходу моей болезни.

Наконец я поправилась, и круги под мамиными черными глазами немного посветлели. Я увидела Гималаи вблизи, отпраздновала в семье праздник огней. Между тем близился мой отъезд. Когда нас провожали на вокзал, мама моей приятельницы плакала, но я подавляла слезы, думая, что с моей стороны было бы глупо нарушать их прощание. Позже я поняла, что это было прощание матери с двумя дочерьми. Когда черноокая

мама назвала меня при прощании доченькой, я подумала, что это под влиянием минуты.

Потом в общежитие стали приходить посылки. Собственно, полупосылки. Мама из Шилигури удвоила содержание того, что посылала раньше, потому что к одной дочери у нее прибавилась вторая — «дочь из далекой страны», как она меня называла. Итак, в общежитие стали прибывать посылки, делимые пополам: две домашние лепешки, два мешочка сладостей, четное число мандаринок, два сложенных листочка бумаги, на одном «Моей любимой Буль-Буль», на втором «Моей любимой Гане». Дело, конечно, не в еде. Главное для меня было то, что за несколько сотен километров, на севере, теперь был человек, для которого после моего отъезда его собственный дом опустел, что в этой далекой от родины стране я уже не одинока, что здесь у меня есть та, кто свой дом считает и моим. А значит, я уже не в далекой стране, а немножко и дома.

Конечно, писать милые письма может кто угодно, но соединить горячее чувство с домашними лепешками и с заботой о том, не дует ли вам ночью в спину, — это может только мама.

*Шилигури, первого дня месяца
картика, года 1373 бенгальского
летосчисления.*

Моя любимая Гана!

Вот уже неделя, как вы уехали, а ты еще ничего не написала. Я беспокоюсь, хорошо ли вы доехали. Здесь теперь все опустело. Мы все о вас думаем. Я особенно часто вспоминаю вас по вечерам, когда ложусь спать.

Ты уже купила теплое одеяло? Ночи теперь холодные, смотри не простудись! Ты знаешь, как я страдаю со своей больной спиной.

Посылаю тебе немножко сладостей. Эти шарики называются «наркел нару», их готовят из кокоса и сахара. Если они тебе понравятся, я напишу тебе рецепт, чтобы ты их могла приготовить своей маме. Можно ли у вас достать кокос?

Напиши скорее, Гана, я беспокоюсь. Учись хорошо и передай маме и отцу от нас всех большой привет.

Твоя мама.

Со своей второй индийской мамой я познакомилась в Шантиникетоне.

Какая-то незнакомая бенгалка на ломаном английском языке спросила меня, как пройти на почту, я объяснила ей по-бенгальски. Она удивленно и ласково посмотрела на меня.

Через четырнадцать дней ко мне зашла соседка по общежитию и принесла новое сари:

— Это тебе послала наша мама.

— Как? — удивилась я. — Ведь я ее не знаю.

— Знаешь. Недавно ты ей показала дорогу на почту. Ей очень понравилось, что ты знаешь бенгальский и носишь сари. Она заметила, что твое сари уже поношенное. Вот она и купила новое. Ты не обижайся, она сделала это от чистого сердца.

Эта мама жила в Калькутте. Когда потом я приезжала туда, то всегда заходила к ней в гости. И при этом руководствовалась не только нежными дочерними чувствами. Часто приходила потому, чтобы переночевать. Это было очень удобно. Мне не надо было заранее ничего заказывать, и я могла быть уверена, что в любое время их дом для меня открыт и моя калькуттская мама будет рада приготовить что-нибудь вкусенькое.

Во время своего последнего визита в Калькутту я приехала в десять часов вечера и с вокзала позвонила маме только затем, чтобы сообщить, что зайду к ней завтра. С решительностью, свойственной всем матерям, она заявила, что мне незачем ночью бродить в поисках гостиницы, и потребовала, чтобы я тут же ехала к ним.

Через час возле их дома, у остановки трамвая (с десяти часов), меня ожидал один из маминых сыновей (а значит, мой брат), а дома — ужин и сияющая мама. Она беспокоилась, что до своего отъезда из Индии я не успею к ним зайти.

У меня много бенгальских матерей. Они меня словно удочерили. Я познакомилась за тот год со множеством бенгальских домов, и только сначала у меня бывало чувство, что я вхожу в дом как иностранка. Потом я поняла, что мои бенгальские мамы принимали меня за члена своей семьи. В дверях обычно возникала фигура хозяйки со связкой ключей, прикрепленной к уголку сари. С улыбкой она приглашала войти в дом:

— Входи, доченька. — Эти слова открывали мне двери в дома моих новых друзей.

«Как просто, — часто думала я над тарелкой жареной

рыбы, окруженная материнской заботой.— Стоит научиться немного бенгальскому языку, слегка приспособиться к бенгальскому образу жизни, и у тебя появится сколько угодно преданных родственников. Бенгальцев около 100 миллионов. Из этого числа — половина женщин. А из них приблизительно четверть, которые по возрасту годятся мне в мамы. Правда, не все они могут угостить меня жареной рыбой, потому что на это у них нет денег. Важно то, что все эти миллионы отнесутся ко мне по-матерински».

С одной стороны, это странно, с другой — нет. Если бы мне пришлось отправиться в Англию, то ни знание английского языка, ни решимость приспособиться к английскому образу жизни не помогли бы мне приобрести соответствующие миллионы потенциальных матерей. Не произошло бы этого со мной ни в Германии, ни в Чехословакии, ни в любой другой стране, где женщины эмансипированы. Потому-то там и нет этих миллионов «мам», зато есть женщины-токари, женщины-врачи, проводницы и т. д. Конечно, эти женщины тоже матери, но прежде всего они — работницы.

Бенгальской женщине материнство предназначено самим ее рождением. Если же судьба обойдет ее, то это будет считаться тягчайшим проклятием. Европейские женщины стремятся найти себя, прежде всего, в какой-нибудь конкретной профессии. И лишь потом, когда выходят замуж, они не перестают удивляться, почему никто не сказал им, что быть матерью — это сложнейшее искусство и труд, требующие нервов и времени — ежедневно, всю жизнь. Идти бы нашим детям из детского садика домой, чтобы мамы пожалели и отогрели их! Но идти им некуда, да, собственно, где же их настоящий дом, если мамы восемь часов находятся на службе!

Я, конечно, знаю, что в реальной жизни все обстоит не совсем так. Я не хотела бы стать бенгальской мамой, потому что знаю, какова ее жизнь. Я хочу лишь сказать: в Бенгалии в полной мере можно ощутить чувство дома — неколебимо стоящей семейной крепости.

Нам, видимо, покажется крайне непрактичным такое домашнее времяпрепровождение, никак не пополняющее к тому же семейный бюджет. Но не забываем ли мы при этом, что семейная экономика — не только деньги, но и целый ряд таких трудно исчислимых факторов, как уверенность, безопасность, спокойствие?

Посмотрим, однако, как выглядит другая сторона ме-

дали — та, которая сделала невозможной уже саму мысль о том, что я могла бы в Бенгалии выйти замуж.

Положение женщины в семье зависит от того, какую работу она выполняет, и от того, как к ней относятся остальные члены семьи.

Мне стоило огромных трудов как следует разглядеть работу моих бенгальских мам вблизи. Главное место их деятельности — кухня, — как правило, строго отделено от приемных помещений. Здесь, безусловно, принимается во внимание и гигиена, и удобство гостей. И мы стремимся отделить кухню хотя бы шторой, если у нас маленькая квартира. Однако у них главный довод — традиционнорелигиозный. Учитывая многочисленные индусские предписания, касающиеся пищи, а главное — ритуальные, надежнее всего отодвинуть готовку блюд на задний план, так, чтобы было совершенно ясно, что религиозное чувство гостя не будет задето. В городских домах кухня располагается сзади, на первом этаже, а в деревне, как правило, — под особым навесом во дворе.

Хотя мои бенгальские мамы и не придерживались строгих предписаний — иначе бы меня в семью просто не приняли, — тем не менее даже в них жил пережиток многовекового стремления не готовить на людях. К тому же тут играла свою роль и скромность. Не будут же они хвалиться своими древними инструментами и методами перед человеком, в кухне которого, по их представлению, царит наиновейшая техника.

Мне стоило усилий убедить их, что я хотела бы видеть их на кухне за работой — и, конечно, не для того, чтобы посмеяться или проконтролировать гигиену, а из одного любопытства. Когда же мне это удалось, я была поражена. Дело в том, что оборудование бенгальской кухни принципиально отличается от нашего.

В деревнях бенгальская «плита» — это круглый глиняный очаг с одним отверстием для топки, а другим — для выгребания золы. Верхняя часть открыта, так что огонь прямо касается днища горшков. Иногда это переносный очаг такой же формы, но с более тонкими стенками. Такие очаги до сих пор являются частью многих городских домашних хозяйств. Газовые плиты, которые в городах вытесняют очаги, имеют традиционную высоту — позволяющую готовить, сидя на корточках. Европейскими высокими плитами пользуются лишь в очень зажиточных семьях.

Кухонная утварь приспособлена к форме очага и

способу приготовления пищи. У нее закругленное днище, как у наших походных котелков. Это касается как сковородок, так и высоких кастрюль.

Подобно походным котелкам, они всегда закопчены снизу. Однако у бенгальских хозяек нет к ним безразличного отношения туриста. В бедных хозяйствах металлическая утварь — часто единственное богатство в доме и потому пользуется подобающим уважением и заботой. Возле деревенских прудов по утрам (часто грязная посуда остается с вечера) я встречала женщин, старательно начищающих эту утварь песком, золой, пучком травы или соломы. Пятна на посуде устранялись кислым тамариндовым соком, а окончательный блеск ей придавала неутомимая работа рук. Женщины чистили, терли ее, пока медная посуда не начинала блестеть, словно золотая.

Приготовление пищи и мытье посуды мне часто напоминали старинные сказки, но все-таки я ни в коем случае не хотела бы поменять свою пражскую жизнь на эту идиллию. Повседневная работа существенно отличается от старинных сказок.

Кухонные принадлежности в Бенгалии исключительно простые. Кроме камня и валика для размола корней есть еще деревянный валик и дощечка для разделки теста, несколько поварешек, ручки для снятия сковородок с огня, а главное — *бати* (нож-секач).

В бенгальской кухне наш нож служит лишь для немногих операций, здешняя хозяйка в основном орудует бати. Она несколько напоминает серп, скрепленный с дощечкой. Если вам необходимо что-либо разрезать, вы садитесь на корточки, правую ногу ставите на дощечку, чтобы придать бати устойчивость, и начинаете двигать разрезаемый предмет по острию «серпа». Способ резанья и сам инструмент так отличны от наших, что уже только из-за бати я никогда не могла бы в Бенгалии выйти замуж. Лишь однажды я попыталась на нем разрезать арбуз: присела в сари на корточки, держа правую ногу на дощечке, но покачнулась раньше, чем успела поднести арбуз к острию. После нескольких робких попыток (причем каждый раз я опасалась наклониться, чтобы не упасть и не выколоть себе острием бати глаза) пришлось отказаться от этой затеи. Уж лучше сохранить здоровье и зрение, чем приобрести опыт.

Бенгальские хозяйки с помощью бати не только обрабатывают овощи, но даже чистят рыбу.

Работа, которая занимает у деревенских женщин все вечера,— это очистка риса при помощи толстого деревянного бруса или палки. Этот инструмент опускается, как колотушка, в ямку с рисом, обдирая рисовые зерна. Когда они ободраны, их отделяют от мусора, подбрасывая на решете. Чешуйки отлетают, и содержимое ссыпают в корзинку. Получается превосходный рис, ведь подобный метод очистки не лишает его ни вкуса, ни витаминов, в отличие от мельничного помола. И сам звук, издаваемый при этом, приятен! Глухое «бух, бух, бух» хорошо вписывается в колорит деревенских вечеров. Но мне больше нравилось есть этот прекрасный деревенский рис, чем чистить.

Я не хочу утверждать, что все бенгалки сами раздувают огонь в очагах и едят рис, который сами очистили. У меня в Бенгалии есть много приятельниц, жизнь которых на первый взгляд очень похожа на нашу. Например, моя калькуттская знакомая — служащая национальной библиотеки. У нее восьмичасовой рабочий день, она обедает в столовой и живет в квартире, предоставленной работодателем. Ее дети находятся на попечении бабушки. Если бы у нее не было бабушки, она легко нашла бы няню. Однако стоит пожелать оставить детей на более квалифицированное попечение, как сразу же возникают проблемы. Дело в том, что детских садов в Калькутте (а тем более в деревне) очень мало, а плата за них высокая, ясли же практически отсутствуют.

Работающих женщин с высшим образованием в Бенгалии по сравнению с европейскими мало. Одни, имеющие высшее образование, к работе не стремятся, другие не могут ее найти. Рабочих мест для специалистов с высшим образованием в Индии все еще недостаточно, тем более для женщин.

Нелегка доля огромной армии женщин, занятых на ручном производстве,— плетельщиц корзин, уборщиц, работниц на стройках, поденщиц. Все они принадлежат к самым бедным слоям населения. Эти женщины и представить себе не могут, что в других странах существуют ясли, детские сады, декретный отпуск и тем более доплата на детей. Они решают ситуацию по-своему: отправляются на работу, неся ребенка на бедре. Там мать опускает ребенка на пол — после этого он предоставлен самому себе: играй, как хочешь.

В общежитии у нас работала уборщицей одна молодая женщина. Она жила в деревне, расположенной

в трех километрах от нас. Каждое утро она отправлялась со своими двумя детьми в трехкилометровый путь в общежитие, вечером проделывала то же. Девочку она несла на боку, а мальчика вела за руку. Придя в общежитие, женщина во дворе кормила девочку грудью, а мальчик съедал что-нибудь из ее узелка или с тарелок, выставленных студентками вечером за дверь для мытья. Мать принималась за работу. Она мыла, вытирала посуду, подметала полы, а дети в это время играли во дворе. В полдень она укладывала их спать на полу в холле общежития. Ребята тут же крепко засыпали и лежали рядышком неподвижные, словно две куклы, а жизнь в общежитии шла своим чередом: через них переступали, собаки их обнюхивали, из репродуктора гремели шлягеры.

В большинстве случаев женщины имеют не двоих детей, а больше. У каждой трудоспособной женщины из этих слоев населения за сари держится не один младенец. Санталки, которые рыли фундамент для шантиникетонских домов, являлись на работу со всем своим потомством. На голове — корзина с едой, на боку — самый младший ребенок, а сзади остальные. Женщины приходили из отдаленных деревень. Они шли гуськом по тропинкам среди рисовых полей — несколько матерей, огромное количество детей и, как правило, один взрослый мужчина (он присматривал за всеми). Все громко пели, а мужчина играл на дудочке. Поскольку в сантальском языке «р» весьма выразительное, а все они при этом смеялись, то мне казалось, будто эти люди не переставая поют *тра-ра-ра*.

Конечно, на деревенской тропинке можно беззаботно напевать, но когда сантальские матери приводили свое потомство в зал металлургического комбината в Ранчи, у наших экспертов буквально волосы становились дыбом. Малыши возились возле токарных станков!

Считается, что бенгальская жена должна принести семье счастье. Она словно вошедшая в семью богиня счастья Лакшми. Как правило, девушка не обладает божественными способностями своего идеала, поэтому счастье она должна создать постоянным и упорным трудом или хотя бы приданым.

Индийская мифология, которая жива и сегодня, дает целый ряд примеров: Савитри, последовавшая за своим умершим мужем в царство теней и освободившая его оттуда верной любовью; Сати, принявшая добровольную

смерть из чувства стыда за то, что ее отец публично оскорбил мужа, и т. д.— словом, толпы женщин, не выдавших ни малейшим жестом свое несогласие с самыми абсурдными затеями мужа, служившие ему верой и правдой по заповедям Ману, как своему единственному богу. Конечно, прежде всего это Сита, героиня славного эпоса «Рамаяна». Она не только последовала за своим мужем в изгнание (покинула дворец и отправилась в джунгли), но и сохранила ему верность даже тогда, когда ее похитил царь демонов, пытавшийся всеми возможными чарами соблазнить ее. Наконец, муж все-таки освободил жену, и она, не дрогнув, прошла испытание огнем, чтобы доказать свою чистоту, и не обиделась, когда тот ей не поверил. Беспрекословно подчинилась она его приказу и ушла в новое изгнание, чтобы на мужа не могла пасть даже тень подозрений, что рядом с ним женщина, у которой была возможность осквернить его честь.

Однако повеление «будь как Сита» выражает не только отношение жены к мужу. Оно включает и безоговорочное послушание всему его роду.

В книге одного бенгальского автора, написанной им в конце прошлого столетия и посвященной бенгальским индусским обычаям, я прочла такие слова: «От жены ждут, что она не будет обращаться в присутствии чужих к своему мужу, а также к его старшим родственникам — мужчинам и женщинам. В течение всей жизни она не смеет появиться перед старшими братьями, двоюродными братьями и дядями своего мужа. Она может говорить только с младшими женщинами, и то лишь шепотом».

Я сама видела (и это случалось не только в семьях необразованных людей), как жена закрывала лицо сари перед старшим братом своего мужа. Бенгалок, которые по имени обращаются к своему мужу, можно сосчитать по пальцам. Остальные величают мужа почтительно — *Оя*. В бенгальском языке есть для третьего лица особая форма учтивости.

Ну, а каковы взаимоотношения мужа и жены? Бенгалка прекрасно знает, что она, благодаря своим домашним обязанностям и хлопотам, может стать главным рычагом семейной жизни. Но она также прекрасно понимает, что свободой в супружестве будет обладать лишь ее муж, а не она сама.

Сначала об этом разделении семейных ролей я ни-

чего не знала и потеряла в Индии много времени на безрезультатные уговоры моих бенгальских приятельниц пойти со мной в театр или в кино или показать мне свой город или деревню. Лишь спустя некоторое время я поняла: если хочешь в Бенгалии увидеть что-нибудь, лучше сразу обращаться к хозяину, чем к его супруге.

В Калькутте у меня, например, был неоценимый экскурсовод по театрам, выставкам, школам, а также по трущобам и рынкам. Это был один мой друг — редактор и издатель. Он был женат. С этим было все в порядке. Если бы он не был женат, то это могло бросить тень на мою репутацию. Что касается бенгальцев, то они все безусловно хранят верность своим женам. Издатель был, конечно, из их числа, но каково было его жене, если во время моих визитов в Калькутту он проводил со мной все дни? Я очень любила посещать рынок, а поскольку в Бенгалии туда чаще всего ходят мужья (чтобы другие мужчины не заглядывались на их жен), то и в данном случае мне пришлось воспользоваться его услугами. Мы встречались с ним каждое утро в половине шестого по пути на рынок и прощались часов в одиннадцать вечера, после дискуссии с артистами по окончании спектакля. В течение дня на несколько часов мы расставались, но тем не менее большую часть времени проводили вместе. Ни одна европейская жена, безусловно, не потерпела бы такого.

Жена издателя, однако, не только не протестовала, но, в свою очередь, старалась приготовить мне очень вкусные блюда. А на праздник в честь богини Дурги она подарила мне прекрасное оранжеевое сари из муршидабадского шелка. Это была очень милая женщина. Я к ней сильно привязалась, но все-таки предпочитала проводить время в обществе ее мужа. В противном случае я должна была бы в основном сидеть дома и резать на кухне овощи. С ним же я могла гулять по Калькутте.

Постоянное сидение дома и отсутствие возможностей проявить себя вне дома приводят многих бенгалок к пассивности, которую европейцу понять трудно. Однажды я ехала поездом из Калькутты в Патну. У меня было заказано место третьего класса. Когда я подошла к своему вагону, то обнаружила, что купе закрыто изнутри. В нем сидела полная бенгалка средних лет и жевала бетель. Я объяснила ей через окно, что она должна открыть дверь, потому что в этом купе находится мое место. Женщина вяло улыбнулась и сказала, что *Он* ушел

В бенгальской деревне

**Там почтительно приветствуют учителя
в Южной Индии («взятие праха с ног»)**

Традиционную одежду — сари — женщины разных штатов Индии носят по-разному

Замужнюю женщину легко узнать — конец сари покрывает ее голову

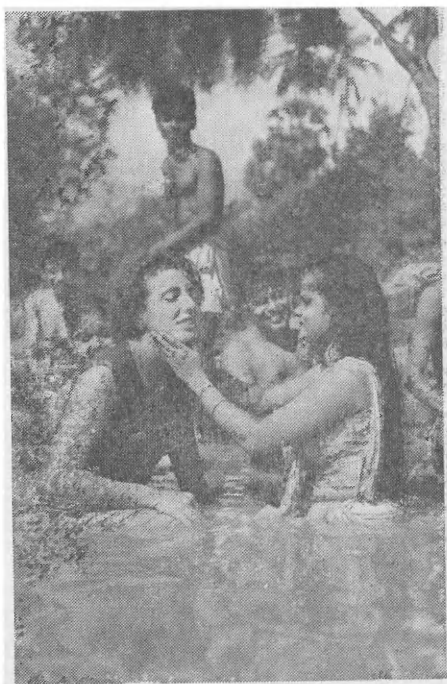
Стирка белья индийским способом — занятие не из легких, поэтому эту работу выполняют мужчины-прачки

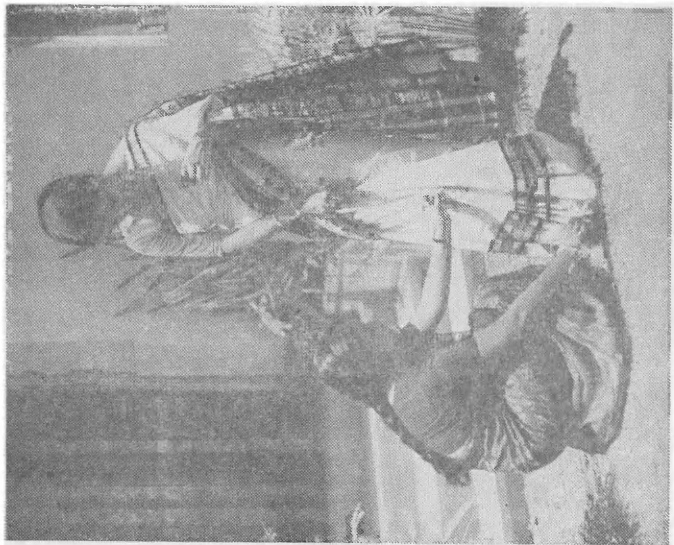

Пока мужчины стирают белье, женщины готовят обед

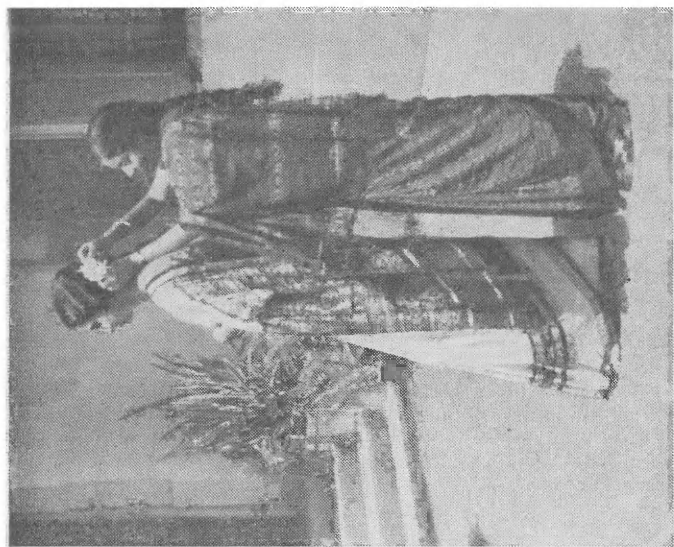
Купание в Ганге

Бенгальские студентки
возле общежития
(г. Шантиникетон)

Чтобы красиво заложить складки на сари, необходима помощь подруги

Индийские девушки всегда украшают причёску цветами

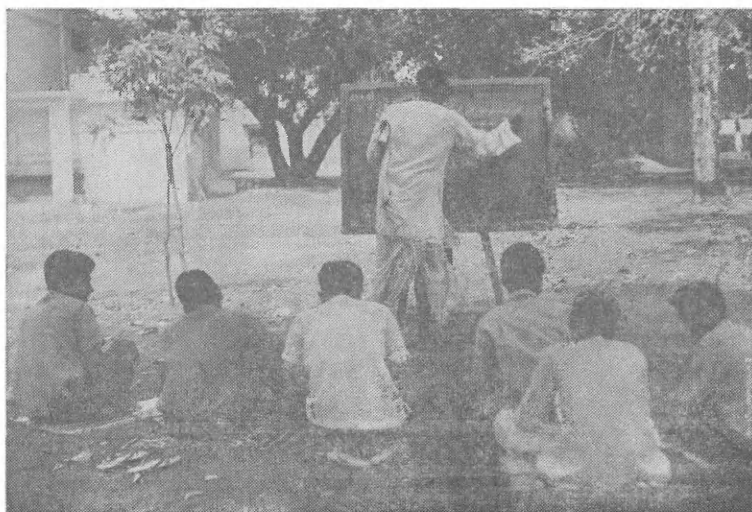
Так девушки-санталки переносят тяжести

Индийский крестьянин в дхоти

Индийские школьники

Занятия в университете
(г. Шантиникетон)
обычно проходят под
открытым небом

Бенгальская женщина ловко режет серповидным бати дыню

Бенгальская крестьянка готовится к обмолоту риса

Старая бенгалка за работой

Этот бенгальский мальчик — пастух

**Все ушли на работу,
в деревне остались лишь
старики и дети**

**Деревенские детишки
с удовольствием позиру-
ют перед объективом**

Часто бенгальской женщине не с кем оставить ребенка дома, и она берет его с собой на работу

Юная бенгалка в европейском костюме

жупить что-нибудь поесть на дорогу, а ей велел закрыть-ся. Минут через десять поезд должен был тронуться, и все занимали свои места, поэтому я кинулась к проводнику. Тот проверил мой билет и попросил женщину открыть купе. Бенгалка не двинулась с места. Она безучастно жевала бетель и ограничилась лаконичным:

— Когда придет *Он*.

Проводник, видимо, понимал, что объяснять что-либо даме бесполезно (ведь ей так приказал себя вести *Он*), поэтому ушел, так ничего и не добившись.

Тем временем возле окна вагона собралось человек шесть. Они размахивали билетами, что-то кричали, грозили выломать дверь. Женщина безучастно следила за тем, как бесновались люди за окном вагона. Я страшно рассердилась.

Минут пять спустя после планируемого отхода поезда наконец появился муж этой дамы. Увидев разъяренных людей, он стал сверять свой билет с номером купе и тут обнаружил, что ошибся. Он громко бросил:

— Открой! — а сам двинулся к своему вагону.

Его половина с невозмутимым спокойствием следовала за ним на расстоянии двух шагов. Когда я уже сидела в купе и злость моя прошла, мне стало казаться, что не следовало так уж горячиться. Ведь женщина вела себя так спокойно, потому что исполняла свой наивысший долг — волю мужа. И ее удивительное спокойствие, казалось мне, можно было бы выразить такими словами: «Я не должна ни о чем заботиться. Все вопросы за меня решает *Он*».

Это две стороны медали. Если бы я встретила эту женщину при других обстоятельствах, например в ее доме, и она была бы матерью какой-нибудь моей подруги, то, возможно, написала бы о ней в самом начале этой главы. Почти каждая моя знакомая бенгалка казалась мне существом необыкновенным: с одной стороны, невероятно пассивной, почти равнодушной, если я пыталась заставить ее быть активной вне дома, а с другой стороны, удивительно деятельной, самоотверженной и изобретательной, если ей приходилось заботиться обо мне и о моем душевном спокойствии, когда я находилась у них дома.

До тех пор пока я не составила представления об этих двух ликах, бенгалки не могли стать моими настоящими приятельницами. Они подавляли меня своим внешним равнодушием к миру и, уж конечно, не прояв-

ляли никакой охоты помочь мне в попытках активного познания Бенгалии.

Потом я поняла, что следует от них ожидать. Я перестала мучить и их и себя желанием выполнить невозможное и стала ценить то, что они могли мне дать.

Они воспитываются на примерах героев индийского эпоса Ситы и Савитри, и хотя эти примеры возвышенны, в них содержится реалистическое поучение, что супружество не только мед, и жене придется научиться быть сдержанной и уметь держать себя в руках. Если бенгалка после свадьбы обнаруживает, что ее выдали за муж за эгоиста, она не станет от этого несчастной. Если же она откроет, что ее муж человек достойный, она счастлива. А как готовят нас к супружеству?

Я перебираю в памяти наших классических литературных героев. Здесь Ромео и Джульетта, Тристан и Изольда, Цезарь и Клеопатра. Ни одна из этих пар не является образцом для возможного супружества. Вот классический идеал любви — ради нее герои идут на верную смерть. Тем не менее современная литература утверждает романтический подход к действительности, хотя в ней мало романтически мыслящих героинь. Наверное, поэтому-то мы и ошибаемся в самом главном. Вряд ли какой-нибудь современный муж ждет, чтобы ради него умирала жена. Скорее уж ждет не дожидется, чтобы ему стирали носки и почитали главой семейства. Все дело в послесвадебном шоке. Мы выходим замуж за своего Ромео, а на деле он (или она) оказывается обычным Миреком или Кайей. Желаем идеала — а перед нами нечто среднее или даже ниже этого уровня. В первом случае мы — разочарованы, во втором — идем на развод.

Конечно, дело не только в нашем нереалистическом отношении к партнеру. Нельзя сравнивать общественное положение бенгалок с нашим. То, за что борются наиболее прогрессивные из них, мы получаем от нашего общества вместе со свидетельством о рождении: право на образование наравне с мужчинами, равноправное социальное положение, возможность свободного выбора профессии.

Мы имеем возможность сами строить свою жизнь. У нас намного больше свободы в выборе, кем стать. Однако многие из нас обращаются с этой свободой удивительно несерьезно. Жизнь дает нам широкий круг деятельности. Мы тем не менее совершаем, вероятно, одну

и ту же ошибку: стремимся воспользоваться всеми этими возможностями сразу. Так, в детстве мы мечемся между куклами, фигурным катанием и кружком по пению. В юности — между поклонниками и несколькими профессиями, позднее — между мужем, научной работой, кухней и культурной программой. Потом появляются дети, и мы рвем на себе волосы по поводу того, что культурные мероприятия придется исключить. Затем исключаются и дети (выросли!), но жизнь уже прошла, и ошибки исправлять уже поздно.

Бенгалок, как правило, никто не спрашивает, кем они хотели бы стать. Они трудятся на своем маленьком жизненном «участке», выделенном им без всяких дискуссий. Если они и видят, что это плохой участок, то знают — лучшего не будет никогда. Поэтому они стремятся успеть сделать на нем как можно больше.

В конце концов они все-таки превращают его в цветущий сад, который радует не только их, но и окружающих.

Мне кажется, и нам есть чему у них поучиться. Конечно, никто из нас уже никогда не смирится с мыслью, что его личную судьбу будет определять кто-то другой. Однако если нам дана возможность самим выбрать жизненный «участок», нельзя же, обнаружив, что на нашем камне больше, чем мы ожидали, опускать руки и искать другой. Заполучить участок легко, а вот возделывать его на радость себе и всем вокруг — намного труднее.

Иногда мне кажется, что бенгальские женщины знают и умеют это делать лучше, чем европейские.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Такие книги, как эта, советскому читателю очень нужны. Главная ее ценность — в насыщенности личными наблюдениями автора, молодого чешского индолога, изучающего язык бенгали. Гана Прейнгальтерова провела период своей стажировки в самой гуще студенческой жизни, в университете Шантиникетон, основанном в свое время Рабиндранатом Тагором. По замыслу Тагора, здесь должно было протекать широкое изучение культуры в самых разных ее проявлениях, от языка до народных ремесел. В университете функционируют разные факультеты гуманитарного направления и, кроме того, существует особый производственный комбинат, Шрииникетон, где работают отходники из окружающих деревень. Таким образом, студенты знакомятся с трудовыми процессами и изучают художественные ремесла.

Главное внимание преподаватели уделяют курсу языка и литературы. Однако много часов отводится также занятиям рисунком, живописью, пластикой, танцем и музыкой. В процесс всестороннего художественного развития учащихся входит также и изучение ими традиционного народного искусства индийских женщин — *манесемия* на землю или на пол ритуальных узоров, которые по-бенгальски называются *альпона*.

Для этого используется рисовая мука или белый порошок, но часты также и многоцветные узоры. Женщины берут горсть порошка и, сжав кулак, слегка раздвигают пальцы, высыпая его тоненькой струйкой (или параллельными) на землю и нанося таким образом на нее полоски. Делая рукой точные, заученные с детства движения, они создают путем перекрещивания и переплетения этих полосок сложнейшие узоры, образующие иногда яркие расписанные ковры, которые покрывают большую площадь двора или пола. Такие узоры, по обычаю, женщины делают к дням праздников и семейных торжеств — особенно к свадьбам — вокруг священного огня, на месте, где происходит венчание.

Студентки Шантиникетона славятся своим искусством создавать альпона. Они наносят эти узоры и в традиционной манере, отражающей то магическое значение, которое приписывается им издревле,

и по рисункам, разрабатываемым художниками, сотрудничающими с этим университетом.

К сожалению, автор об этом не пишет, а знание такой специфической черты обучения в университете Шантиникетон поможет читателю расширить свои представления об этом своеобразном учебном заведении.

Г. Прейнгальтерова, специализируясь в бенгальском языке и живя в общежитии университета, довольно точно подметила ряд своеобразных черт жизни и быта бенгальских девушек и щедро поделилась с читателем своими наблюдениями. Однако, не будучи индологом широкого профиля, она привязывает все свои материалы только к бенгальцам, в силу чего у читателя может создаться впечатление, будто лишь данной этнической среде свойственны описываемые особенности. На деле же это далеко не так. Поэтому хотелось бы несколько расширить рамки этих описаний, чтобы восстановить невольно нарушенное равновесие и дать читателю небольшую долю необходимой информации.

Начнем хотя бы с сари. Описываемый стиль ношения этой одежды, именуемый чаще всего *ниви*, является типичным для всех женщин Индии, особенно для горожанок. Это как бы официальный стиль. Но в манере драпировки существуют локальные варианты, и при описании одежды замужних женщин автор очень точно подмечает манеру бенгалок пропускать конец сари под правую руку, а затем перебрасывать через левое плечо и привязывать к уголку ключи. Так делают женщины только в Бенгалии. Следует указать также, что это характерно для домохозяек из оредних и высоких каст. Крестьянки, уборщицы, работницы и т.п. носят более короткие сари и ключей к нему не привязывают.

Автор с сожалением замечает, что учащиеся девушки, выходя замуж, в большинстве своем теряют квалификацию и превращаются «только в жен». Это явление все еще можно наблюдать в Индии повсеместно, но не следует забывать и о том, что с каждым годом меняются условия жизни женщин в этой стране. Рост образования и мероприятия правительства и многих организаций, направленные на трудоустройство женщин, на их раскрепощение и отход от старых обычаев, приносят ощутимые плоды — интеллигентная женщина в наше время сплошь и рядом широко участвует в трудовой и общественной деятельности, и бенгалки не являются исключением из этого общеиндийского правила.

Равным образом абсолютно общеиндийский характер носит прививаемое с детства отношение к браку как к акту, имеющему не только высокое религиозное звучание, но и социальное значение. Это — высшая форма служения обществу. Ощущение семьи как основной, хотя и самой мелкой общественной единицы, взгляд на семью как на главный объект любви и заботы, доходящей до полного са-

моотречения, осознание нерушимости брака, умение, как точно формулирует автор, «нацелиться на повседневность» и, по ее же словам, «чувство дома в полной мере» — все это характерно для любой семьи индусов и джайнов, то есть приверженцев наиболее древних форм индийских религий (у мусульман, в отличие от этих, мужчины могут легко расторгать брак).

Читателям, которым эти вопросы заинтересуют более глубоко, следует порекомендовать научно-популярную книгу Н. Р. Гусевой «Многоликая Индия» (М., 1971, 1982), а также новое исследование Е. С. Юрловой «Социальное положение женщин и женское движение в Индии» (М., 1982). В этих работах содержатся не только описания семейных отношений, но и анализ современного положения женщин и их борьбы за свои права.

То, что автор с ностальгической тоской говорит о прочности семейных устоев в Индии, можно легко понять — ведь число разводов в молодых семьях во многих странах достигает катастрофических размеров и каждой женщине знакомо чувство опасения за сохранность своей семьи. Пожалуй, не только каждой женщине, но также и многим мужчинам, особенно тем, кто привязан к своим детям. А уж тот факт, что в Индии семейные связи очень крепки, не подлежит оспариванию, как бесспорно и то, что женщина находится в зависимости от мужа и живет под полной его опекой.

Не только среди бенгальцев, но и у других индийских народов браки во многих случаях все еще заключаются по выбору родителей. Сватовство, смотрины (у тех групп населения, у которых они приняты), а затем и сама свадьба и встреча невесты в доме мужа — все протекает у большинства населения так, как описывается в этой книге. Возможны самые разные варианты в зависимости от принадлежности к тому или иному народу, к той или другой касте или секте, но есть все же общие черты, свойственные всем индусам. Главная линия различий проходит по границе, отделяющей «чистые» касты от «низких» — в первых принято давать за девушкой приданое, во вторых за нее обычно вносят выкуп. И если только члену «низкой» касты удастся повысить свой социальный статус (скажем, за счет покупки родословной, возводящей его к «высоким» предкам, и в первую очередь за счет повышения своего материального положения), он старается ввести в свой обиход обычай приданого как реальное доказательство своей принадлежности к «чистым» кастам.

Браки повсеместно продолжают заключаться главным образом в пределах своей касты — от этого правила отходит только часть городской интеллигенции, а также вдовцы, имеющие детей, и бесприданницы. Таким образом, не только в Бенгалии сохраняются такие пережитки старины, как детские браки и обычай вечного вдовства. Активная борьба законодательных органов и общественности страны постепенно приводит к их искоренению, но приверженность

религиозно-поведенческим нормам еще так велика, что трудно предсказать, когда наступит конец этим отголоскам далекого прошлого.

Очень интересны в книге также описания, касающиеся отношения бенгальцев (следует опять же видеть за ними всех индусов) к еде, процессу приготовления пищи, к кухне как к святому, чистому месту. Европейцам, долго живущим в Индии и активно общающимся с индийцами, так сказать, «на домашнем уровне», бывает действительно довольно трудно привыкнуть сидеть на полу, есть рукой, умело смешивать рис на своей тарелке (фаянсовой, металлической или сделанной из листьев) с соусами и приправами, не обжигать рот огненным красным перцем, не употреблять алкогольных напитков, но уметь пить много соков или холодной воды во время обеда — словом, адаптироваться к чужому и весьма необычному образу жизни. Но уж когда ко всему этому привыкнешь, то, вернувшись в свою страну, ловишь себя на том, что, садясь на стул или на диван, норовишь подобрать ноги и сесть по-турецки или, забывшись, можешь начать есть руками, скажем, салат или любое другое блюдо (даже в гостях).

Живые зарисовки автора помогают нам представить себе темп и характер жизни индийской семьи (повторяю — не только бенгальской). Теплоту индийских сердец и их открытость я знаю по собственному опыту — нет счета моим родственникам в этой стране. Стоит обратиться к мужчине, назвав его братом, и он станет вашим братом, готовым и помочь, и, если надо, защитить, особенно если в день *ракша-бандхан* (это праздник братьев и сестер, укрепляющий их родственные чувства) повязать ему на запястье *ракшу*, или *ракху*, — шнурочек с каким-либо украшением на нем. А женщины всегда готовы принять вас как сеспру, как дорогую подругу, как мать или дочь — в зависимости от их и вашего возраста.

Прочитав эту книгу, каждый читатель может мысленно расширить рамки описаний, отнеся их и к другим народам Индии, и, таким образом, составить себе представление о многих чертах быта индийцев, с которым трудно познакомиться туристу, но который привлекает наше внимание своим своеобразием. Мы должны быть благодарны автору за стремление рассказать о том, что редко встретишь в книгах, но что продолжает отличать Индию от других стран мира. Об этом хочет знать каждый, кого интересуют разные стороны культуры этой древней, великой страны.

Книга Г. Прейсгальтеровой издается с незначительными сокращениями.

Н. Р. Гусева

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к русскому изданию	3
Предисловие	7
Сложности с этикетом	11
Дома ешь то, что есть	31
Сари — крик моды последнего тысячелетия, или как одеваться в тропиках	57
Бенгальский идеал красоты	79
Сватовство по-бенгальски	99
Замужество по-бенгальски	112
У меня появились новые мамы	132
<i>Н. Р. Гусева. Послесловие</i>	164

Гана Прейнгальтерова

Мои бенгальские подруги

Утверждено к печати Редакцией серии «Рассказы о странах Востока»

Редактор *Э. О. Секар*. Младший редактор *Л. В. Исаева*. Художник *Н. П. Ларский*. Художественный редактор *Э. Л. Эрман*. Технический редактор *З. С. Теплякова*. Корректор *Н. Б. Осягина*

ИБ № 14980

Сдано в набор 11.10.83. Подписано к печати 01.02.84. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 3. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 8,82. Усл. кр.-отт. 9,14. Уч.-изд. л. 10,55. Тираж 30 000 экз. Изд. № 5429. Зак. № 742. Цена 65 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука». Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

65 к.